

Л. ДАВЫДЫЧЕВ • ДРУЗЬЯ МОИ, ПРИЯТЕЛИ

Л. ДАВЫДЫЧЕВ
ДРУЗЬЯ МОИ,
ПРИЯТЕЛИ

Лев Иванович Давыдычев родился в 1927 году в городе Соликамске Пермской области. Он окончил нефтяной техникум, работал техником-оператором, а потом поступил на историко-филологический факультет Пермского университета. Стал журналистом, сотрудничал в газетах. В 1952 году появилась его первая книга — сборник рассказов «Волшебник дачного посёлка». Книга была написана про детей и для детей. С тех пор дети стали действующими лицами и главными читателями большинства рассказов и повестей Давыдычева. Он их так и называет — «уважаемые читатели».

Героев этой книги не надо искать среди своих знакомых. Они, конечно, на наших знакомых похожи, но не такие. Иван Семёнов, например, не просто лодырь и выдумщик — он великий лодырь и выдумщик. Петька-Пара из другой повести не просто соня — он соня-засоня невероятный, жуткий, фантастический. Сусанна Кольчикова не просто злая девчонка, а такая, что злее не придумаешь. Зато Лёлишна — такая умелая и заботливая девочка, что старательнее и добрее не найдёшь. И всё, что в этих повестях происходит с ними — мальчиками и девочками, бабушками и дедушками, артистами цирка и милиционерами, — не просто весело, а ужасно смешно. Уж такой любитель *преувеличивать* этот писатель Лев Иванович Давыдычев.

А уважаемые читатели читают, хохочут и догадываются, зачем он это делает: не только затем, чтобы их, уважаемых читателей, посмешить и позабавить, а затем, чтобы они получше разглядели доброту добрых, упорство упорных, мужество храбрых и коварство злых, жадных, несправедливых. Об этом — все книги весёлого писателя Давыдычева.

А. Зебзеева

ДРУЗЬЯ МОИ, ПРИЯТЕЛИ,

ИЛИ
ПОВЕСТЬ О ТОМ,
КАК ЖИЛИ РЕБЯТА
В НИЖНИХ ПЕТУХАХ,
ЛОВИЛИ ТИГРА,
СТРОИЛИ ВЕЗДЕХОД,
ВОЕВАЛИ С КРАПИВОЙ,
ПРОВИННИЛИСЬ, И ЧТО
ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

*Что произошло на речном трамвае,
когда он проплывал
под железнодорожным мостом*

Речной трамвай отвалил от пристани дачного вокзала и поплыл вниз по реке. Лёгкий и быстрый, он весело разрезал воду, и встречные волны разбивались о него в мелкие брызги.

Мимо проплывали огромные белые теплоходы и широкобокие буксиры. За собой буксиры тащили длинные плоты. Брёвен в плотях было столько, что и сосчитать невозможно даже десятикласснику.

А суда на подводных крыльях! Они неслись над водой, будто действительно готовые взлететь.

А белопарусные яхты! До сих пор жалею, что в детстве не догадался поступить в яхт-клуб. Был бы я сейчас капитаном.

Но больше всего на Каме мне нравятся буксирные катера. Величиной они чуть побольше автомашины «Москвич» старой марки, а какие баржи тянут! Смотришь: малышка катер тащит баржу раз в двадцать, а то и в тридцать больше себя. Вот вам и малышка! Ему великан позавидует.

Есть что посмотреть на Каме!

И неудивительно, совсем неудивительно, что у левого борта речного трамвая стоял мальчик и глядел во все глаза. На голове у мальчика была матросская бескозырка, и, конечно, сейчас ему казалось, что он настоящий моряк.

Завыла сирена: впереди железнодорожный мост. По мосту грохотал поезд. Когда трамвай проплывал под мостом, мальчик поднял лицо вверх.

С этого места читайте внимательно:

начинаются СОБЫТИЯ,
разные СЛУЧАИ.

Когда трамвай проплывал под мостом, Павлик Меркушев (так звали мальчика) поднял лицо вверх. От этого движения бескозырка сорвалась и полетела вниз, в воду. Павлик едва не бросился за ней. Попробуйте-ка потерять новую бескозырку, тогда поймёте, как это обидно.

Павлик перегнулся за борт, но было уже поздно.

— Достанется вам на орехи, — весело сказала старушка в белой пионерской панаме.

— Не надо мне никаких орехов, — пробормотал Павлик.

Старушка рассмеялась и двумя руками надвинула свою панаму на свою голову.

— Цела твоя шапка, — произнёс дяденька с длинными висячими усами, — кто-то её внизу подхватил.

— Уж лучше бы она в воду упала, — с сожалением проговорила старушка. — Всё равно не отдадут. Плакала ваша кепочка.

Павлик не знал, что головные уборы могут, оказывается, плакать, но не стал расспрашивать, а по лестнице спустился в нижний класс.

Здесь все места были заняты пассажирами. Ни на одном из них бескозырки не было. Павлик решил вернуться на палубу, но вдруг услышал за спиной шёпот:

— Эй ты, разиня!

Он обернулся и увидел свою бескозырку. Она была на голове белобрысого веснушчатого мальчишки с облупленным розоватым носом.

— Отдай бескозырку! Моя! — сказал Павлик и протянул руку.

Белобрысый ловко увернулся, подмигнул и поманил Павлика за собой. Они вышли на корму.

— Не твоя это бескозырка, — проговорил белобрысый. — Твоя в Каму упала.

— Моя! Вон буквы вышиты — «П» и «М». Значит — Павлик Меркушев. А Павлик Меркушев — это я и есть.

— Откуда я обязан знать, что ты «П» и «М»? А вот я — Петя Масалкин. Это уж точно.

— Точно, но нечестно!

Петя Масалкин улыбнулся и сказал:

— Не твоя это бескозырка. Твоя в реку упала?

— Упала.

— Простился ты с ней?

— Простился.

— Если бы я её не подхватил, где бы она сейчас была?

— В воде.

— Значит, не у тебя?

— Не у меня, — и Павлик вздохнул.

— Так об чём вопрос? — Петя поднял вверх указательный палец. — Упала — пропала. А то, что я руку протянул, так уж это моё дело. Моя рука. Захотел — протянул. Правда? Уж лучше я бескозырку носить буду, чем лежать ей в сырой воде. Правда?

— Правда, — со вздохом согласился Павлик. — Но если бы ты уронил свою бескозырку, а я бы её поймал, то я бы отдал. Поносил бы и отдал.

— Но ведь я — не ты! — воскликнул Петя. — Иди подыши свежим воздухом. Приятно.

Дышать свежим воздухом, конечно, приятно, но бескозырку всё-таки жалко. Павлик постоял ещё немного и поднялся на верхнюю палубу.

— Нашёл свою кепку без козырька? — спросила старушка в пионерской панаме.

— Нет, не отдали.

— А что я тебе говорила? — обрадовалась старушка. — Ты куда едешь?

— В Нижние Петухи.

— В Нижние Петухи?! — с ужасом переспросила старушка. — Ведный ребёнок! Вернись, пока не поздно! Там живут такие противные, неприятные, страшные, невоспитанные, грубые мальчишки, что даже днём опасно показываться на улице! Тебя избьют! Они всех бьют, даже самих себя!

Старушка поёжилась и замолчала.

Павлик тоже поёжился.

Сведения о Нижних Петухах

пополняются

Завыла сирена. Трамвай, миновав пристань, чуть замедлил ход, повернул против течения и стал приближаться к барже. Она и служила пристанью. Здесь строился новый речной порт, и настоящей пристани ещё не было.

На берегу красовались высокие подъёмные краны. Своими вытянутыми шеями-стрелами они напоминали гусей. Ковшами краны-гуси поднимали каменный уголь из вагонов и высыпали его на берег.

Павлик загляделся и вдруг почувствовал на своей голове бескозырку. Её ленточки пощекотали ему шею.

Он обернулся и увидел Петю Масалкина. Тот улыбался, наморщив облупленный розоватый нос.

— Вот молодец! — обрадованно воскликнул Павлик. — Если ты что-нибудь когда-нибудь потеряешь, а я найду, то отдам.

— Не надейся, не потеряю. Не такая я разиня, как некоторые. Ты куда едешь?

— В Нижние Петухи. К дяде. Отдыхать.

— Известное дело — раз в Нижние Петухи, значит, отдыхать. Это, брат, такое место, где все отдыхают с утра до вечера.

— И не работают? — удивился Павлик.

— Нисколько, — подтвердил Петя. — Наши, местные, все работают, а приезжие, городские, — нет. Их ещё дачниками зовут. В полосатых штанах ходят, как клоуны, а тётеньки в халатах. Смехота!

— Они только летом не работают, — догадался Павлик, — а зимой работают, я знаю.

— А штаны у них полосатые, — упрямо сказал Пе-

тя. — Не будем спорить, не маленькие. Нижние Петухи — замечательное место. И ребята у нас хорошие. Морские бои часто устраиваем.

— А это как? — восторженно спросил Павлик.

— Очень просто, — ответил Петя. — Берём лодки — и в бой! Ура!

Между прочим, когда я был маленьким, я тоже любил морские бои на реке. Один раз меня в суматохе так стукнули веслом, что я ревел. И всё-таки морские бои на реке — хорошее дело, хотя без синяков и шишек никак не обойтись.

«Можешь за палец укусить, не пикну!»

— А меня играть примете? — спросил Павлик.

— Если ты правильный парень, если нюни не распускаешь...

— Никогда!

— Чем докажешь?

— Можешь за палец укусить, не пикну!

— Вот уж врёшь!

— На, кусай! Если пикну, бескозырка твоя.

— А если не пикнешь?

Павлик подумал и ответил:

— Будешь целый час на одной ноге стоять. На, кусай.

Павлик протянул указательный палец левой руки: правую ему было жалко.

Петя оглянулся по сторонам и осторожно взял палец зубами: потом сжал зубы крепче...

...ещё крепче...

...ещё...

Мимо плыл пароход. Таких Павлик не видел ни разу в жизни: колёса у этого диковинного судна были не по бокам, а сзади. Чтобы не закричать от боли, мальчик стал читать название парохода сзади наперёд. Получилось:

АНИЖУЧМЕЖ

Боль в пальце становилась нестерпимой. Павлик решил: «Сосчитаю до трёх и пикну».

Раз...

Раз с половиной...

Два...

Два с половиной...

— У меня зубы устали, — виновато сказал Петя, отпустив палец.

— Вставай на одну ногу, — смахнув со щеки слезинку, сказал Павлик.

— На левую или на правую?

— Хоть на какую, только честно.

Петя согнул левую ногу в колене.

— Руки по швам опусти, — приказал Павлик. — Стой как милиционер.

— Они-то на двух стоят. Им легче... А вот и Нижние Петухи!

Справа начинался высокий обрывистый берег. Вдоль по берегу стояли гладкие, как карандаши, и прямые сосны. Ветви у них были лишь у самых макушек.

Среди сосен — сады, а в садах — красивые разноцветные домики.

— Это и есть дачи, — объяснил Петя. — Близко подойдешь — увидишь, что балкончики резные, а на крышах деревянные петухи. Вон дом отдыха, вон детский санаторий, пионерский лагерь...

Всё это так понравилось Павлику, что он разрешил:

— Ладно уж, вставай на обе ноги.

— Нет, — со вздохом отказался Петя, — я, к сожалению, честный человек. Если надо один час на одной ноге стоять, час и простою. Всё равно мне дальше ехать. К дедушке.

Завыла сирена, и трамвай стал поворачивать к берегу. Рядом с Павликом оказалась старушка в пионерской панаме.

— На целых две с половиной минуты опоздали! — возмущённо сказала старушка и обратилась к Павлику: — Нашли свой головной убор? Редкий случай! Ну конечно, собирается дождь! — она взглянула вверх, и панاما слетела с её головы.

Павлик протянул руку, но опоздал.

Панама покачивалась на волнах.

— Капитан! Капитан! — кричала старушка. — Остановите пароход! Панама за бортом! Остановите пароход!

— Это не пароход, — сказал Петя, — а паротеплоход.

Трамвай пристал к двухэтажному, выкрашенному голубой краской дебаркадеру. Павлик пожал Пете руку.

*Предсказания старушки
в пионерской панаме сбываются.
Первая встреча Павлика
с сухопутным пиратом*

Тропинка вела вверх по берегу. Павлик вспомнил слова старушки в пионерской панаме о том, что здесь, в Нижних Петухах, живут ужасные мальчишки, которые бьют всех, даже самих себя.

А вдруг вот сейчас налетит кто-нибудь и настукает? Павлик оглянулся — никого.

Он двинулся вперёд, прошёл несколько шагов и вздрогнул. Откуда-то сверху на тропинку прыгнул мальчишка. Был он загорелый или чумазый — не разобрать. Остриженная под машинку голова казалась непомерно большой и неестественно круглой. Он презрительно сплюнул и спросил:

— Из города? Дачник?

— Из города, — тихо ответил Павлик, — может быть, дачник. Ещё не знаю.

— По шее хочешь?

— Нет.

Ответ озадачил большеголового мальчишку. Он почесал затылок и сказал:

— Я вот как дам тебе по шее...

— Зачем? — удивился Павлик.

— Зачем? — переспросил мальчишка и снова почесал затылок. — Не так надо отвечать. Я тебе скажу: «По шее хочешь?» Ты говори: «Попробуй». Ну слушай: по шее хочешь?

— Попробуй.

— Во! И попробую! Теперь говори: «Слабо!»

— Я тебе не попугай, — сердито ответил Павлик. — Если хочешь драться, давай, а болтать мне некогда.

Мальчишка обошёл Павлика и крикнул:

— А ну, попробуй стукни!

— Зачем мне тебя стукать? Ты лучше скажи, как тебя зовут.

Мальчишка сделал страшное лицо, скрючил пальцы, затряс большой головой и прорычал:

— Ррррррррр! Меня зовут Вилька Чудиков! Меня все боятся! Я сухопутный пиррррат! Никому прррроходу не

даю! Любому настукаю! Во! — он погрозил кулаком, грязным или загорелым — не разобрать. — Видал-миндал? Струсил?

— Конечно, — признался Павлик. — Стоит человек, рожи строит, кулаками размахивает, кричит, рычит. Может быть, ты ненормальный?

— Я? — Вилька задумался. — По-моему, нормальный. — Он сплюнул и добавил: — А в общем, топай отсюда. Мы с тобой ещё встретимся.

Вилька скрючил пальцы, хрюкнул и убежал.

*Кто такой Павлик Меркушев
и почему он приехал в Нижние Петухи
один*

Совсем забыл рассказать вам, кто такой Павлик Меркушев, как он оказался на речном трамвае один и зачем приехал в Нижние Петухи.

Павлику почти семь лет. Семь лет ему исполнится первого сентября. Понимаете?

Родители его — инженеры, работают на заводе. Лето они решили провести на Кавказе. А сына они решили отправить в Нижние Петухи к дяде Семёну.

— Какие такие Нижние Петухи? — спросил Павлик. — Почему Нижние? А Верхние есть? А Средние?

— Обо всём узнаешь у дяди Семёна, — сказал папа. — Поедешь туда один. Пора тебе быть самостоятельным человеком. Вот письмо дяде Семёну, вот деньги на билет.

А что может быть лучше, чем ехать куда-нибудь одному, без папы и мамы? Сам себе хозяин! Но чтобы это заслужить, надо доказать, что можешь вести себя на «пять», да ещё с плюсом.

Сами понимаете: не всем это удаётся.

Здесь я должен рассказать вам об одном печальном случае из моей жизни. И хотя это было очень давно, вспоминать об этом стыдно. Но я расскажу.

Было мне тогда лет девять. Жили мы в Березниках, есть такой чудесный город на свете. Весь он в зелени, хотя находится не на юге, а на суровом Урале.

И задумал я сбежать из дому, и знаете, куда?

В Африку!

Решил я добраться до неё пешком. Насушил сухарей и отправился в путь...

Попало мне здорово. Папа мой в гражданскую войну был партизаном и не любил нарушителей дисциплины.

Поэтому я завидую Павлику. Меня одного ездить не отпускали. Видимо, вёл я себя на «пять», но без плюса.

Крапива и футбол

Чтобы стать хорошим футболистом, надо быть ловким, выносливым и...

— Не бояться крапивы, — добавляют ребята из Нижних Петухов.

Это почему же?

Сейчас узнаете.

В футбол играли на поляне между посёлком и сосновым бором. У огородов и у канавы возле дороги росла крапива. Была она не большая и не маленькая, а так — выше метра. Сюда часто закатывался мяч.

Когда Павлик подошёл к поляне, игра была в самом разгаре.

— Какой счёт? — спросил он у вратаря.

— Семь — восемь. Давим.

— Вставай играть! — крикнул кто-то. — У нас одного не хватает!

Павлик выбежал на поляну и бросился к мячу. И только хотел он пнуть, как юркий мальчишка в красной майке подхватил мяч и умчался вперёд.

— Разиня!

Павлик, можно сказать, разозлился. Он догнал мальчишку и ударил по мячу. Мяч улетел в заросли крапивы. Павлик закрыл лицо руками и прыгнул в крапиву. Руки ожгло. Он пнул мяч, выскочил из зарослей и прямо перед собой увидел вратаря.

Удар! Гол!

Мёртвая тишина.

— Ты куда бьёшь? — в ужасе закричал вратарь. — Своим гол залимонил? Нашли помощничка!

Надеюсь, вы понимаете, что это значит — забить гол в свои ворота?

Ребята окружили Павлика, закричали:

— Откуда такой взялся?

— А ещё в бескозырке!

— Напирать ему, чтоб знал!

— Напирать? — переспросил обиженный и напуганный Павлик. — А за что? Откуда я знал, чьи ворота? — он потёр обожжённые крапивой руки. — Давайте лучше крапиву вырубим, а? Возьмём палки — и по коням! Раз-два! На полном скаку! Вперёд, не трусь, руби!

Эти слова прозвучали как боевая команда. Миг — и ребята рассыпались кто куда.

С палками в руках налетели они на крапиву.

Кто ожёгся, тот кричал.

Кто не ожёгся, тоже кричал.

Все кричали.

Неприятное условие

Долго длился бой. Никого не убили, но почти все были ранены. Сидели усталые, на траве и махали обожжёнными руками.

— Мне отдыхать некогда, — сказал Павлик. — Где здесь восьмая дача?

Она стояла на самом берегу Камы. Это был голубой двухэтажный домик с балконом.

Павлик толкнул калитку. Она оказалась закрытой изнутри. Павлик постоял-постоял и перелез через заборчик.

«Гав! Гав! Гав! Гав!»

К нему бросился огромный лохматый пёс. Павлик закричал от страха:

— Стой!

Пёс остановился, сел. Его длинный, розовый язык мелко дрожал.

— Как ты попал сюда? — откуда-то сверху раздался голос.

Павлик поднял голову и увидел на балконе дяденьку в очках и соломенной шляпе.

— Я попал сюда через забор, — ответил Павлик. — Калитка-то ведь закрыта.

— Я подозреваю, что ты мой племянник.

— А вы мой дядя Семён?

Дядя вышел во двор, пожал племяннику руку и проговорил:

— Тебе просто повезло. Этот пёс маленьких не трогает.

Прочитав письмо отца Павлика, дядя Семён задумчиво сказал:

— Значит, будем жить вместе. Одно условие: обеды варить, полы мыть, воду носить, бельё стирать — всё будем делать сами. Я белоручек не люблю. Договорились?

— Договорились. — Павлик тяжело вздохнул.

...Вот и прошёл первый день
жизни Павлика Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Что лучше:

сходить в магазин или сидеть голодным?

По утрам Павлика будила мама. Просыпался он всегда с неохотой.

Зато в воскресенье можно было спать вдоволь, часов до...

Ну-ка, отгадайте до скольких?

Думаете, до десяти часов?

Нет, не угадали.

Павлик мог спать часов до двенадцати. Лежит себе, и никаких забот. Лежит он в кровати, а кажется ему, что плывёт он на корабле по бурному морю, или скачет с шашкой в руках на лихом коне, или летит на реактивном самолёте.

Но сегодня никто не разбудил Павлика. Он открыл глаза и увидел, что рядом появилась ещё одна кровать. Вчера её не было.

В комнату вошёл дядя Семён и сказал:

— Здоров же ты спать! Кот Василий — старый засоня, но где ему до тебя!

Глаза дяди Семёна за большими круглыми очками кажутся строгими, а губы улыбаются.

Павлик тоже хотел улыбнуться, но сравнение со старым котом обидело его.

Он спросил:

— Чья это кровать?

— Твоя. Запасная. На всякий случай. Как одну продавишь, так на другую переберёшься. Каждый засоня должен иметь запасную кровать. Я займусь тобой, дорогой племянничек. Не виделись мы с тобой лет пять, и стал ты заметно хуже. Прежде всего я научу тебя продлять жизнь. Я знаю средство. Этим мы займёмся завтра утром. А сейчас мы обсудим один важный вопрос. Есть хочешь?

— Очень! — радостно воскликнул Павлик.

— Чаю хочешь?

— Конечно, хочу!

— И хлеба с маслом хочешь?

— И хлеба с маслом хочу!

— Аппетит у тебя замечательный, — одобрил дядя Семён. — Но вот беда: ни чая, ни хлеба, ни масла, даже воды у меня нет.

— Значит, я голодным жить буду? — дрожащим голосом спросил Павлик.

— Да, будешь голодным, если хочешь походить на старого кота Василия. Лежит он и ждёт, когда ему поесть принесут. Но ведь он кот, а ты человек. Ты ведь можешь до магазина прогуляться. Но если не хочешь, не ходи. Я тебя не заставляю.

Долго размышлял Павлик.

Идти в магазин было лень. Ещё хуже — сидеть голодом.

И Павлик решил идти.

— А как ты насчёт сдачи? — спросил дяд Семён.

— Да так... приношу.

— Всю?

Павлик кивнул и промолчал: был у него в жизни случай, о котором он не любил вспоминать.

Вы никогда не бывали в Нижних Петухах? Если не бывали, то жаль.

Это, конечно, не Крым и не Кавказ, но очень хорошее место.

Расположен посёлок на самом берегу реки, среди соснового бора. Сосны здесь такие высокие и прямые, что хоть сейчас любую ставь мачтой на корабль. Недаром эти сосны и называют корабельными.

Павлик шёл по берегу и останавливался возле каждой дачи.

Особенно понравилась ему розовая дача с длинным деревянным шпилем на крыше. На кончике шпиля — деревянный петушок.

А на веранде стоял старичок и смотрел в сад. Старичок был невысокий, а борода у него была почти до пояса.

Мальчик думал: сколько же лет надо прожить на белом свете, чтобы отрастить такую бороду?

Старичок заметил Павлика и спросил:

— Вам кого, юноша?

— Никого...

— Странно... Тогда позвольте полюбопытствовать, а почему вы смотрите на меня?

— Я не на вас, а на бороду. Можно?

— Сделайте одолжение. Нравится?

— Очень!

— И вы бы не отказались иметь такую бородищу?

У Павлика дух захватило, когда он представил себя бородатым.

— Напрасно, — старичок помолчал и повторил: — Напрасно. Никогда не завидуйте старикам, молодой человек. Уверяю вас, что самый бородатый старик завидует вам, мальчишкам.

— Не может быть! — изумлённо прошептал Павлик.

— Честное слово бородатого человека! — сказал старичок. — Надеюсь, что мы с вами ещё встретимся и обсудим этот важный для нас вопрос. Сейчас, прошу извинить меня, спешу.

Павлик пошёл дальше.

— Тебя ещё не избили?

Павлик поднял голову и увидел на балконе зелёной дачки старушку, ту самую, которая вчера уронила в воду свою пионерскую панаму.

— Нет, пока не избили.

— Изобьют, — успокаивающим тоном произнесла старушка. — Должны избить. А куда ты направился?

— В магазин.

— В магазин?! — старушка всплеснула руками. — Не ходи туда! Там сидят сплошные жулики и разбойники! Тебя обсчитают или обвешают! Я знаю. Вчера я купила двести граммов ириса с мандариновыми корочками. Прихожу домой, разворачиваю кулёк — одна ириска надкушена!

— Может быть, вы сами по дороге откусили? — спросил Павлик.

— Ты считаешь, что я вру? — сердито проговорила старушка. — Иди, иди в магазин, узнаешь.

Павлик пошёл дальше.

В магазине он занял очередь и стал смотреть на продавщицу — толстую тётю в белой косынке. Тётя всё время улыбалась и говорила так быстро, что ничего нельзя было разобрать.

Спросила, например:

— Вамзавернутьилинет?

Павлик еле-еле догадался, что это значит «Вам завернуть или нет?».

Когда подошла его очередь, он перечислил всё, что ему было нужно, и попросил:

— Только, пожалуйста, не обсчитывайте и не обвешивайте.

Продавщица ответила весело:

— Мымаленькихнеобсчитываеминеобвешиваем.

— Это его Васса Васильевна напугала, — сказал дяденька в капитанском кителе. — Ей на каждом шагу жулики и разбойники мерещатся.

Обратно Павлик торопился: очень хотелось есть. Но дядя Семён сказал:

— Теперь за водой. Прямо внизу под берегом — ключик. А вот чайник.

Берег был крутой. Песок осыпался под ногами, когда Павлик поднимался вверх. Сделаешь шаг — сразу скатишься назад.

На берег мальчик поднялся, еле переводя дух. Он выпил глоток воды, и заломило зубы — такая холодная вода.

Когда сели за стол, дядя Семён сказал:

— Это у тебя самый вкусный в жизни завтрак.

Павлик подумал и кивнул.

Человек смелее коровы

Шёл мелкий дождь, но Павлик отправился гулять.

У забора стояла огромная тёмно-коричневая корова. На каждый рог можно было надеть по арбузу. Здо-о-оро-венные рога!

Корова покосилась на мальчика одним глазом, и Павлику стало страшно. Он пробежал мимо, оглянулся и замер от удивления на месте.

За коровой стоял человек. В руках он держал зонтик, и спицы касались коровьего хвоста.

Мотнув головой, корова сделала шаг, и человек сделал шаг. Корова пошла вдоль забора, и человек пошёл за ней.

Когда он приподнял зонтик, Павлик узнал старичка, с которым разговаривал утром.

Но бороды у него уже не было!

— А где борода? — прошептал мальчик.

— Я предусмотрительно спрятал её под плащ, — объяснил старичок. — Если она вымокнет, то будет очень долго сохнуть.

Павлик облегчённо вздохнул и спросил:

— А почему вы ходите за коровой?

— Связал себя словом, — печально проговорил старичок. — Моя хозяйка уехала в город и попросила меня загнать вот эту корову вот в этот двор.

— И как вы её не боитесь?

— А почему я должен её бояться? — удивился старичок. — Запомните, мой юный друг: человек смелее коровы и сильнее.

— Тогда надо загнать её во двор.

— Попробуйте.

Павлик подошёл к коровьей морде, закрыл от страха глаза и крикнул:

— Марш во двор, рогатая!

Корова вытянула шею, прищурила левый глаз и ответила:

«Му-у-у...»

— Нет, нет, корова, судя по всему, как и человек, нуждается не в окрике, а в ласке, — заметил старичок. Он приблизился к корове и поклонился: — Будьте любезны, уважаемая, войти во двор. Мы вас очень просим.

Корова отрицательно помотала огромной головой и коротко ответила:

«Му!»

— Надо стукнуть её зонтиком, — предложил Павлик.

— Ни в коем случае, — возразил старичок. — Уважаемое животное, договоримся так: вы сейчас спокойно войдёте во двор, а я, в свою очередь...

Нагнув огромную голову, корова так громко замычала, что старичок с возмущением воскликнул:

— Я отказываюсь с ней разговаривать!

Он отдал зонтик мальчику, взял корову за рога и потянул вперёд, приговаривая:

— Я не трушу и упрям... я не трушу и упрям...

Павлик толкал корову сзади.

Она обиженно мычала на весь посёлок.

Закрыв ворота, старичок удовлетворённо сказал:

— Мы с вами выполнили работу необычайной важности. Прошу ко мне в гости.

Старичок жил на первом этаже в большой комнате. Письменный стол был завален книгами. У стены стояла кровать. У окна — стул и табуретка.

И всё!

Хоть в футбол играй — до того в комнате пусто.

— Как вы устроились с питанием? — озабоченно поинтересовался старичок. — Вы знаете, я обожаю молоко и за день выпиваю не менее двух литров... Но пора представиться друг другу. Меня зовут Пётр Петрович. Фамилия моя — Золотарёв. Я историк, изучаю прошлое нашего края. А вы расскажите мне о себе.

— Меня зовут Павлик. Фамилия моя — Меркушев. Я ещё ничего не изучаю.

— И преотлично. Ещё успеете. А сейчас будем пить чай. То есть мы бы могли пить чай, но в чайнике нет ни капли воды, а подниматься в гору мне трудно.

— Я принесу воды.

— Буду очень признателен. — Пётр Петрович погладил мальчика по голове. — А я приготовлю яичницу.

Вскоре они уже сидели за столом. Павлик спросил:

— Пётр Петрович, а почему даже самый бородатый старик завидует мальчишкам?

— О! — Пётр Петрович поднял вверх правую руку. — У вас впереди такая жизнь, какой не видели самые бородатые. Вот посмотри на меня и на мою голову. Сколько в ней седых волос — а все волосы в ней седые, — столько несчастий я перенёс в жизни. Да... А у вас, мальчишек, вся жизнь впереди.

В это время кто-то крикнул под окном:

— Петрович!

— Слушаю вас, хозяйюшка, — ответил он, подойдя к окну. — Что вам угодно, уважаемая?

— Уважаемая-то я уважаемая, а чего это вы чужую корову в наш двор загнали?

— Чужую? — обрадовался Пётр Петрович. — Милое животное! Это необычайно развитая в умственном отношении корова! Ведь она упорно отказывалась заходить в чужой двор! Умница!

На прощанье он сказал Павлику:

— Прошу не забывать меня. Я могу рассказать вам массу интереснейших вещей. Любопытно, например, узнать, почему данный посёлок называется Нижние Петухи.

...Так прошёл
второй
день.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Как продлить жизнь

— Вставай, племянничек! Быстро!

Павлик в полусне вышел на берег, поёживаясь от утреннего холодка. Странной показалась ему тишина, которая стояла вокруг.

Ни одного человека.

Будто и река спала.

— Почему так тихо? — спросил Павлик.

— Потому что все ещё спят, — ответил дядя Семён. — Вон всходит солнце. Сейчас четыре часа восемь минут.

— А как продлить жизнь?

Дядя Семён улыбнулся, поправил очки, словно проверяя, крепко ли они держатся, и скомандовал:

— За мной бегом — марш!

И побежал.

Павлик постоял в недоумении и побежал следом.

— Торопись! — через плечо крикнул дядя Семён. — Опоздаем!

Дышать было трудно: будто Павлик проглотил шарик, и он застрял в горле. Но любопытство придавало сил. Шутка сказать — продление жизни! Ради этого можно и помучиться.

А тропинка вела в гору.

— Не отставай! — звал дядя Семён.

Он на мгновение остановился и побежал обратно. Павлик хотел плюхнуться на траву, но неожиданно почувствовал, что усталость исчезла и ноги сами несут его вперёд.

— Шагом! — скомандовал дядя Семён.

— А когда жизнь продлять будем?

— Уже продляем, — ответил дядя Семён. — Спать надо меньше. Вот сегодня мы проснулись в четыре часа. На сколько же больше часов ты проживёшь? На целых шесть часов!

Павлик сосчитал — правильно.

Мечтатель?

Разве есть такая профессия?

В комнате дядя Семёна окна не было, зато на балкон вела большая стеклянная дверь. Прямо против неё стоял чертёжный стол с наклонной доской. Пить чай на таком столе нельзя, зато рисовать и чертить удобно.

На столе кнопками был приколот лист бумаги.

Как увидел Павлик этот лист, так и остался стоять с раскрытым ртом.

На листе бумаги разноцветными красками были нарисованы знакомый крутой берег, высокие сосны. Но вместо

деревянных дач стояли каменные, со множеством окон. Вместо деревянной лестницы вверх по берегу поднимались широкие каменные ступени.

— Такими будут Нижние Петухи через несколько лет, — объяснил дядя Семён. — Я по профессии мечтатель.

— Мечтатель? — удивился Павлик. — Разве есть такая профессия?

— Самая главная профессия. Кто не умеет мечтать, тот неважный работник. Я мечтаю с карандашом в руках. Я превращаю свою мечту в здания, дороги и города. Мне поручено превратить Нижние Петухи из дачного посёлка в город отдыха. Домов отдыха уже не хватает, надо строить города. Но прежде чем начать строить, надо нарисовать. Я учусь профессии архитектора.

«Хорошо им, взрослым, — подумал Павлик, — сколько у них в жизни интересного! А у нас?»

Мурашкин Владимир Иванович

Павлик вышел за калитку. На скамейке у забора стоял мальчик. Утро было жаркое, а он застегнул коричневый пиджак на все пуговицы и чёрную кепку надвинул на самые брови.

— Как тебя зовут? — спросил Павлик.

— Мурашкин, — гордо ответил мальчик, — Владимир Иванович.

— Какой же ты Владимир Иванович? Когда ты всего-навсего Володька. А может быть, и Вовка.

— Если здорово поесть, — задумчиво произнёс Мурашкин, не обращая внимания на слова Павлика, — то получится...

Тогда Павлик рассердился и спросил:

— Ты что здесь делаешь?

— Смотрю на реку. Решил переплыть.

— Врёшь!

— Я никогда не вру. У кого хочешь спроси. А уж если я решил что-нибудь сделать, то будьте спокойны — не обману. У меня секретов знаешь сколько?

Павлик подумал и сказал:

— Давай слезай со скамейки и расскажи мне, кто ты такой, а то я ничего не понимаю.

Мальчик прыгнул на землю.

— Ой, какой ты маленький! — удивлённо воскликнул Павлик. — Нет, ты совсем не Владимир Иванович. Ты Вовка или Володька.

— Я Мурашкин, — гордо сказал мальчик. — А то, что я маленький, не беда. Вырасту.

— Когда же ты вырастешь?

— Успею. Чего мне торопиться? У меня порода такая. Не то что у тебя. Ты будешь до десяти лет расти, а потом перестанешь. А я буду с десяти лет расти, до самой смерти.

Сообщение это настолько расстроило Павлика, что он присел и долго молчал.

Потом спросил:

— А ты не врёшь?

— Вру, — таинственным шёпотом отозвался Мурашкин. — Только ты меня не выдавай. Меня все боятся. Думают, что я вырасту и драться начну. А я никогда не вырасту! Вот в чём беда. Мне врач справку выдал.

— Какую справку?!

— Я опять соврал, — огорчённо признался Мурашкин. — Щёлкни меня по лбу. Я так сам с собой договорился: как совру, сразу лоб подставляю. Бей, не жалко! Может, и отвыкну врать.

Павлик щёлкнул Мурашкина по лбу. Тот потёр ушибленное место и неуверенно произнёс:

— Помогает.

Секреты Мурашкина

Мурашкин оглянулся по сторонам и прошептал:

— Скажи мне свой секрет, я тебе потом свой скажу.

— Нет у меня никаких секретов.

— У каждого человека есть секреты, — уверенно заявил Мурашкин. — Может сто секретов быть.

— Откуда ты всё знаешь? Может, стукнуть тебя по лбу?

— Стукни, — согласился Мурашкин, — но не очень больно. Я ведь ещё не соврал. Собирался... Ну, слушай, — продолжал он, потеряв после щелчка лоб. — Слушай мои секреты. Вот отгадай, какие у меня волосы: чёрные или белые?

— Чёрные, — наугад ответил Павлик.

— Хорошо бы, — Мурашкин мечтательно вздохнул, — я даже на белые согласен. А у меня средние.

— Средние? Не понимаю.

— Чудак человек, не понимает. Бывают волосы чёрные, бывают белые, а у меня средние. Вот... — Мурашкин снял кепку. Волосы у него были огненно-рыжие. — Я в маму уродился. И ничего с ними не сделаешь! Я их под машинку остриг, ждал-ждал, смотрю: опять рыжие! Но я почернею! — грозно заверил Мурашкин. — Честное слово, почернею! Я средство знаю. Надо каждое утро на голодный желудок есть чёрный хлеб... Ещё у меня секрет есть — пиджак. Ношу его, чтоб фигуры не было видно.

— Какой фигуры?

— Ну, плечи, грудь, спина и прочее. Я слабый, а в пиджаке — сильный! Видишь, плечи какие богатырские!

— Они у тебя висят! — Павлик рассмеялся.

— Пусть висят. Лишь бы были.

— А Каму тебе всё равно не переплыть. Даже в пиджаке. Скажешь, переплыть?

— Стукни меня по лбу, тогда отвечу.

Схватившись после щелчка за лоб, Мурашкин ответил:

— Конечно, не переплыть.

...Это было на третий день
жизни Павлика Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

«В наших лесах появился тигр!»

Вода была тёплая. Ребята вылезли из реки только потому, что устали, и улеглись на песок.

Откуда ни возьмись, рядом оказался Мурашкин.

— В наших лесах появился тигр! Надо его словить! — прошептал он. — Я сам, своими собственными глазами видел тигра!

— А бегемота ты не видел? — спросил Вилька Чудиков. — А зебру полосатую ты не видел?

— Тигры только в Африке водятся да в зоопарках, — сказал Павлик. — Да ещё в Уссурийской тайге.

— Яму надо вырыть! — с жаром произнёс Мурашкин. — Какие могут быть тигры, если даже ямы нет? Будет яма, будет и тигр. Надо выкопать глубокую яму, положить в неё мяса и закрыть ветками. Тигр побежит и провалится.

— Да нет здесь тигров, — проговорил Павлик, — никто их не видел.

— Не видел? Конечно, не видел. Как же их увидишь, если они зелёного цвета?

— Зелёного?! — хором спросили ребята.

— А вы как думали! Были бы они жёлтые, их бы давно словили. А зелёные ходят себе, и никто их не видит. Зимой в берлогах спят. У медведей научились.

Ребята призадумались: кто его знает, может, и не врёт Мурашкин?

А он говорил, размахивая руками:

— Надо взять лопаты и копать яму! Мяса я достану! Про нас в журнале «Огонёк» напечатают! Тигра можно научить на одной лапе прыгать! В цирке выступать будем! Я билеты продавать буду!

— А где цирк построят? — спросил Вилька Чудиков.

— Напротив клуба. Хочешь — в кино иди, хочешь — тигра смотреть.

— А я что делать буду? — спросил Павлик.

— Ты контролёром будешь. Чтоб без билета ни один человек не прошёл. А то знаю я нашего брата.

— А я что делать буду? — спросил Вилька.

— Ты? — Мурашкин ненадолго задумался. — На патефоне играть умеешь? Ну вот, будешь вроде оркестра. Как рукой махну, заводи.

— Была нужда! — Вилька презрительно поморщился и сплюнул. — Он билеты продавать будет, а я ему патефон крути.

Но остальным ребятам затея понравилась. Вы только представьте себе: в Нижних Петухах будет свой цирк! Не во всяком посёлке такое бывает: цирк, да ещё с дрессированным тигром!

— Ерунда получится, — сказал Павлик, — тигр-то зелёный! Никто ведь зелёных тигров не видел.

— А краска? — восторженно закричал Мурашкин. — Раз, два — и выкрасим! Будет какой надо!

— Укусит, — боязливо произнёс Павлик. — Как сца-а-апаёт за руку...

— «Сца-а-апаёт»! — передразнил Мурашкин. — Что он — собака? Это собаки цапают, а тигры глотают. А разве нас, — Мурашкин ударил себя кулаком в грудь, — можно проглотить? Невозможно! У тигров глотки маленькие! Им даже меня не проглотить! Подавятся! САМОЕ ГЛАВНОЕ — НЕ ТРУСИТЬ! А ВЫ СТРУСИЛИ. Я сам ТИГРА СЛОВЛЮ, сам ЦИРК ОТКРОЮ, заревёте тогда от зависти! Струсили?

— Я никогда не трушу, — сказал Павлик.

— И я! И Я! И Я! — закричали ребята.

Мурашкин подождал, когда смолкли крики, и важным тоном приказал:

— Идите за лопатами и приходите к лесу. Можете считать, что тигр в наших руках.

Злостный замысел

Лишь Вилька Чудиков не пришёл в назначенное место. Вернее, он пришёл, но без лопаты и спрятался в кустах.

Ребята торопливо копали яму и не замечали его. А он думал о том, как бы им навредить. Уж такой он был человечка: любил людям всякие неприятности делать. Нездаром его называли сухопутным пиратом.

— Одного я боюсь, — вдруг громко сказал Мурашкин, — этот Вилька Чудиков способен на любую подлость. Его злостные замыслы не знают границ.

«Точно, точно! — подумал Вилька. — Я вам устрою охоту на тигров! Вы у меня сами зелёными станете!»

Он отполз назад и побежал в посёлок.

Тигр падает в яму

Яма была готова.

Мурашкин бросил на дно котлету.

Гору свежевырытой земли и яму накрыли ветками.

— В засаду! — приказал Мурашкин. — Лежать тихо,

не разговаривать! Когда тигр упадёт в яму, надо ждать час, чтобы зверь обессилел. Тогда мы его спокойно скрутим верёвками.

Ребята спрятались в кустах.

Скоро лежать наскучило. Мурашкин громко шмыгал носом. Павлик с трудом сдерживал стоны: у него чесалась пятка.

— Может, ты наврал? — спросил он Мурашкина. — Может, стукнуть тебя по лбу?

Мурашкин жалобно пискнул и показал рукой вперёд.

Там, в густых зарослях, виднелось что-то зелёное!
ОНО

осторожно

ДВИГАЛОСЬ

к яме

и негромко

РЫЧАЛО...

Тигр!

ТИГР!!!!!!

— Спасайся кто может... — заикаясь, прошептал Мурашкин и первый бросился наутёк.

Ребята помчались следом за ним и услышали, как сзади тигр с шумом провалился в яму.

Непредвиденное обстоятельство

Дома Вилька разыскал зелёное одеяло и вернулся в лес. «Ох и напугаются тигроловы несчастные!» — торжествующе думал он.

Вилька накрылся одеялом, зарычал и медленно пополз вперёд.

Всё произошло так, как он и предполагал. Ребята испугались, убежали,

а Вилька

ПРОВАЛИЛСЯ

в яму.

Яма оказалась глубокой, и в ней была вода.

Тут Вилька понял, что отсюда ему не выбраться.

— Спасите! — не своим голосом закричал он. — Помогите!

Никто его не услышал. Никого поблизости не было — ни тигров, ни людей.

Вилька стучал зубами от холода и тихо скулил.

А вода всё прибывала и прибывала. Она уже доходила до колен сухопутного пирата.

В цирке будет тысяча мест

В это время Павлик с приятелями был у дяди Семёна.

Дядя Семён выслушал их и сказал:

— Тигров в наших лесах не было, нет и не будет. А вот цирк через несколько лет действительно построят.

— Что я вам говорил?! — радостно воскликнул Мурашкин. — Был бы цирк, а тигры найдутся!

— Вот такой цирк построят в Нижних Петухах, — сказал дядя Семён, развернув перед ребятами большой лист бумаги. На нём было нарисовано круглое здание с куполом. На куполе — мачта с флагом. — В нём будет тысяча мест. А теперь расскажите мне, кто вас надоумил тигров ловить.

— Человек тут один, — скромно и поспешно ответил Мурашкин. — Тигр уже в яме. Пора его связывать.

— Глупости, — строго произнёс дядя Семён. — Никакого тигра в вашей яме быть не может. Надо яму закопать, а то провалится в неё коза или корова.

— Пусть не проваливаются, — сказал Мурашкин, — не для них копали, а для тигров. В яме тигр, — заверил он. — Своими собственными глазами видел. Клыки вот такие! Рычит.

Дядя Семён отправился посмотреть яму вместе с ребятами.

Яма была пуста.

— Ай да зверь! — восхитился Мурашкин. — Из такой ямы выпрыгнул!

— Зарывайте, — приказал дядя Семён.

И никто не подозревал, что на дне ямы, под водой, лежит...

Наберитесь терпения, расскажу всё по порядку.

*Кто слышал крики
сухонутного пирата*

Шёл человек по лесу и улыбался. Он даже пробовал петь. Но песни у него не получилось, потому что петь этот человек не умел. Многие он умел делать, но вот петь не умел.

«Не беда, — решил человек, — не получается — не надо. Приду домой и радио послушаю. По радио иногда хорошие песни передают».

И он пошёл дальше, улыбаясь, потому что никогда не унывал, хотя жизнь у него была нелёгкая, потяжелее, чем у вас. В районе было много колхозов, и человек этот отвечал за то, сколько они уберут урожая, сколько вырастят коров и свинушек. В районе было несколько заводов, и человек этот отвечал за их работу.

Вообще человек этот отвечал за всё. И если бы его обязанности переписать столбиком, то получился бы список длиннее метра.

Звали его Алексеем Егоровичем, работал он секретарём районного комитета партии.

Задумавшись о делах (а шёл он из колхоза), Алексей Егорович не сразу слышал жалобные крики:

— Спасите! Помогите!

Он был храбрым человеком, сражался на войне, но ему стало не по себе, когда он слышал эти крики.

Алексей Егорович огляделся кругом — никого.

Тогда он побежал по лесу, чутко прислушиваясь, стараясь определить, откуда доносятся странные — словно из-под земли — крики...

*Новая подлость
сухонутного пирата*

Алексей Егорович лишь с трудом догадался, что крики доносятся именно из-под земли. Он внимательно смотрел по сторонам и наконец заметил яму. Алексей Егорович разбросал ветки.

Перед ним, а вернее, под ним, по пояс в воде был Вилька, вымазанный глиной.

Он хотел что-то сказать, но получилось: «Т...т...т... у...у...у...»

Тогда Алексей Егорович схватил его за руки и вытащил из ямы.

— Ты кто такой?

И Вилька ответил:

— Т...у...т...у...т...

И застучал зубами.

— Бегом! — приказал Алексей Егорович.

Они побежали по дороге; бежали до тех пор, пока Вилька не пробормотал:

— Согрелся...

— Теперь поговорим, — предложил Алексей Егорович. — Скажи мне, чумазый человек, кто ты такой, что это за яма и как ты в неё попал?

Вилька Чудиков был хитрым. Он понимал, что о его хулиганских выходках знает весь посёлок, а хвастаться проделками можно только среди мальчишек.

И Вилька ответил:

— Нашлись тут одни. Решили тигров ловить, а поймали меня, человека.

— Погоди, парень, погоди, — остановил его удивлённый Алексей Егорович. — Каких тигров?

— Зелёных.

— Зелёных тигров? — Алексей Егорович приложил ладонь к Вилькиному лбу. — Температура у тебя нормальная, а говоришь ты ерунду.

— Чистую правду говорю. Тигров решили словить, цирк открыть, билеты продавать, чтоб денег побольше заработать.

— А кто всё это затеял?

Вилька ответил:

— Павлик Меркушев. С восьмой дачи.

Нет, недаром Вильку Чудикова называли сухопутным пиратом!

«Спасибо одеялу!»

Наступил вечер, а узнать, кто побывал в яме, так и не удалось. Вилька сидел рядом с ребятами и похихикивал.

— Всё равно узнаем, — сказал Павлик.

— Не узнаете, — ответил Вилька. — Тигра убежала, привет передавала. Может, в вашей яме слон сидел? Или крокодил?

— Сам ты крокодил, — сказал Павлик. — Главное, что мы яму засыпали.

— Делать вам нечего! — Вилька расхохотался. — То копают, то засыпают... — Он вскочил. — А одеяло? Одеяло-то моё закопали! Отвечать будете! Ох и попадёт мне дома!

— Крокодил ты бесхвостый, — сказал Мурашкин. — Слон без хобота. Пропадай твоё одеяло! Не жалко!

— Спасибо одеялу, — насмешливо сказал Павлик. — Теперь мы знаем, кто нам всё испортил.

— Ребята! Друзья! Товарищи! — просил Вилька. — Бери лопаты, пошли одеяло выкапывать! Спасём одеяло!

Но никто из ребят не двинулся с места.

...Это был четвёртый по счёту день

жизни Павлика Меркушева

в Нижних

Пету

хах.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Очень хорошая девочка

Была у Павлика тайна. О ней он никому не рассказывал. И если бы его даже стали мучить самыми страшными муками, он бы не открыл своей тайны.

Ни за что.

Но любая тайна со временем становится известной. Так случилось и с Павликом.

Расскажу по порядку: с чего началась и чем закончилась эта история.

Однажды, ещё до отъезда в Нижние Петухи, гулял Павлик в городском саду.

Гулял он, гулял и заскучал, потому что не встретил ни одного знакомого. А деньги, которые ему дала мама, он давно истратил. С завистью поглядывал он на счастливых, толпящихся у киосков с мороженым.

Вдруг Павлик услышал жалобный голос:

— Ой, помогите, пожалуйста! Ой! Ой! Ой!

Все мы мечтаем о подвигах и ждём случая, когда будет возможность совершить героический поступок.

Вот Павлик и бросился сквозь кусты.

Увидел он девочку с длинными чёрными волосами. Она взглянула на него испуганно.

Как все мальчишки, Павлик перед девочками старался казаться грубоватым и поэтому спросил недружелюбно:

— Чего разоралась?

— Оно бежит, — прошептала девочка и показала на скамейку. Там стояли два бумажных стаканчика. Из них на землю капало мороженое.

— Что же вы смотрите? — спросила девочка. — Ешьте. Я купила два стаканчика, а оно побежало!

— Да-а, — важно протянул Павлик, — пропадёт мороженое.

— Берите, берите, пожалуйста!

— А не жалко?

— Нисколько. Я вообще не жадная. Меня зовут Люсей. А вас?

— Павликом.

Они помолчали, пока не съели мороженое. Потом девочка спросила:

— Мы будем дружить?

А в это время шли мимо два противных человека. Они стали прыгать и кричать:

— Жених и невеста! Жених и невеста! Поехали по тесту!

От стыда Павлик не знал, куда спрятаться. Он отвернулся от Люси, словно был с нею незнаком, а она крикнула мальчишкам:

— А вам завидно! А вам завидно!

Мальчишки от такой наглости опешили, заморгали глазами, а Люся крикнула:

— Завидно, завидно! Завидно, что у вас невесты нет!

Мальчишки с горя убежали.

— Я мальчишек не боюсь, — весело сказала Люся, повернувшись к Павлику...

Но Павлика рядом уже не было.

Он тоже убежал.

Понимаете?

Неприятно мне писать об этом, но раз мы с вами друзья-приятели, то приходится.

Правда, Павлик быстро раскаялся в своём поступке и стал разыскивать Люсю. Он обежал весь сад, но не встретил её.

Грустный, шёл он к трамвайной остановке.

И вдруг, подняв голову, Павлик увидел девочку и бросился к ней с криком:

— Люся!

Но она посмотрела на него так, словно перед ней был абсолютно незнакомый человек. Посмотрела и вошла в вагон. Павлик тоже встал на подножку.

Трамвай тронулся с места.

— Отпустите! Отпустите! — раздался чей-то голос. — Сумку отпустите!

Павлик почувствовал, что его кто-то тянет. Оказалось, за пуговицу его пиджака зацепилась авоська тёеньки, которая и кричала: «Отпустите!»

Пришлось Павлику спрыгнуть на землю и отцепляться от тёеньки.

Больше он с Люсей не встретился и очень-очень жалел об этом.

Это и было его тайной.

Почему Мурашкин упал с кровати

Вот сегодня Павлик снова вспомнил о Люсе и загрустил. Ему всё ещё было стыдно.

Утром он встретил Петю Масалкина. Если вы забыли его, я вам напомним: это тот самый мальчик, который спас бескозырку.

Едва они с Павликом поздоровались, не успели даже попрыгать от радости, как прибежал Мурашкин.

— Ночью я упал с кровати, — таинственным голосом сообщил он. — Не верите?

— Верим, — ответил Петя. — Бывает. Здорово стукнулся?

— Пустяки. Вот в детстве я навернулся с качелей. Это было ужасно. А с кровати — ерунда. Вы думаете, я зря упал?

— А что? — спросил Павлик. — С пользой?

— Ещё бы! Я сделал научное открытие!

— А кровать при чём?

— Я упал от радости, — объяснил Мурашкин. — Я обрадовался, когда увидел во сне эту чудесную машину. Понимаете, когда я летел с кровати, я ещё помнил машину, а когда стукнулся лбом... всё вылетело из головы.

— Смешной ты человек, Мурашкин, — сказал Павлик. — И вечно ты всё что-нибудь выдумываешь или врёшь.

— Вру, вру, — пробормотал Мурашкин. — Это не беда. Говорят, порошок такой есть. Проглотишь — и будь спокоен, не соврёшь. Вот достану такого порошка...

— Я знаю твою машину... — задумчиво произнёс Петя, — это вездеход.

— Точно! — закричал Мурашкин. — Вездеход! И я вспомнил! Построим вездеход и поедём! Сначала проедем по Нижним Петухам, по всем улицам и закоулкам. Пусть смотрят и завидуют! Про нас в журнале «Огонёк» напечатают!

— Обдумать надо, — попробовал возразить Павлик, но Петя перебил:

— Строить надо.

— Правильно, правильно! — поддержал Мурашкин. — Главное — не трусить! Если струсите, я сам лодку достану, сам вездеход построю, заревёте тогда от зависти!

— Идём! — позвал Павлик.

Когда потонул «Патух»

Постройка вездехода оказалась лёгким делом. Честно говоря, это был не вездеход, а просто старая лодка.

Мурашкин белой краской написал на корме и на носу
ПИТУХ.

Когда он стал исправлять ошибку, получилось
ПАТУХ.

— Ничего, — сказал Мурашкин, — лишь бы не утонул.

Но едва «Патух» отплыл от берега несколько метров, он начал медленно погружаться в воду.

— Бросай лишний груз! — скомандовал Мурашкин и выпрыгнул из лодки.

«Патух» быстро наполнялся водой.

Петя стал грести изо всех сил, и вездеход у самого берега лёг на дно. Борта лодки торчали из воды.

Раздался громкий хохот.

Это хохотал Вилька Чудиков. Он стоял на берегу и строил рожи.

— Уйди отсюда! — крикнул Павлик. — Получишь!

— Как бы вы не получили! Потонул ваш «Патух»! И колёс у него нету!

— Точно! — крикнул Мурашкин. Он вылез из воды, мокрый и напуганный. — Почему вездеход потонул? Да потому что колёс у него нет! Какой же может быть вездеход без колёс?

— Я могу достать, — сказал сухопутный пират.

— Где? — хором спросили ребята.

— Моё дело.

Ребята переглянулись. Предложение Вильки было заманчивым. Человечишка он, конечно, неважный, но — колёса! Где их иначе возьмёшь?

— Нельзя с ним связываться, — после долгого молчания сказал Павлик, — подведёт.

Вилька презрительно плюнул и сказал:

— Ты, дачник! Трус!

— Проверить надо, кто трус.

— А что проверять? — испуганно спросил Мурашкин. — Все знают, что вот я, например, храбрый. И проверять нечего.

— Сегодня ночью я пойду за колёсами, — угрожающе проговорил Вилька, — ночью...

Все примолкли.

Всем стало страшно.

Слышно было, как капала вода с пиджака Мурашкина.

— Пойдёшь со мной, дачник? — спросил Вилька.

— А почему обязательно ночью?

— Если трусишь, можешь не ходить.

— Я никогда не трушу, — сквозь зубы ответил Павлик.

«Стрелять будут, ложись!»

Ночь выдалась тёмная. Луна катилась по небу, будто гонимая ветром. Когда она скрывалась за тучами, становилось ещё темнее, как в кинотеатре перед началом сеанса.

Но постепенно глаза привыкли к темноте, и Павлик

видел даже большие оттопыренные уши Вильки. Тот шёл впереди.

Лишь в редких окнах горел свет. Где-то громко играло радио. Сколько ни вслушивался Павлик, он не мог разобрать слов песни. Мешало волнение.

— Скоро? — прошептал он.

— Боишься?

— Почти нет.

— Стрелять будут, ложись! — посоветовал Вилька.

Павлик съёжился. Он ведь не хотел идти за колёсами, но пошёл. Почему? — спросите вы. А помните Люсю? Тогда Павлик испугался насмешек — струсил. И вот сейчас он думал: знала бы Люся, каким он стал храбрым!

Но было страшно. Ему казалось, что со всех сторон на него смотрят осуждающие глаза.

— СТОЙ!

Он едва не крикнул от страха, остановился, отдышался и понял, что голос ему просто почудился.

— Внимание, — прошептал Вилька, — здесь...

Как погиб Вилька

Они были у двухэтажной дачи, окружённой садом. Вилька пошарил дрожащей рукой, повернул вертушку и толкнул калитку. Павлик шагнул следом.

Они шли, держась за изгородь.

Эх, убежать, бы!

— Вот колёса, — прошептал Вилька, — кати...

Павлик поставил колесо и начал толкать. Колесо было тяжёлым.

Вдруг откуда-то сверху бабахнул выстрел.

Мелькнул огонь.

Вилька упал.

Павлик бросился к калитке, но мозг пронзила мысль: не бросай товарища в беде! Он схватил Вильку за ногу и потащил. В окнах загорелся свет. Хлопнула дверь.

— Стой! Стрелять буду!

Выпустив Вилькину ногу, Павлик остановился. К нему подошёл мужчина с ружьём в руках.

— Хорош герой! — сказал он. — А ну, пошли в дом!

Павлик посмотрел вниз: Вильки не было.

Неприятный разговор

Его провели на кухню. Странно: он не испытывал никакого страха. Ему было стыдно. Он согласился бы сейчас умереть, если бы первого сентября ему не надо было идти в первый класс.

В кухню заглянули несколько человек. Алексей Егорович (а это был именно он) что-то им сказал, и они ушли.

— Как тебя звать?

— Павлик.

— А фамилия?

— Меркушев.

— А где живёшь?

— Восьмая дача.

Алексей Егорович задумался и сказал:

— Где-то я слышал твою фамилию... Это не ты ловлю тигров организовал? Это из-за тебя мальчик в яме чуть не погиб?

— Он сам в яму залез. Никто его не просил.

— Сам? — Видно было, что Алексей Егорович не поверил. — Ну, не будем вспоминать тигров. А ты вот до воровства дошёл. Ты понимаешь, что за такие делишки судят?

Павлику хотелось заплакать, но он сдержался и пробормотал:

— Маленьких не судят.

— А ты разве маленький?

— Нет... но и не большой.

— Вот что, — предложил Алексей Егорович, — давай без лишних слов Расскажи мне про свои дела, и я отведу тебя домой.

И Павлик рассказал обо всём, начиная с того, как Мурашкин упал с кровати.

Алексей Егорович долго смеялся, потом сказал:

— Непутёвый вы народ, хотя и любопытный... Что с тобой?

Глаза Павлика расширились от удивления: в дверях стояла Люся!

Она сделала вид, что не заметила Павлика, подошла и спросила:

— Кто тут стрелял, дядя Лёша? В кого стрелял?

— Понимаешь, племянница, ерунда получилась. Жулики у нас появились.

— Мы с ним не жулики... — начал Павлик и осекся.

— Мы с ним? — быстро переспросил Алексей Егорович. — Разве ты был не один?

Сказать о Вильке или не сказать? А вдруг будут дразнить предателем?

— Не хочешь выдавать товарища?

— Нет, — твёрдо ответил Павлик, — он мне не товарищ. Виноват я сам. Своя голова на плечах.

Люся подошла к нему и сказала:

— А ты всё-таки трус.

...Так печально закончился пятый день жизни

Павлика Меркушева в Нижних Петухах.

Мне даже не хотелось писать

об этом, но я написал,

потому что

так и

было.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Специалист по Нижним Петухам

Утром Павлик навестил бородатого историка Петра Петровича Золотарёва.

Он колот дрова.

— Приветствую вас, молодой человек! — сказал он, вонзив топор в толстое полено. — Чем могу служить? Может быть, ты со своими приятелями решил послушать лекцию о Нижних Петухах?

Честно говоря, Павлик забыл о предложении Петра Петровича прочитать лекцию, но сейчас обрадовался:

— Да, да!

— Я ведь специалист по Нижним Петухам, — сказал Пётр Петрович. — Я знаю о них много интересного. Пусть приходят все, кто желает. Куда? Это ваше дело. К семи часам я буду готов. Заходите за мной.

В районном комитете партии заседание подходило к концу. Время было жаркое: шла уборка урожая, и никому не хотелось заседать долго.

У здания райкома стояли запylённые автомашины, подводы, осёдланные лошади. Они ждали председателей колхозов, агрономов и других людей, от которых зависела судьба урожая.

Вот в это время сюда и пришёл Павлик.

В комнате, которая называлась приёмной, сидела тётя и стучала на пишущей машинке. Тётя спросила:

- Что тебе нужно, мальчик?
- Мне велели прийти сюда.
- Как твоя фамилия?
- Меркушев.
- Подожди немного.

Павлик стал листать какой-то журнал и думал, что сейчас он трусит куда сильнее, чем вчера ночью.

Обитая клеёнкой дверь открылась, из-за неё один за другим выходили люди.

Тётя сказала Павлику:

- Пройдите, товарищ Меркушев.

В кабинете, куда он вошёл, сидели несколько человек.

— Товарищи, вот тот самый Павлик, — сказал Алексей Егорович. — Делать ему с приятелями нечего, и занимаются они разными глупыми и нехорошими делишками с утра до вечера.

— Нет, — несмело возразил Павлик, — утром я продляю жизнь.

Раздался хохот. Смеялись так громко, что, казалось, в кабинете стало тесно от смеха.

Видимо, поэтому один усатый дяденька распахнул окно.

— Жизнь продляешь? — спросил он. — А как? Научи-ка нас.

— Очень просто, — объяснил Павлик, — встаю пораньше. Вот жизнь чуть-чуть и продляется.

— А ведь, пожалуй, правильно, — сказал усатый дяденька.

— А для чего же ты жизнь продляешь? — спросил

Алексей Егорович. — Чтобы успеть побольше глупостей сделать?

— Нет.

В кабинет вошла тётенька и сказала:

— Их там целая делегация, Алексей Егорович. Шумят.

Алексей Егорович разрешил своим товарищам уйти и попросил тётеньку впустить делегацию.

В кабинет с шумом и гамом ввалились мальчишки и заговорили все сразу. Даже Павлик не мог разобрать, о чём они шумели.

— Что случилось?

Мальчишки притихли, а Петя Масалкин сказал:

— Мы все виноваты. Нас всех судить надо.

Тут Алексей Егорович, можно сказать, рассердился. Он заговорил так:

— Никто вас судить не собирается. А наказывать надо бы.

— Зачем? — шёпотом спросил Мурашкин. — Мы и так больше не будем. Но жить нам очень трудно. Никаких интересных дел нет.

— Делать-то нам нечего! — подтвердили ребята. — Вот и ловим тигров!

Алексей Егорович молчал. Он понимал мальчишек. На их лицах было написано желание что-нибудь делать, работать...

Вперёд вышел Петя Масалкин и начал рассказывать:

— Вот сегодня лекцию организуем. Пётр Петрович Золотарёв будет рассказывать, почему Нижние Петухи Нижними Петухами называются. На сегодня у нас работа есть. А завтра что делать? А послезавтра?

— Придумаем что-нибудь, — пообещал Алексей Егорович, — встретимся на лекции и поговорим.

«Пожар, что ли?»

По улицам посёлка бежали ребята и кричали:

— Внимание! Внимание! Слушайте! Слушайте!

— Пожар, что ли? — спрашивали жители.

Нет, не пожар. Это ребята приглашали всех на лекцию в Старый парк.

Старый парк до войны назывался Новым. Там было уютно и красиво. Каждый вечер жители приходили сюда отдыхать. Но во время войны отдыхать было некогда, парк зарос крапивой, кустарником, и стали его называть уже не Новым, а Старым.

По размерам и форме он напоминал футбольное поле. Прямые, с золотистой корой сосны стояли на расстоянии двух-трёх метров друг от друга. А всё остальное пространство заросло крапивой, травой, кустарником.

На небольшой полянке ребята установили несколько скамеек, принесли табуретки и стулья. Народу собралось много, расселись прямо на траве.

— Итак, друзья мои, вы хотите знать историю Нижних Петухов? — спросил Пётр Петрович.

— Какая такая история? — отозвалась одна женщина. — Посёлок и посёлок. Название смешное.

— Вот именно! — согласился Пётр Петрович. — Послушайте, какую сказку сочинил народ...

Он начал рассказывать. Сосны перестали шуметь ветками, словно боялись помешать.

Глупый царь

Было это давно, очень давно. Страной, в которой мы живём, правил жестокий царь. Жить было очень тяжело.

Однажды царь задумал прокатиться по реке. Сел он на пароход со своими слугами и стражей и поплыл. Что он там делал, этот царь, не важно. Но как-то у него заболела голова, и он не мог уснуть.

Внизу, на корме, стояли ящики с курами. Этих кур одну за другой резали и кормили ими царя.

Среди кур оказался петух. Сначала он вёл себя тихо, а тут вдруг распелся. Пел он громко и весело, до того весело, что даже пароход побежал побыстрее.

— Что такое? — закричал царь. — Нет мне в моём государстве покоя! Царь я или не царь? Могу я спокойно поспать в своей собственной стране? Ненавижу петушиный крик! Если он ещё хоть раз крикнет, я прикажу тебя повесить! — и царь стукнул по голове своего главного слугу.

Побежали царские слуги резать петуха. Однако он вы-

скользнул из их рук и убежал. Куда? Весь пароход обшарили, а петуха так и не нашли.

Ночью, когда царь крепко спал, петух вдруг появился на палубе.

Слуги — за ним. А петух бегом-бегом к царской каюте. Добежал до дверей да как закричит!

Тут ему и скрутили голову.

А царь проснулся и закричал ещё громче, чем петух:

— Это что такое? Почему не выполняются мои приказы? Могу я спокойно поспать в своём собственном государстве?

Главный слуга стоит ни жив ни мёртв.

— А тебя, — говорит царь, — утром повешу.

— За что, ваше великое царское величество? Ведь это кричал петух на берегу.

— Вруша ты, вруша! — отвечает царь, а сам от злости трясётся. — В этих местах деревень нет. Я знаю. У меня по географии, к твоему сведению, тройка была.

— Ваше великое царское величество, есть здесь деревня. Называется она Петухи, потому что петухов в ней видимо-невидимо.

— Проверю, — сквозь зубы процедил царь. — Обратного когда поедем, проверю. Если соврал, велю тебя повесить.

Царь лёг спать, а слуги забегали: ведь никакой деревни нет! Что делать?

Думали, думали и придумали: надо срочно построить деревню! Срочно!

Согнали царские чиновники работников и приказали:

— Построить деревню за одни сутки — или головы с плеч!

За одну ночь построили работники деревню. К утру чиновники привезли жителей и каждому дали по петуху.

Когда царь плыл обратно, всех согнали на берег. Петухи кричали во всю мочь.

Царь был очень доволен, на одной ножке попрыгал.

— В честь моего великого царского величества постройте точно такую же деревню выше по течению, — приказал он, — и назовите Верхние Петухи, а это будут Нижние Петухи.

Верхних Петухов так и не построили, а Нижние остались...

Когда кончили смеяться над царём, Алексей Егорович поблагодарил Петра Петровича, и слушатели разошлись.

Ребята окружили Алексея Егоровича и забросали вопросами:

— Какое дело нам дадите?

— Будет нам работа?

— Будет, — ответил Алексей Егорович, — а справитесь?

— Справимся! — закричали ребята, а Мурашкин взял под козырёк и торжественно произнёс:

— Клянёмся!

— Видите, сколько крапивы? — спросил Алексей Егорович. — Весь парк зарос. А что, если её вырубить?

Ребята разочарованно вздохнули: разве это задание?

— Справитесь с крапивой, другое задание получите. Справитесь?

Ребята кивнули.

...Это было на шестой день жизни

Павлика Меркушева

в Нижних

Пету

хах.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Звать или не звать на помощь девочек?

Утром собрались в Старом парке.

— Нужны смелость и ловкость, — сказал Мурашкин.

— Нужны длинные ножи и рукавицы, — сказал Петя.

— Какие рукавицы? — закричали ребята.

— Такие. Обыкновенные. Ведь крапива-то жжётся.

— А где же мы столько рукавиц найдём?

Призадумались.

Надолго призадумались.

Павлик знал, что делать, но боялся сказать об этом приятелям. Он знал, что надо позвать на помощь девочек — они соберут дома какие-нибудь старые рукавицы и перчатки или сошьют новые.

А может быть, и Люся придёт?

И Павлик сказал твёрдо:

— Надо позвать девочек.

— Девчонок? — возмутился Мурашкин. — Прибегут, запищат, зачирикают! Мы сами эту крапиву раз-два и готово! Мы — орлы!

— Это кто орёл? Тигролов несчастный!

— С тиграми не повезло. А девчонок звать не будем. Я сгорю со стыда.

— Гори! — Павлик оттолкнул Мурашкина в сторону и крикнул: — Кто за то, чтобы позвать девочек, поднимите руку!

— Не поднимайте! — закричал Мурашкин. — Смешно! всю жизнь без девчонок прожили, а тут...

— Если будешь против, — зашептал ему на ухо Павлик, — всем расскажу про твои секреты.

Мурашкин вздрогнул и закричал сильнее прежнего:

— Братцы! Я передумал! Пошли звать девчонок!

— Потопали, — грустно сказал Петя.

— Магом шарш! — скомандовал Мурашкин.

Неравный бой

Крапивы было больше, чем ребят.

— Бой будет неравным, — гордо сказал Мурашкин. — Учитесь!

Он подскочил к зарослям и взмахнул палкой. Несколько стеблей крапивы подогнулись и, падая, задели Мурашкина по лицу.

— Ого-го! — закричал он, бросил палку и начал прыгать. — Первое ранение! Где госпиталь? Положите меня на койку!

— Так тебе и надо, — сказал Петя.

Дело в том, что один Мурашкин пришёл с палкой, все остальные ребята принесли длинные ножи. Почти у всех на руках были варежки, перчатки.

Бой шёл не на жизнь, а на смерть. Ребятами овладел азарт. Они с криками рубили заросли, а девочки складывали крапиву в кучи.

— Вы очень плотно укладываете, — с обидой заметил Петя. — Так до вечера кучи не вырастут.

Уже ныли поясницы, а крапивы не убывало. Бой был неравным.

И только Павлик не устал. Он смотрел на Люсю и готов был работать без конца.

Крапива — это вам не пустяк

А крапива стояла густая, высокая, всем своим видом она словно говорила: «Сколько ни старайтесь, вам меня не одолеть!»

— Эх, комбайн бы сюда, — мечтательно сказал Мурашкин, но никто ему не ответил. — Искупаться бы, — со вздохом сказал он.

И снова никто ему не ответил.

Работали молча и вяло.

Павлик подумал, что надо как-то взбодрить товарищей. Но как? Ещё сильнее ему хотелось доказать Люсе, что он молодец. Вот смотри, Люся, все отдыхают, а он всё рубит.

— Чего встали? — весело спросил он. — Силёнок не хватает? Да?

— Силёнки-то есть, — жалобно отозвался Мурашкин. — Но мы её рубим, а её всё больше становится.

— Заныл опять, — сказал Петя. — Это тебе не тигров ловить и не вездеход строить.

Тут Мурашкин рассердился. Он громко шмыгнул носом, подтянул штаны и сказал:

— Если хотите знать, не нужна мне ваша крапива. Я лучше сено пойду косить в колхозе. Или трактористом наймусь. А ещё лучше — пастухом. Коров дрессировать буду! Красота! Захотел молочка — пожалуйста!

Ребята загалдели все сразу. Одни соглашались с Мурашкиным, другие не соглашались, остальные шумели просто так — за компанию.

— А кто хвастался, что раз-два и готово? — спросила Люся.

— Хвастался Мурашкин, — ответил Петя, — а я крапиве не сдамся. Я упрямый.

Тут снова все загалдели, но всех перекричал Мурашкин:

— Братцы! Пора по домам! Хватит на сегодня!
...Это было на седьмой день
жизни Павлика
Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Кто будет командиром?

Утром каждый мускул болел. Даже шевельнуть рукой было больно.

Павлик не стал продлять жизнь.

В парк собрались с большим опозданием. Самым последним пришёл Мурашкин. Когда ребята стали ругать его, он сказал:

— Не шумите. Я придумал.

— Опять тигров ловить?

— Или вездеход строить?

— Я придумал, как справиться с этой крапивой, — важно ответил Мурашкин. — Надо выбрать командира, тогда дело пойдёт. Я, например, не возражаю покомандовать. Умею.

Конечно, командиром хотелось быть каждому, и больше всех мечтал об этом Мурашкин.

Но его имени даже не назвали.

Спорили, спорили, и Петя предложил:

— Давайте выберем самого терпеливого! Вот я могу на одной ноге два часа стоять!

Смотрите!

Считайте!

Петя встал на одну ногу. Ребята загалдели, и все встали на одну ногу — кто на левую, кто на правую.

Девочки засмеялись.

— Вот укусите меня за палец, не пикну, — сказал Павлик.

— Пожалуйста, кусай меня за все пальцы! — взмолился Мурашкин.

Тут все стали протягивать друг другу пальцы.

— Вы перекусаетесь, — сказала Люся. — Командиром будет тот, кто лучше всех работает.

Ребята набросились на крапиву. Каждый хотел стать командиром, каждый старался работать лучше всех.

До обеда командира выбрать не удалось. Все работали хорошо, хотя каждый был уверен, что работает лучше других.

Павлик принимает важное решение

Павлику стало ясно: он должен помириться с Люсей. Пусть стыдно, страшно, пусть! Надо мириться. Но как?

Подойти к ней при всех — опять начнут дразнить женой и невестой. А хуже этого ничего быть не может.

Он сделал вид, что идёт домой, свернул в переулочек и побежал, чтобы встретить Люсю у дачи.

План удался.

Едва Павлик успел перевести дух, как в конце улицы появилась Люся.

Сначала Павлику показалось, что ноги его приросли к земле, потом — наоборот — ноги сами оторвались от земли. Он почувствовал, что краснеет, притворился, что зашнуровывает ботинок.

Вот Люся подошла...

прошла мимо...

скрипнула калитка...

Павлик поднял голову — Люси уже не было.

Позорное бегство

Один за другим уходили ребята. У одного — сестра болеет, другому — надо рыбачить, третьему — завтра рано вставать, с отцом за дровами ехать...

Наконец из мальчиков остались двое: Павлик и Петя.

— Да, дела, — вздохнул Петя, — пожалуй, надо и нам сматываться.

— Что?! Что?! — испугался Павлик.

— Ничего. Засмеют нас с тобой. С девчонками вдвоём остались. Женихи! Позор! Так и скажут: женихи!

А этого слова Павлик боялся больше всего на свете.

Вы только представьте: соберутся все ребята вместе и начнут кричать:

«Жених и невеста поехали по тестю!»

Умрёшь от стыда.

Павлик оглянулся на девочек и встретился глазами с Люсей.

Казалось, она спрашивала: «Неужели опять струсишь?»

— Я пошёл, — тихо сказал Петя, — я так не могу...

Павлик двинулся за ним следом.

...Это было на восьмой день
жизни Павлика Меркушева
в Нижних
Пету
хах.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ, САМЫЙ ВАЖНЫЙ

Откровенный разговор

Утром Павлик шёл по берегу.

— Что, друг, голову опустил? — услышал он знакомый голос.

Перед ним стоял Алексей Егорович.

— Да так, — ответил Павлик, — просто так...

— А всё же?

— Несчастье у меня... горе...

— Горе? — переспросил Алексей Егорович. — Это, брат, плохо. А что именно?

Павлик долго отмалчивался, а потом взял да и рассказал обо всём: и о том, что крапива ребят победила, и о том, что с девочками нельзя дружить.

— О крапиве разговор у нас особый будет. А вот почему нельзя с девочками дружить, не понимаю. Я, например, с малых лет дружил.

— Да ну? — поразился Павлик.

— Честное слово. Смешной ты человек. — Алексей Егорович наклонился к Павлику и прошептал: — Все взрос-

лые мужчины женаты. И ты ведь женишься, когда вырастешь?

— Да, наверное, — Павлик пожал плечами, — придётся.

— Но ведь прежде чем жениться, надо сначала дружить, — продолжал Алексей Егорович. — Я тебе по секрету скажу: кто не дружит с девочками, тот просто балбес. Вот дразнится, от зависти между прочим. На дразнилки не обращай внимания. Я тебе хочу посоветовать...

О том, что посоветовал Павлику Алексей Егорович, вы узнаете дальше.

Девчоночный командир

Ребята лежали на пляже, когда прибежал сухопутный пират Вилька Чудиков и заговорил:

— Что я видел! Что я видел! Вот позорище-то! Вот безобразие-то! Павка Меркушев у девочек командиром стал!

Ребята от изумления слова сказать не могли, а Вилька продолжал:

— Глаза бы мои не видели! Уши мои не слышали бы! Вот позорище-то на нашу голову!

— Не врешь? — спросил Петя.

— Не вру! Песок мне есть с камнями!

— Ешь!

Вилька взял щепотку песка, закрыл глаза, и песок зашкрипел у него на зубах. Он с трудом проглотил песчинки, вытер губы, сплюнул и сказал:

— Вот.

Ребята вскочили.

— Нахальство! — крикнул Мурашкин. — Лучше умереть!

— Правильно! — поддержали ребята. — Позор!

— Надо придумать ему дразнилку, — предложил Петя. — Задразнить, чтоб помнил!

И, казалось, по всей реке раздалось грозное:

— Девчоночный командир!

Дело было вовсе не так, как сообщил ребятам Вилька. Павлик командовал не только девочками. В его отряде было ещё несколько человек.

И это были не девочки. Но их-то сухопутный пират не заметил.

Не увидели их и ребята, когда пришли дразнить Павлика. Что же они увидели?

Девочки и Павлик рубили крапиву и складывали её в кучу.

— Девчоночный командир! — крикнул Мурашкин.

Ребята захохотали. Они стояли за забором и хохотали, навалившись на него.

— Дев-чо-ноч-ный ко-ман-дир!

Забор пошатнулся и упал. Ребята полетели вместе с забором.

Но даже на это девочки и Павлик не обратили внимания. Они продолжали работать.

А ребята, потирая ушибленные локти и колени, хором кричали, вернее, не кричали, а вопили:

— Девчоночный командир!

Вдруг они замолчали.

Из зарослей крапивы выходил бородатый историк Пётр Петрович Золотарёв. Он шёл, размахивая косой, и крапива рядами валилась на сторону. Пётр Петрович дошёл до конца зарослей, встал перед Павликом по стойке «смирно» и сказал:

— Товарищ командир! Ваше задание выполнено.

Не успели ребята прийти в себя от изумления, как из зарослей с косой в руках вышел дядя Семён и доложил Павлику, что порученное ему задание выполнено.

Но когда к Павлику подошёл Алексей Егорович, ребята ахнули.

Они не верили своим глазам.

— Товарищ командир, — сказал Алексей Егорович Павлику, — задание выполнено. Разрешите закурить?

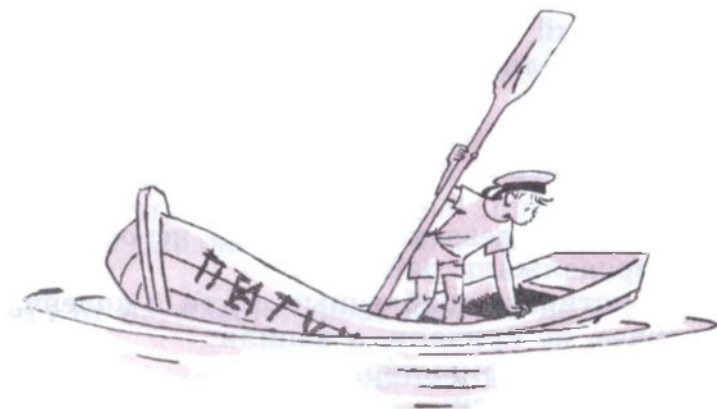
— Перерыв на пятнадцать минут, — объявил Павлик.

Нет, это был настоящий командир, и Мурашкин крикнул:

— Командуй мной! Согласен!

Вот и всё. Я думаю, вы сами догадаетесь о том, как закончилась война с крапивой.

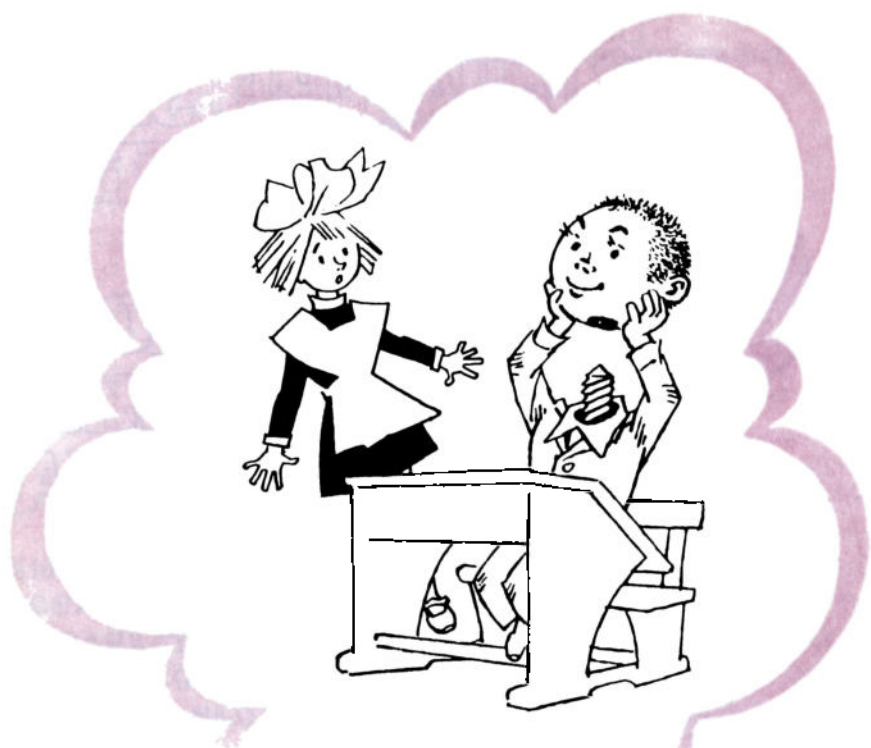
Сами догадайтесь и о том, подружился
Павлик с Люсей или опять
испугался
дразни
лок.

**МНОГОТРУДНАЯ,
ПОЛНАЯ НЕВЗГОВ
И ОПАСНОСТЕЙ
ЖИЗНЬ
ИВАНА СЕМЁНОВА,
ВТОРОКЛАССНИКА
И ВТОРОГОДНИКА,**

НАПИСАННАЯ НА ОСНОВЕ ЛИЧНЫХ
НАБЛЮДЕНИЙ АВТОРА И РАССКАЗОВ,
КОТОРЫЕ ОН СЛЫШАЛ ОТ УЧАСТ-
НИКОВ ИЗЛАГАЕМЫХ СОБЫТИЙ,
А ТАКЖЕ НЕКОТОРОЙ ДОЛИ ФАНТАЗИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*служащая как бы вступлением
к описанию жизни Ивана Семёнова
и объясняющая некоторые причины
его дальнейшего поведения*

Самый несчастный человек на свете

Иван Семёнов — несчастный, а может быть, самый несчастный человек на всём белом свете.

Почему?

Да потому, что, между нами говоря, Иван не любит учиться, и жизнь для него — сплошная мука.

Представьте себе крепкого, рослого мальчишку с наголо остриженной и такой огромной головой, что не всякая шапка на неё налезет.

И этот богатырь учится хуже всех в классе.

А честно говоря, учится он хуже всех в школе.

Обидно?

Ещё как!

Кому обидно?

Да всему классу!

Да всей школе обидно!

А Ивану?

А ему хоть бы хны!

Вот так тип!

В прошлом году играл он в белого медведя, целый день на четвереньках ходил по снегу — заболел воспалением лёгких. А воспаление лёгких — тяжёлая болезнь.

Лежал Иван в постели еле живой и хриплым голосом распевал:

Пирамидон-мидон-мидон!
Аспирин-пирин-пирин!
От лекарства пропаду-ду-ду!
Только в школу не пойду-ду-ду!

Долго лежал Иван. Похудел. И едва выпустили его на улицу, он давай кота Бандюгу ловить: хотел дрессировкой подзаняться. Бандюга от него стрелой, Иван за ним, поскользнулся — руку вывихнул и голову чуть не расколол.

Опять его в постель, опять он еле живой, опять хриплым голосом поёт, распевает:

На кровати я лежу-жу-жу!
Больше в школу не хожу-жу-жу!
Лучше мне калекой быть-быть-быть!
Лишь бы в школу не ходить-дить-дить!

Хитрый человек этот Иван Семёнов! Уж совсем поправился, а как врач придёт, Иван застонет, глаза закатит и не шевелится.

— Ничего не могу понять, — говорит врач растерянно, — совершенно здоровый мальчик, а стонет. И встать не может. Ну-ка, встанем!

Иван стонет, как раненный на войне, медленно опускает ноги с кровати, встаёт.

— Вот и молодец, — говорит врач. — Завтра можешь идти в школу.

Иван — хлоп на пол.

Его обратно в кровать.

А план у Ивана был простой — болеть как можно дольше. И всех бы он, Иван Семёнов, перехитрил, если бы не муха. Муха, обыкновенная муха подвела Ивана.

Залетела она в комнату и давай жужжать. Потом давай Ивану на нос садиться. Он её гонял-гонял — никакого результата. Муха оказалась вредной, ехидной и ловкой.

Она жужжит. Иван чуть не кричит.

Извела муха Ивана.

И спокойненько уселась на потолок.

«Подожди, — решил Иван, — я тебе!»

Он подтащил стол, на стол поставил стул, взял полотенце, чтобы прихлопнуть муху, и — залез.

А муха улетела.

Иван от злости давай по потолку полотенцем хлопать!

Вспотел даже.

В это время в комнату вошёл врач. Ну и попало Ивану, невезучему человеку, так попало, что с тех пор он бьёт мух кулаком, да изо всех сил!

ОСТАВИЛИ ИВАНА во втором классе

НА ВТОРОЙ ГОД!

Все Ивана жалели.

А он? А он хоть бы хны!

Ну не получается у него учёба! Вот сядет он уроки готовить, обмакнёт перо в чернила, вздохнёт с горя — клякса. Иван её промокашкой — хлоп!

Клякса посветлеет, но станет ещё больше. Иван снова обмакнёт перо, снова вздохнёт и — снова клякса.

Смотрит он на кляксы и мечтает. Хорошо бы сделать так, чтобы голова отвинчивалась.

Пришёл бы он в класс, спокойненько бы сел на своё место, отвинтил бы свою собственную голову и спрятал бы её в парту.

Идёт урок. Ивана, конечно, не спрашивают: не может же человек без головы говорить! Ведь говорит-то он ртом, рот-то у него в голове, а голова — где? В парте!

Звонок на перемену. Иван привинчивает голову и носится по школе.

Звонок на урок. Иван голову — вжик! вжик! вжик! — и обратно в парту. Сидит. Красота!

Думал Иван, думал и придумал однажды замечательную штуку.

Пришёл он как-то в школу, сел за парту и молчит. Минуту молчит, вторую молчит, третью...

Пять минут прошло, а он — молчит!

— Что с тобой? — спрашивают ребята.

Иван отвечает:

— Зззззззззззззззз... — и голова у него дёргается.

— Заболел? — спрашивают ребята.

Иван кивает.

— Чем заболел?

Иван мелом на классной доске пишет:

Я зайка.

Ребята ничего не понимают, Колька Веткин говорит:

— Да ты и не похож на зайца.

Иван весь задрожал и:

— Зззззззззззззззз...

— Заикой он стал! — догадался Паша Воробьёв. —
Заикой, а не зайкой.

Иван обрадованно закивал.

Как только в класс вошла Анна Антоновна, ребята загалдели:

— Семёнов болен!

— Он заикой стал!

— Говорить не может!

И всем классом, хором:

— Зззззззззззззззз...

— Тише, — сказала Анна Антоновна, и вызвала Ивана к доске, и стала спрашивать.

А Иван отвечал так:

— Трр...бр...др... — и голова у него дёргалась.

— Молодец, — сказала Анна Антоновна, — правильно ответил. Ставлю тебе «пять» с плюсом.

— «Пять» с плюсом?! — радостно переспросил Иван, который ни разу в жизни и четвёрки-то не получал.

А ребята захохотали. А громче всех Колька Веткин.

Вызвали отца Ивана в школу. Ох и попало потом зайке-заике!

И сказал он друзьям:

— Хватит. Точка. Не могу больше так жить. Буду проситься на пенсию. Со здоровьем у меня из-за этой учёбы совсем плохо. Сегодня же напишу заявление.

— А куда, куда заявление? — с огромной завистью спросил Колька. — Отвечай давай, если совесть у тебя есть!

— Совесть у меня есть, не беспокойся, — со вздохом

проговорил Иван. — Но не имею я права каждому рассказывать, куда я заявление о пенсии писать буду.

От обиды и возмущения Колька весь задрожал и крикнул:

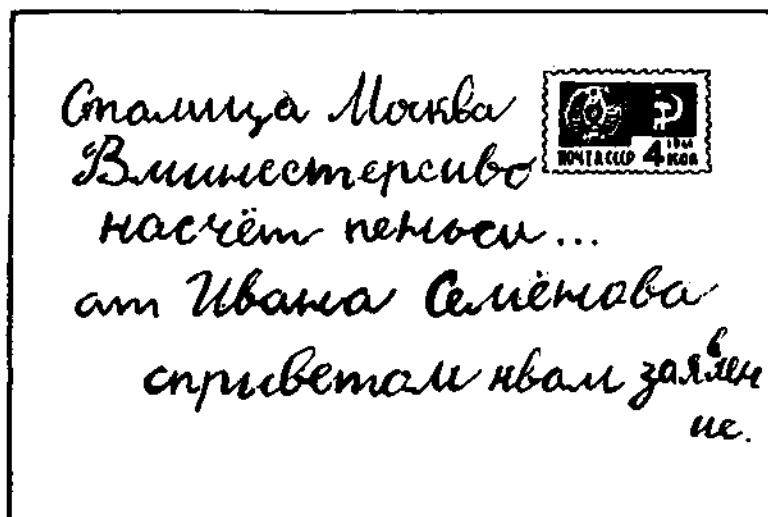
— Всегда ты такой! Собакой лаять научишь, ручки в пол втыкать научишь, а на пенсию неужели один отправишься?!

— Ты соображай, — посоветовал Иван. — Если все на пенсию уйдут, кто же учиться будет? — И он ушёл, опустив свою большую голову.

Весь вечер трудился Иван над заявлением. Вот что у него получилось:

Внимательство.
Учительница Метия
Мучит за каждую
аппунку ставит пару.
Трану принимает
и освобождает Метия
по здоровью аппучебы
спасибо Хату папу-
тот пеньсито. За
это Нван опять
спасибо и привет.
∴ Иван Селёнов

На конверте он написал:

Через день почтальон принёс письмо обратно и сказал:
— Нет такого адреса. И ошибок больно много. Рано тебе ещё жаловаться. И пенсию рано просить. Сначала школу окончи, поработай, потом жалуйся сколько тебе угодно.

Много разных историй с Иваном было, всех не рассказывать. Но вы уже, конечно, поняли, какой он несчастный человек.

И вот вам последний случай: надумали в шпионов играть. Ивану хотелось быть командиром советских разведчиков.

А что получилось?

Как выбирали шпиона

Никто не сомневался, что лучше всего выбрать первоклассника Алика Соловьёва. Его и поймать легко, и настукать ему в любой момент можно, если будет спорить. А если ещё учесть, что Алик никогда не ябедничает, то станет ясно: лучшего шпиона и не найти.

Правда, он трусоват. Играли как-то в американского

лётчика-шпиона Пауэрса. Пауэрсом выбрали Алика. Посадили его на крышу сарая — будто на самолёте летит — и давай в него стрелять.

Хорошо, в общем, поиграли. А он обратно слезать боится. Орали на него, орали, снова ракеты запускали.

Пришёл милиционер Егорушкин. Полез за Аликом, да сам с крыши грохнулся.

Попало ребятам.

И всё-таки лучше шпиона, чем Алик, не найти.

Кстати, он никак не мог научиться правильно произносить слова с приставками «пре» и «пере». У него получалось:

— Я пер-прыгнул.

— Я пер-пугался.

— Я пер-бежал.

— Я пер-нёс.

Значит, можно было считать, что Алик говорит на иностранном языке.

Всем было ясно, кто и на этот раз будет шпионом. Однако для видимости решили проголосовать и до того разорались, что Алик крикнул:

— Пер-катите!

Минутку помолчали и опять разорались.

Потом началась драка.

Драка началась из-за того, что Иван обозвал Кольку килькой.

— Какая такая килька? — обиженно спросил Колька.

— Маринованная, — ответил Иван, — или в собственном соусе. Ноль руб пятьдесят коп банка.

— Это й-то килька? — и Колька без лишних разговоров дал Ивану пинка. — Видал кильку?

Кто-то за кого-то заступился, и возник бой.

Главное в драке — не закрывать глаза.

А один друг Ивана — Паша Воробьёв — всегда закрывал и стоял в центре боя, вытянув руки по швам. Ну и доставалось же ему!

Иван любил драться. Он вам не будет разбираться, кто свой, а кто чужой. Ему важно именно драться — машет он руками, а то и ногами во все стороны и даже бодается. И очень часто случалось, что он помогал противнику выиграть сражение, так как бил своих.

На этот раз всё произошло немножко наоборот. Не за-

будьте, что в данной драке совершенно невозможно было разобраться, кому кого надо бить. Но каждый решил: не беда, начнётся бой — видно будет, кто свои, кто враги.

Паша глаза по привычке закрыл, но руки его работали сами собой.

Свой первый в жизни удар Паша нанёс своему другу — Ивану.

Иван от неожиданности рот раскрыл. А Паша ведь не видит, кого бьёт, и опять — раз ему в то же самое место, то есть в лоб.

Иван до того растерялся, что закричал:

— Своих бьёшь!

А Паша ни остановиться, ни открыть глаза не может: страшно.

Тогда Иван тоже глаза закрыл. Что тут получилось, никакими словами не передать!

Ребята так устали, что драка кончилась сама собой.

Все сели. Говорить никто не мог: кто язык прикусил, у кого губа распухла, и никто не может вспомнить, из-за чего друг друга молотили.

Вдруг, откуда ни возьмись, — учительница.

— Что у вас здесь происходило? — спросила она.

Алик Соловьёв махнул рукой:

— Пер-дрались все.

А вы знаете, что, когда нужно срочно определить виновника драки, им всегда оказывается тот, кому больше всех досталось. А на сей раз больше всех досталось Ивану.

— Семёнов, после уроков зайдёшь в учительскую, — сказала Анна Антоновна и ушла.

— Так тебе и надо, — сказал Колька, — не будешь человека килькой обзывать. Да ещё ноль руб пятьдесят коп банка.

Иван хотел ответить, но Колька закричал что было силы:

— Кто за то, чтобы Ивана шпионом выбрать, поднимите ноги!

А в это время звонок.

Ребята все — бух на спину и ногами задрыгали.

Так Ивана выбрали шпионом.

Алик Соловьёв сказал:

— Пер-касно.

После уроков Иван проговорил мрачно:

— Прощайте, товарищи.

Все молчали, опустив головы: человека в учительскую вызывают — не маленькие, понимаем что к чему.

— Ябедничать я, конечно, не буду, — продолжал Иван, — но учтите, что страдаю я из-за Кольки.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька (так он говорил, когда чего-нибудь не понимал). — Он один раз из-за меня пострадать не может. А сколько раз я из-за тебя мучился! А? Кто в прошлом году в коридоре во время уроков лаял?

— Иван! — хором ответили ребята.

— А кому попало?

— Тебе!

— Мне! — и Колька ударил себя в грудь. — А кто придумал ручки в пол втыкать?

— Иван!

— А кому попало?

— Тебе!

— Мне! — и Колька так ударил себя в грудь, что ойкнул.

— Сравнил, — презрительно сказал Иван. — Подумаешь, собакой лаял. А тут — драка. Теперь меня как миленького из школы выгонят! — весело закончил он.

— Куда же ты тогда денешься? — спросил Паша.

— Не бойся, не пропаду. В милицию, например, устроюсь. Палку в руку — и пошёл! Раз — грузовик стоп, два...

— Иди-ка лучше в учительскую, — перебил Колька, — там тебе раз-два и стоп.

Ушёл Иван, а ребята загалдели: что делать, если его из школы выгонят!

Иван, подходя к учительской, думал: «Несчастный я человек. Дрались все, отвечать мне. Будет она меня мучить. Говорить начнёт. Мол, драться нельзя. Мол, выгнать тебя надо из школы. И ведь что обидно: не выгонят!»

Четыре раза подряд вздохнув, Иван вошёл в учительскую.

— Жаль мне тебя, — сказала Анна Антоновна, — живёшь ты плохо. Да?

— Плохо. — Иван опять вздохнул. — Не жизнь, а учёба. Мне бы только со школой разделаться, а там я... — Глаза его заблестели. — Да я сразу знаменитым человеком стану!

— Нет, не станешь ты знаменитым человеком, — сказала Анна Антоновна, — ты ведь знаменитый лодырь.

— Ну и что? Я ведь сейчас лодырь, а потом — нет.

— Потом поздно будет. Надо теперь же за ум браться. Жаль, жаль мне тебя, — повторила Анна Антоновна. — Плохо ты живёшь, неинтересно. Подумай над этим. Обязательно подумай. Можешь идти.

— Как?! — поразился Иван. — А насчёт драки?

— Сами разберётесь. Иди и даже не надейся, что будешь знаменитым человеком. Если, конечно, не исправишься. Никогда лодыри не становились знаменитыми людьми.

— А я буду, — упрямо проговорил Иван. — Да вы знаете, кем я буду? Лунатиком! Первым лунатиком! — И сразу успокоился.

Анна Антоновна рассмеялась.

— Кем? Кем? — сквозь смех переспросила она.

— Лунатиком, — с гордостью ответил Иван. — На Луну полечу. Здоровых ведь будут подбирать.

— Так ведь... так ведь... — смех мешал Анне Антоновне говорить. — Лунатиком!.. Ох... ведь лунатик... это болезнь такая... Кто ею болеет, того и называют лунатиком.

— Да ну? — удивился Иван, но, человек упрямый, добавил твёрдо: — Так я лунатик и есть. Давным-давно болею.

Вышел он из учительской, плечами пожал. Стало ему непонятно отчего грустно.

— Ну? — спросили ребята. — Здорово попало?

— В том-то и дело, что не попало, — ответил Иван. — Но разговор был тяжёлый.

— Тяжёлый? — спросили ребята. — Это как?

— А вот так. Лучше и не спрашивайте. И жизнь у меня тяжёлая, и даже разговоры у меня тяжёлые. Не то что у вас. И ещё она сказала, что я не лодырь, а просто несчастный человек.

— Врёшь!

— Не верите, не надо. И ещё она сказала: будешь ты, Иван Семёнов, знаменитым человеком.

— Да врѣшь ты! — возмутился Паша. — Ты же двоечник!

— Ну и что? Она сказала, что все знаменитые люди в детстве были двоечниками.

— А это видал? — спросил Колька, показывая Ивану три пальца, сложенные, сами понимаете, в одну фигуру, названия которой я что-то не припомню.

Иван сжал кулаки.

— Пер-катите! — крикнул Алик. — А то опять пер-дерётесь!

— Тем более, — грозно проговорил Иван, — что я, к вашему сведению, лунатик.

— А это ещё что такое? — с удивлением спросили ребята.

— Болезнь, — важно объяснил Иван. — Страшной силы болезнь. Просто не знаю, что и делать. — И, взглянув на ошеломлённых приятелей, сказал:

— Играть начинаем в двенадцать часов
ноль-ноль минут.
Ещё пожалеете,
что меня шпи
оном выб
рали!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой описывается игра
в шпионов и встреча Ивана
с настоящими шпионами,
которые оказались ненастоящими*

Странный человек в тёмных очках

В двенадцать часов ноль-ноль минут милиционер Егорушкин заметил около клуба речников странного человека в пиджаке с поднятым воротником и в соломенной шляпе. Глаза его прятались за тёмными очками, руки были засунуты в карманы.

В двенадцать часов ноль три минуты милиционер Егорушкин подошёл к нему и спросил:

— Что это ты в таком подозрительном виде разгуливаешь? Да ещё на территории клуба? Да ещё зубы скалишь?

Странный человек ответил хриплым голосом:

— Не понимайт!

Милиционер Егорушкин проговорил сердито:

— Вот доставлю в отделение, сразу поймёшь.

Человек в тёмных очках вытащил из кармана пистолет, прицелился милиционеру в нос, крикнул:

— Бах! Бах!

И бросился наутёк.

— Я тебе дам «Бах! Бах!»! — крикнул Егорушкин. — Ты у меня побахаешь!

Вскоре странный человек появился в продовольственном магазине. Он бросился к прилавку, оскалил зубы и хриплым голосом сказал:

— Биттэ, дриттэ, фрау, мадам, цвай брот, шпиндель!

Продавщица спросила испуганно:

— Чего-чего?

— Р-рюки вверх! — прохрипел человек в тёмных очках. — Гутен так! Драй! Си бемоль! Урна!

Продавщица схватила нож, крикнула:

— Сам руки вверх, шпиндель!

Тогда странный человек вытащил пистолет, прицелился продавщице в нос и:

— Бах! Бах!

И выбежал из магазина.

Шпион убивает деда

*по прозвищу Голова Моя Персона,
а дед пытается взять шпиона в плен*

Он промчался по улице и через несколько минут был у здания конторы. Там грелся на солнышке дед по прозвищу Голова Моя Персона.

Человек в тёмных очках подсел к нему, тяжело дыша.

Дед спросил:

— В шпионов, что ли, играете?

— Не понимайт!

— Я говорю, в шпионов, что ли...

— Р-р-рюки вверх!

Дед послушно поднял обе руки вверх и недовольно пробормотал:

— Посидеть спокойно не дадут. А ежели я тебя самого в плен возьму?

Человек в тёмных очках вытащил пистолет, прицелился деду в бороду и:

— Бах! Бах!

И дед повалился на скамейку. Станный человек от изумления открыл рот. Вы, конечно, догадались, что пистолет у него был деревянный и никак не мог выстрелить по-настоящему.

А дед по прозвищу Голова Моя Персона лежал закрыв глаза, не шевелился и только посапывал трубочкой.

— Дедушка, а дедушка, ты притворяешься?

— Ничего я не притворяюсь. Убил ты меня, голова моя персона.

— У-убил?!

— Наповал.

— А почему же ты разговариваешь?

— Вот поговорю немного, трубочку докурю и помру.

— Не умирай, дедушка, миленький!

— Нет, помру, — упрямо повторил дед, — а тебе отвечать, голова моя персона.

Станный человек бросился бежать.

Дед быстро сел, позвал:

— Былхвост!

Из-под скамейки выполз заспанный пёс.

— Усь шпиона!

Пёс по кличке Былхвост в несколько шагов догнал странного человека, обежал его и отрезал путь к отступлению.

Смешной это был пёс. Засоня, между нами говоря. Просыпался он только для того, чтобы поесть и почесаться. Дед работал сторожем, и ему часто советовали сменить собаку.

— Засоня ведь он, — говорили деду, — проспит всех жуликов.

— Не беспокойтесь, граждане, — отвечал в таких случаях дед, — я его разбужу в один момент, как только жуликов заслышу.

Вот и сейчас Былхвост тут же, на дороге, задремал. Поэтому дед через равные промежутки времени будил его криком:

— Усь!

— Дедушка! — попросил странный человек. — Убери ты этого зверя!

— Не понимайт, — ответил дед и принялся неторопливо набивать свою трубку табаком. — Не так уж часто в нашем посёлке шпионы встречаются. Я вот первый раз встретил. А ежели мы с Былхвостом задержали шпиона, то не отпустим. Отведём его прямо в милицию.

— Отпусти, дедушка!

— Как же я тебя отпущу, когда я убит наповал?

Тогда странный человек зарычал, оскалив зубы.

Пёс проснулся.

Зевнул.

И нехотя зарычал.

Странный человек вытащил пистолет, прицелился в пса, крикнул:

— Бах! Бах!

Пёс зевнул и ответил:

«Гав! Гав!»

Странный человек хотел выстрелить ещё раз, прицелился и крикнул:

— Гав!

И вдруг Былхвост начал пятиться всё быстрее и быстрее.

А дед не своим голосом закричал:

— Брысь! Брысь отсюдава!

Странный человек испуганно оглянулся.

Выгнув спину дугой, на Былхвоста двигалось чудовище — чёрное, безухое, трёхное — бродячий кот Бандюга.

— Беги от него! Беги! — кричал дед.

Поджав остаток хвоста, жалобно взвизгнув, пёс юркнул в подворотню.

Бандюга гордо оглядывался по сторонам и облизывался, будто съел бедного пса целиком.

Странный человек в тёмных очках был свободен. Он показал язык сначала Бандюге, потом — деду, крикнул:

— Гутен так!

И убежал.

Как вы, конечно, догадались, это был наш знакомый Иван Семёнов — самый несчастный человек на всём белом свете.

Игра началась. Теперь Ивану надо было прятаться, да так, чтобы его не могли найти.

Между нами говоря, глупая игра. Сначала шпион прячется, его ищут. Но — попробуй найди его, если он залезет на чердак или в сарай или дома под кроватью уснёт!

Вот когда ему, шпиону, самому надоеет прятаться, его поймают.

Так примерно случилось и с Иваном. Сидел он, сидел на чердаке, захотел есть до того, что начал грызть свой деревянный пистолет. Грыз-грыз — дуло отломилось. Пришлось пистолет выбросить. Иван решил сдаться в плен.

Только спустился он с чердака на лестничную площадку, как услышал голоса ребят.

— Вот это шпион, я понимаю! — кричал Колька Веткин.

Сдаваться в плен сразу расхотелось.

Куда бы спрятаться?

Забраться на чердак не так-то просто: лесенка до пола не доходила — обрывалась в воздухе.

Иван заметался. Вдруг он увидел, что дверь в квартиру № 16 приоткрыта. Иван прошмыгнул туда. Стоял он за дверью еле живой от страха, боялся дыхнуть.

А ребята спорили: залезать им на чердак или нет?

Иван не сдержался и вздохнул, нечаянно дёрнул плечом, и дверь защёлкнулась.

Сначала Иван испугался, потом обрадовался, потом опять испугался.

В квартире было тихо.

На лестничной площадке — тоже: ребята ушли.

Иван попытался открыть дверь, но это ему не удалось: замок был непонятного устройства.

С горя Иван сел на пол и вытянул ноги. Придут хозяева, подумают, что он вор, и посадят его, беднягу, в тюрьму.

Но не это самое страшное. Вдруг хозяева уехали куда-то, и надолго, и Иван умрёт здесь с голоду?

А есть ему хотелось — кота Бандюгу бы сейчас съел, вот как!

Незаметно для себя самого Иван задремал. Во сне он увидел, что будто бы сидит в столовой и ест учебники. Они вкусные-вкусные. Особенно понравилась ему арифметика — с жареным луком и соусом. Как это раньше он не догадался учебники съесть?

Проснулся Иван от звука открываемого замка, стрелой пролетел в комнату и оказался под столом.

Чтобы зубы от страха не лязгали, Иван схватился за нижнюю челюсть руками.

В комнату вошли двое.

— Сразу начнём? — спросил мужской голос.

— Конечно, — ответил второй голос, — времени мало.

И вот что дальше услышал Иван:

— Пистолет на стол! Так... Давно заброшены сюда?

— Два месяца назад.

— Сумели что-нибудь сделать?

— Пока нет.

«ШПИОНЫ!» — пронеслось в голове у Ивана.

Они долго ругались, потом ушли на кухню, и Иван уже не слышал, о чём они говорили. Страх почти исчез. Иван торопливо соображал, что ему делать. И сообразил. Он вылез из-под стола, схватил пистолет и спрятался за дверь. Тяжёлый пистолет оттягивал руку.

Двое вернулись в комнату.

— Хорошо закусили, — сказал один, — можно снова работать. Продолжаем. Итак, вы согласны выполнить это опасное задание?

— Готов.

— Учтите, что, если вы будете схвачены советской разведкой...

— Живым я им не дамся.

Иван стал медленно поднимать руку с пистолетом. «Сосчитаю до семнадцати, — решил он, — и бабахну обоим!»

— Постойте, — услышал он, — а где же пистолет?

— На столе.

— Не вижу.

— Что за чудеса?

«Сосчитаю до тридцати двух, — решил Иван, — и обоим бабахну!»

О милиционере Егорушкине в посёлке вспоминали лишь тогда, когда надо было забрать хулигана или пьяного или поймать воришку.

Если всё в посёлке было спокойно, никто о Егорушкине и не вспоминал. Но только случится какой-нибудь неприятный случай, как все начинают ворчать:

— Куда это Егорушкин смотрит?

А он никогда не обижался на людскую несправедливость, потому что был умным человеком.

Казалось, что вывести его из себя нет никакой возможности. Разбушевавшихся хулиганов он умирал с таким спокойным и безразличным выражением лица, с каким мы снимаем муху с липучей бумаги.

И вдруг милиционер Егорушкин вышел из себя. Человек, который ночью гнался на мотоцикле за автомашиной, а в ней — трое вооружённых бандитов, сегодня растерялся.

Рассердил его не кто иной, как наш дорогой Иван.

Больше всего на свете Егорушкин ненавидел лодырей: ведь именно из лодырей и вырастают жулики. Конечно, не каждый лодырь становится жуликом, но каждый жулик — это лодырь.

Новая выходка Ивана — тёмные очки, «Не понимайт!», «Бах! Бах!» — рассердила Егорушкина, но он сдержался.

А тут ещё возвращается из магазина жена и рассказывает... А жена Егорушкина — та самая продавщица, в которую Иван бабахал.

— Ну ладно... — сквозь зубы процедил Егорушкин. — Ты у меня ещё узнаешь гутен так, шпindelъ!

«Руки вверх! Стрелять буду!»

Шпионы, в квартире которых оказался Иван, перевернули вверх дном всю комнату в поисках пистолета.

«Сосчитаю до ста сорока трёх, — решил Иван, — и бабахну прямо сквозь дверь!»

А у самого коленки трясутся, зуб на зуб не попадает. Одно дело — шпионов в кино смотреть, другое дело — живых шпионов встретить.

— Что же это такое? — спрашивал один из них. — Я отлично помню, что положил его вот сюда. Я же погибну без него. Сколько раз меня предупреждали... С меня голову снимут.

— Придётся сразу сознаться.

«Значит, сейчас они уйдут, — подумал Иван облегчённо, но сразу же озадаченно нахмурил лоб. — Они уйдут, а как же я подвиг совершать буду? Нетушки, нетушки, должен я героем стать!»

Иван ногой толкнул дверь, выбросил руку с пистолетом вперёд и крикнул:

— Руки вверх! Стрелять буду!

Перед ним стояли двое мужчин: один длинный и старый, другой невысокий, помоложе.

Рука с пистолетом у Ивана дрожала.

— Стреляй, стреляй, — сказал длинный и сел.

— Только целясь получше, — посоветовал второй.

Иван нажал на спусковой крючок.

— Бах! Бах! — насмешливо сказал длинный. — Как ты сюда проник?

Иван понял, что дело его плохо, бросился в коридор, рванул дверь и...

Оказался в ванной комнате.

За его спиной скрипнула задвижка и раздался голос:

— Сиди, пока не придёт милиция.

Взглянув на ванну, Иван радостно подумал: «Утоплюсь!» Он закрыл дверь на крючок, отвинтил оба крана.

— Что ты делаешь?! — раздалось за дверью. — Сейчас же открой!

Из одного крана била горячая струя, из другого — холодная. Иван и обрадовался: ведь тонуть в тёплой воде куда приятнее, чем в холодной.

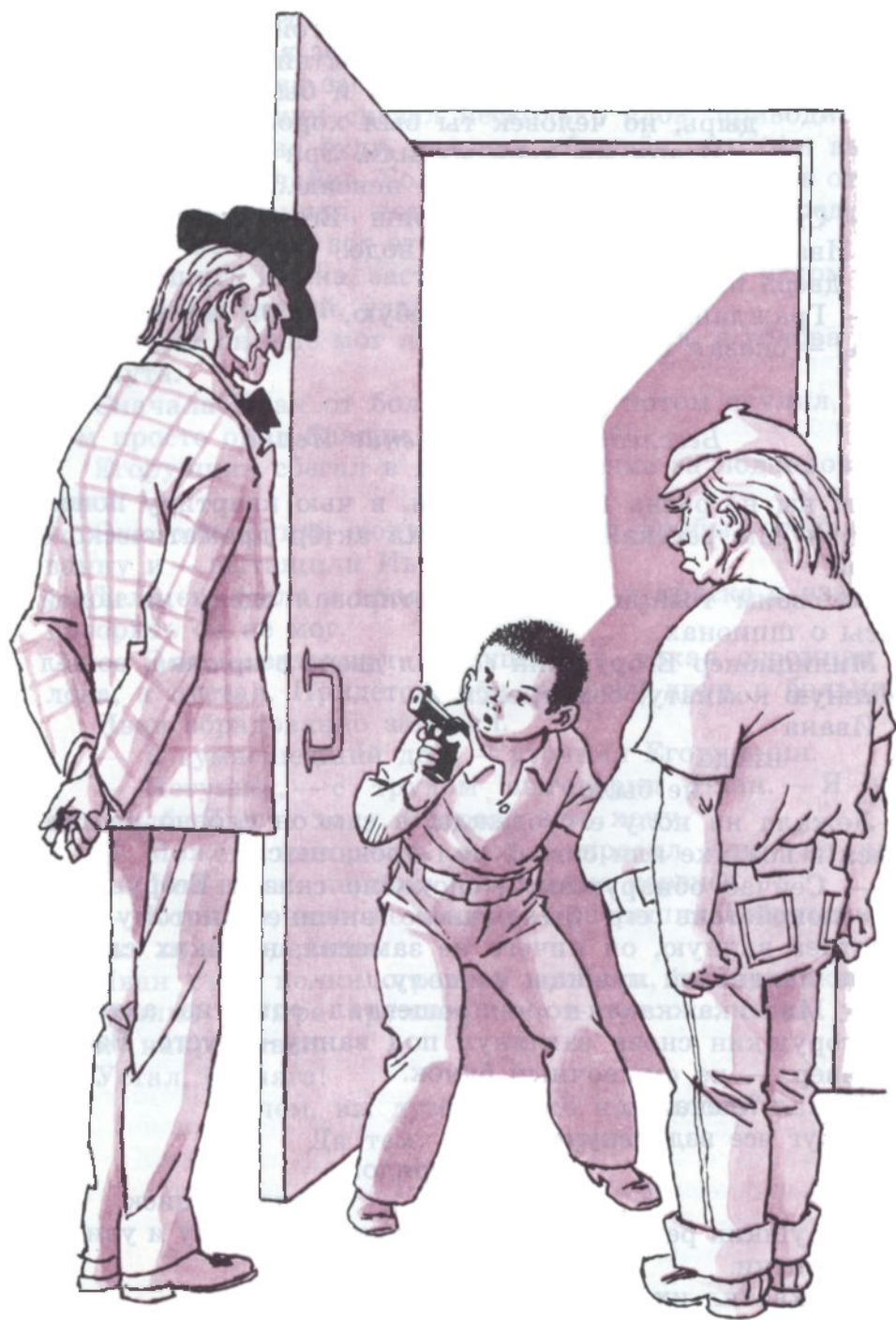
Он начал раздеваться.

А за дверью кричали.

Она содрогалась от ударов.

Иван снял всю одежду, кроме трусов, и залез в ванну. Едва он погрузился в тёплую воду, как сразу раздумал топиться. Дурак он, что ли?

Вот сначала искупается, а там видно будет. Конечно, лучше, если он утонет. На похороны соберётся вся школа.

Выйдет директор и заревёт. А потом скажет: «Спи спокойно, дорогой Иван Семёнов. Прости нас. Это мы виноваты в твоей смерти. Хоть ты и был ло дырь, но человек ты был хороший.

И зря мы тебя мучили. Зря не дали тебе уйти на пенсию...»

— Сюда, пожалуйста, товарищ Егорушкин, — услышал Иван и похолодел в тёплой воде.

В дверь постучали.

— Гражданин Семёнов, я требую, чтобы вы открыли дверь! — сказал Егорушкин.

Бесследное исчезновение Ивана

Чтобы вы не очень долго гадали, в чью квартиру попал Иван, я сам расскажу. Здесь жил актёр драматического театра.

Со своим товарищем он репетировал сцену из новой пьесы о шпионах.

Милиционер Егорушкин сорвал дверь с крючка, вошёл в ванную комнату, осмотрелся и...

Ивана

нигде

не было.

Лежала на полу его одежда, а сам он словно растворился в воздухе или сквозь пол провалился.

— Сейчас обнаружим, — спокойно сказал Егорушкин. Но спокойствие его было чисто внешнее, потому что, осмотрев ванную, он ничего не заметил, никаких следов, кроме маленькой лужицы на полу.

— Мистика какая-то, — прошептал один из актёров.

Егорушкин снова заглянул под ванну — пусто. Взглянул вверх — на смывочный бачок.

Пожал плечами.

Вдруг все вздрогнули:

где-то рядом

раздался писк.

Егорушкин резко нагнулся, заглянул за ванну и увидел голые пятки.

Он схватил их, потянул.

— О-о-о-о-ой! — нечеловеческим голосом закричал Иван. — Голову-то оторвёте!

— Я же тебя за ноги тащу...

— Ой! Голова застряла...

Тут Егорушкин сказал несколько слов, приводить которые я здесь не буду, так как убеждён, что они вырвались у него случайно. Больше я ни разу таких слов от Егорушкина не слышал, хотя мы бывали с ним в переделках куда опаснее, чем вот эта история.

Вытащить Ивана, застрявшего под прямым углом между ванной и стеной, удалось не сразу.

Ногами он ещё мог пошевелить кое-как, а голова была стиснута.

Сначала Иван от боли подвывал, потом скулил, а потом просто орал благим матом.

Егорушкин сбегал в домоуправление за водопроводчиками.

Они отключили воду, развинтили трубы, отодвинули ванну и — вытащили Ивана.

Тело его было в красных пятнах, в краске и извёстке. Говорить он не мог.

— Э-эх, — вздохнул Егорушкин, — такая огромная голова, а пустая. Придётся тебя, дорогой друг, в больницу.

Иван обрадованно закивал.

— В сумасшедший дом, — уточнил Егорушкин.

— Нетушки, — с трудом выговорил Иван. — Я нормальный. Я есть хочу. Здорово есть хочу.

— Может, накормить его? — спросил один из актёров. — Как-никак нервное потрясение перенёс.

— Кормите, если не жалко, — разрешил Егорушкин, — только пусть оденется.

Иван съел полкилограмма колбасы, полбуханки хлеба, выпил четыре кружки чаю и тут же, сидя, уснул. Даже храпывал.

Устал, бедняга!

И чем, вы думаете, всё кончилось?

Да тем, что Егорушкин

отнёс Ивана

к нему домой.

На ру

ках!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой впервые появляется
Аделаида
и Иван Семёнов пытается выдать себя
за лунатика*

Ивану приходит в голову мысль

Милиционер Егорушкин принёс Ивана к нему домой, сдал родителям и сказал:

— Получите вашего обормота. До того нахулиганился, что захрапел.

Иван, конечно, проснулся, но притворился, что спит. Он подождал, пока уйдёт Егорушкин, пока все в квартире уснут, тихонечко прокрался на кухню, поел хорошенько и снова лёг.

И раз
мечтался.

Вот если бы за
один день выучить все
учебники за все классы!
А? Ух, было бы здорово! Прощай, дорогая школа! Сидит Иван на выпускном вечере в президиуме, в самом центре, а выпускают его одного, Ивана. Играет духовой оркестр. Выходит директор и говорит: «Товарищи, мы собрались сюда для того, чтобы выпустить на свободу из школы нашего лучшего ученика, выдающего человека нашего посёлка, гордость нашу — Ивана Семёнова. Всю жизнь ему не везло. Надо честно сознаться, товарищи, что мы вели себя плохо. Не жалели Ивана нисколько. Мучили его, воспитывали, заставляли учиться, не заботились о его здоровье. Поэтому он и был самым несчастным человеком на всём белом свете. Но он взял себя в руки и совершил небывалый подвиг — за один день окончил все классы, всю школу.

Да здоровствует Иван Семёнов!
Ура!» Тут Иван сообразил,
что ведь всё это показы-
вают по телевизору.

Была ночь, и никто не услышал его крика.
В окно светила луна.

У Ивана сжалось сердце, когда он подумал: «А вдруг мне не удастся слетать на Луну? Вдруг какой-нибудь Колька Веткин окажется счастливчиком? Или Паша Воробьёв? И уж совсем будет обидно, если я останусь на Земле, а на Луну полетит малявка Алик Соловьёв!.. Нетушки! Я вас всех обскачу. С завтрашнего дня буду отличником — вот увидите. Ведь стоит только мне захотеть, и буду кем угодно!»

И опять размечтался Иван. Представьте себе: получает он сплошные пятёрки. Никто его больше не ругает, не воспитывает. Все смотрят на него с уважением. Идёт он по школе и слышит, как старшеклассники про него говорят:

— Это Иван Семёнов, знаменитый отличник.
Заснул Иван крепко, сладко.

Ивана будут тащить на буксире

Утром был разговор с отцом. (Ну и любят же поговорить эти взрослые! Нет чтоб просто сказать, что вёл ты себя плохо, обормот ты такой, — и всё!)

- Скоро кончишь дурака валять? — спросил отец.
- Скоро.
- А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?
- Понял.
- Тебе хоть немного стыдно?
- Стыдно.
- Немного, средне или очень?
- Очень.
- Больше не будешь?
- Нет.

И ещё минут десять! Так и хочется сказать: «Да что, я маленький, что ли? Не понимаю? Всё я прекрасно понимаю, но не везёт мне. Я бы рад хорошо себя вести, но не получается!»

Вышел Иван на кухню, а там мама спрашивает:

— Скоро кончишь дурака валять?

— Скоро.

— А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Больше не будешь?

— Нет.

И ещё минут десять! И когда в кухне появилась бабушка, Иван затараторил:

— Скоро кончу дурака валять, потому что тебе надоело со мной нянчиться.

Мне стыдно очень.

Больше не буду.

— Ненаглядный ты мой! — воскликнула бабушка. — И всё-то ты понимаешь, бесценный!

Выбежав на улицу, Иван, конечно, тут же забыл обо всём, даже о том, что с сегодняшнего дня решил стать отличником.

Для него идти по улице — всё равно что кино смотреть, а может, ещё и интересней.

Кошку на окошке увидел: «Мяу, мяу» — поздоровался.

Собака мимо бежала — «Гав, гав!» ей сказал.

«Кар! Кар!» — ворону передразнил.

Стайку воробьёв разогнал.

Взглядом проводил самолёт и погудел, как мотор.

Попробовал грузовик обогнать.

Девочке подножку подставил.

Все вывески прочитал и ещё складывал их, получалось интересно:

БАКАНОМ ГАСТРОЛЕЯ

Около парикмахерской в зеркале соорудил себе шестьдесят четыре рожицы.

Две старушки беседовали — послушал.

Впереди лейтенант шёл — Иван за ним в ногу кварталов пять прошагал.

И вдруг вспомнил: школа!

Почесал затылок, скомандовал:

— В школу бегом — марш!

Только пятки замелькали. Бежал, бежал, запыхался. Остановился, огляделся и давай хохотать — не в ту ведь сторону бежал!

— Гвардии рядовой Иван Семёнов, обратно шагом марш! Раз, два, левой! Раз, два, левой!

Кошку на окошке увидел: «Мяу, мяу» — поздоровался.

Попробовал грузовик обогнать.

Собака мимо бежала — «Гав, гав!» ей сказал.

Три старушки спорили — послушал.

Около парикмахерской в зеркале сам себе шестнадцать раз кулак показал.

И вдруг весело стало — поплясал немного.

Пришёл в школу усталый, еле дышит.

— Почему опять опоздал? — спрашивает Анна Антоновна. — Проспал?

— Нет.

— А что случилось?

— Ничего.

— Почему же опоздал?

— По улице шёл и... опоздал.

— Все по улице шли, а опоздал только ты. Почему?

— Не знаю.

— Не знаешь, — с укоризной сказала Анна Антоновна. — Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно. — Иван тяжело вздохнул. — Очень стыдно. Всем надоело со мной нянчиться.

Я больше не буду.

— А мы тебе не верим! — крикнул Паша.

— Мы всем классом решили, что тебе необходим буксир, — сказала Анна Антоновна.

— Какой буксир? — удивился и немного испугался Иван.

— Который тебя тащить будет! — крикнул Колька.

— Куда тащить?

— Мы найдём для тебя самого лучшего ученика из четвёртых классов, — объяснила Анна Антоновна. — Он поможет тебе учиться.

— А я и без буксира могу, — с гордостью сказал Иван. — Я ещё вчера решил круглым отличником стать.

Тут раздался такой хохот, что Иван тоже захохотал. И чем громче смеялись ребята, тем громче смеялся Иван.

Домой из школы Иван шёл один.

Настроение у него было... охо-хо! Испортилось у него настроение. «Вот всегда так бывает, — размышлял он, — только соберёшься что-нибудь хорошее сделать — помещают. Буксир какой-то выдумали! Будто я сам не могу отличником стать. Ну, дело ваше... Вы этот буксир выдумали, вы и отвечать будете».

— Здорово живём, Семёнов! — окликнул его гревшийся на солнышке дед Голова Моя Персона. — Как жизнь шпионская?

Хотел Иван с горя мимо пройти, но вспомнил, что дед — мастер рассказывать разные истории, и присел рядом.

— Что смурый такой? — продолжал расспрашивать дед. — Двочки мучают? У меня вот тоже беда. Можно сказать, несчастный случай. Надо нам с Былхвостом работу менять. Уж где только мы с ним ни работали, и отовсюду я из-за него уходил.

— А почему, дедушка?

— Друг он мой. Не важно, что пёс, а важно, что друг. Не могу я его бросить. А его отовсюду вежливо просят удалиться. Собачья у него жизнь! Характер у него уж больно невозможный. Вредный, я бы сказал. С виду пёс смиренный, а засоня и лодырь. А вдруг вот найдёт на него... ужас! Вот в кинотеатре мы с ним работали. Красота! Днём сплю, вечером кино смотрю, ночью дежурю, караулю. Так этот пёс, будь он неладен, вдруг решил тоже в кино ходить. Пролезет в зал, полсеанса сидит смиренно, а потом как начнёт лаять! Все с мест повскакивают, крики, а он от криков совсем одуреет и под стульями носится. Ну, привяжу я его на верёвку, а он скулит, прощения просит. «Дай, говорю, честное собачье слово, что больше не будешь». Он мордой кивает. Отвяжу я его. И опять старая история. Пришлось нам другую работу искать. Приняли нас в аптеку. Тоже красота! А там ночью дежурная старушка сидела. Кому ночью лекарство потребуется, тот постучит, старушка проснётся и выдаст лекарство. Удобно. И кто это пса научил в окно стучать? Ума не приложу. Подойдёт он к окну и лапой стук-стук. Старушка просыпается, бежит открывать, а на крыльце Былхвост си-

дит. И ещё улыбается, дурак. Терпела старушка, терпела и заявила начальству: «Или я, или пёс!..» Пошли мы новую работу искать. Вот в эту контору устроились... — дед махнул рукой и замолчал.

— Ну и что, дедушка?

— Ох... Даже и говорить страшно. Думается мне, что Былхвост лунатиком сделался.

— Лунатиком? — оживился Иван. — Это как?

— А вот как. Ночь. Тьма кромешная. Бывало, друг мой храпит вовсю. Пока есть не захочет. Или блоха ему в ухо не заскочет. А сейчас ни с того ни с сего встанет и — пошёл! Прямо! А глаза закрыты! Спит! — в ужасе крикнул дед. — Стоя спит! На ходу! Лунатик!.. Вот какие дела, голова моя персона.

— Так пусть он себе гуляет, дедушка.

— А вдруг его на крышу потянет? Лунатики, говорят, даже по проводам ходят. С крыши на крышу перескакивают.

— А почему их лунатиками называют?

— Так ведь без луны-то лунатиков не бывает, — ответил дед. — Тут всё дело в луне. Она на них действует.

Ивану эта болезнь понравилась. Только не знал он, как ею заболеть.

Задумался.

И — придумал.

«Вот это буксир!»

После звонка с последнего урока Анна Антоновна задержала весь класс.

— Сейчас придёт... — сказала она.

— Буксир! — крикнул Колька Веткин.

Приоткрылась дверь, и раздался голос:

— Можно?

— Входи, входи, — пригласила Анна Антоновна.

В класс вошла девочка.

— Буксир! — закричал Колька Веткин. — Вот это буксир, я понимаю! — И захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Но больше никто не рассмеялся.

Иван втянул свою большую голову в плечи.

Дело в том, что если бы эта девочка родилась мальчиком, то из неё (то есть из него) получился бы борец или боксёр самого тяжёлого веса. Эта четвероклассница ростом была как семиклассница, а может быть, и больше. Звали её Аделаида.

Дочь крокодила

Стоял на улице киоск с вывеской «Мороженое». В киоске сидела тётя. Один зуб у тёти был не простой, а золотой. Когда на него попадал солнечный луч, зуб сверкал, как прожектор.

Конечно, к взрослым надо относиться с уважением. Взрослые — это, в общем, неплохие люди. Но у них есть один недостаток: они часто забывают, что в своё время сами были маленькими. Они забыли, например, что внутри каждого мальчишки вставлен моторчик. И этот моторчик вырабатывает так много энергии, что если мальчишка посидит спокойно больше чем семнадцать минут, то может взорваться. Поэтому и приходится бегать сломя голову, драться, кусаться, обзывать — только бы не взорваться!

Бывают среди взрослых и плохие люди, даже очень плохие. Это я вам говорю по секрету, и вы уж меня, пожалуйста, не выдавайте. Подрастёте — сами увидите, что я прав.

Сейчас же разговор идёт только о тёте с золотым зубом.

Паша Воробьёв назвал её однажды крокодилом.

— Какой же она крокодил? — удивился Колька Веткин. — Крокодил — это он. А она — это она.

— Значит, крокодил женского рода, — заключил Паша. Так тётю и стали звать.

Почему же к ней такое отношение?

Попросту говоря, тётя эта была страшная злюка. Если бы разрешили есть людей, то она в первый же день съела бы человек пять. Ох и злая была!

Мороженое стоит одиннадцать копеек, а вам дома дали двенадцать — гривенник и двоечку.

Вы бегом к киоску.

— Дайте мороженое!

Глаза у тёти округляются, лицо наливается красной

краской, и тётя кричит на весь посёлок нечеловеческим голосом:

— Нету сдачи!

И тут вы хоть головой о киоск бейтесь, мороженого вы не получите. Ни за что.

И даже если вы сбегаете в ближайший магазин, и разменяете деньги, и принесёте тётя ровно одиннадцать копеек, то не думайте, что мороженое у вас в руках. Как бы не так!

Вполне может случиться, что тётя в это время жуёт. И на все ваши просьбы она будет кричать нечеловеческим голосом:

— У меня обед! Все люди едят, а мне нельзя?! — И ещё кулаком погрозит.

А жевать она может долго. Скопится огромная очередь, а тётя жуёт и жуёт.

Наконец, всё съела. Так вы думаете, что теперь получите мороженое? Вряд ли. Тётя крикнет:

— Пить захотела!

И сколько бы вы её ни просили продать вам мороженое, тётя будет кричать, поблёскивая золотым зубом:

— Все люди пьют, а мне нельзя?! — И ещё кулаком погрозит.

И уйдёт на другой конец посёлка к другому киоску, где торгуют газированной водой. Пьёт тётя медленно и не меньше семи стаканов.

Я бы не стал о ней рассказывать, если бы у неё не было дочери по имени Аделаида.

Страшное условие

Вот кто она была, эта девочка, из которой получился бы боксёр или борец самого тяжёлого веса, если бы она родилась мальчиком.

И у неё тоже был золотой зуб на том же месте, что и у мамы, и он тоже сверкал, как прожектор, когда на него попадал солнечный луч.

Итак, Колька крикнул:

— Вот это буксир, я понимаю! — И захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Как вы помните, больше никто не рассмеялся.

Аделаида взглянула на Кольку и сказала:

— Плохо будет тому, кто обзовёт меня хоть ещё один раз.

И все поняли, что обзывать её просто опасно: это вам не малявка Алик Соловьёв.

— Который? — спросила Аделаида.

Все повернули головы в сторону Ивана.

— Я, — еле живой от стыда и страха, ответил он.

— Ну как? — спросила Анна Антоновна. — Согласна взять его на буксир?

— Согласна. С одним условием.

— Каким условием? — хором спросил класс.

— Чтобы он не жаловался, — ответила Аделаида.

Иван спросил тихо:

— А чего мне жаловаться-то?

— А я стукнуть могу, — объяснила Аделаида, и её золотой зуб сверкнул, как прожектор. — Характер у меня страшный. Разозлюсь — и стукну.

Тут Иван совсем растерялся и проговорил:

— Я бы тебе тоже стукнул, но с девчонками драться нельзя.

— Правильно, — согласилась Аделаида, — потому что они слабее. А со мной можно. Я сильная. Но предупреждаю: драться со мной очень опасно.

— Почему? — хором изумился класс.

— Я силы рассчитывать не умею, — сказала Аделаида, — так стукнуть могу... — она тяжело вздохнула.

— Как? — опять спросил класс.

— А так... — Аделаида показала свой большущий кулак. — Видите? Раз — и вызывайте «Скорую помощь».

Класс притих.

И никто не замечал, как улыбалась Анна Антоновна.

— Я не согласен, — дрожащим голосом пробормотал Иван. — Это что же получается? Буксир обязан тащить, а не бить.

— А я и не собираюсь тебя бить, — сказала Аделаида. — Если ты меня слушаться будешь, зачем мне тебя бить?

— Значит, договорились, — сказала Анна Антоновна.

Впереди, боязливо втянув голову в плечи, шёл Иван.

За ним широко и тяжело шагала Аделаида.

А на некотором от неё расстоянии стайкой семенили ребята.

Вдруг Иван резко остановился, обернулся и радостно закричал:

— Больной ведь я!

Подошли ребята. Аделаида спросила:

— Чем ты болен?

— Лунатик я, — гордо ответил Иван. — Ночами-то я не сплю. По крышам гуляю, по столбам прыгаю, по проводам хожу. Устану, не высплусь — какая тут может быть учёба?

Ребята смотрели на него с удивлением.

— А почему тогда не лечишься? — спросил Колька.

— Лечусь, да ничего не помогает.

— А не врёшь? — спросила Аделаида.

— Можете проверить, — ответил Иван, — пожалуйста, в любую ночь выходите и проверяйте.

Ребята восторженно загалдели.

— Тише, мелюзга! — прикрикнула Аделаида. — Проверим лунатика. Когда по крышам ходишь?

— Ну... часов так с двенадцати до... до самого утра! Иногда вы уже в школу идёте, а я всё ещё по крышам скок-скок.

— А где?

— А везде. Сначала на нашу крышу влезаю. Потом прыг-прыг до клуба. Потом по проводам, по столбам!

— И не падаешь?

— Могу и упасть. Тогда уж смерть. — Иван подмигнул притихшим ребятам. — Очень серьёзная болезнь.

— Вот это болезнь, я понимаю! — с завистью прошептал Колька. — А как тебе заболеть удалось?

— Не помню.

— А если тебя верёвками на ночь связывать? — спросил Паша.

— Пробовали. Но я любую верёвку раз — и пошёл дальше.

— А цепью если?

— То же самое получается.

— Ладно, ладно, — грозно проговорила Аделаида, сверкнув золотым зубом. — Всю ночь буду за тобой смотреть. И если ты наврал... — она погрозила большущим кулаком.

— Пожалуйста, смотри, проверяй сколько тебе угодно, — храбрился Иван. — Но учти: болезнь заразная. Тут один за мной подглядывал, так теперь ночами вместе со мной по крышам скачет. Понятно?

— Никаких болезней я не боюсь, — спокойно произнесла Аделаида. — Я очень здоровая.

— Моё дело — предупредить, — упавшим голосом пробормотал Иван.

— А моё дело... — Аделаида опять погрозила ему своим большущим кулаком.

И когда она скрылась за углом, Иван сквозь зубы процедил:

— Как бы я тебя на буксир не взял,
крокодильская
ты дочь!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой описываются события
одной ночи,
а также подготовка к ней*

*Лунатик тренируется
и чудом спасается от гибели*

Если вы думаете, что Иван струсил, то ошибаетесь. Конечно, ему было не по себе: конечно, он побаивался, но отступать не собирался.

Он сидел на крыше и размышлял: «Жалко, если наверхнусь головой вниз. Реветь все будут, сто раз пожалеют, что такого человека погубили. Судить ведь всех будут! Ну ладно, так и быть — постараюсь не упасть. Придётся для этого потренироваться».

Сказано — сделано: Иван начал тренировку.

Он пошёл по гребню крыши. Дом трёхэтажный, не очень и высоко, но коленки трясутся.

Но если решил стать лунатиком — вперёд!

Балансируя руками, Иван осторожно переставлял ноги. Глаза у него были закрыты — как будто бы кругом ночь.

Вдруг он услышал глухой хриплый рёв, и в ноги ему ударилось что-то тяжёлое и упругое. Иван полетел вниз.

На мгновение открыл глаза — навстречу ему стремительно опрокидывалась земля. Всё перевернулось.

Он зажмурился.

Иван катился вниз по крыше, руками нащупывая, за что бы зацепиться.

Пальцы его вцепились в водосточный желоб.

Руки от усилий онемели. Он не мог ими пошевелить. Ногами он шевелить боялся: казалось, одно движение, и он соскользнёт с крыши.

И даже лежать неподвижно и то было страшно.

«Да-а, — пронеслось в голове, — ещё бы немного, и одним будущим отличником стало бы меньше».

Поднявшись на четвереньки, он вернулся на гребень крыши и сел. И тут-то увидел виновника своего падения, которое едва не кончилось гибелью, — кота Бандюгу.

Кот сидел на трубе и ехидно улыбался.

— Дурак! — крикнул ему Иван. — Ты соображаешь или нет?

«Ма-а-а», — ответил Бандюга.

— «Ма-а-а», — передразнил его Иван. — Балбес! Был бы у тебя хвост, я бы тебя за него — и с крыши!

Бандюга показал ему язык, отвернулся и помахал обрубок хвоста.

«А вдруг он меня ночью так же? — испуганно подумал Иван. — Тогда — всё. Надо поймать его и спрятать».

— Бандюжечка, миленький, — позвал Иван ласково. — Бандитик ты мой дорогой. Ну иди сюда, разбойничек.

«Ма-а!» — ответил кот, даже не посмотрев в его сторону.

— Золотой мой, бесхвостенький, иди сюда!

Но недаром кота звали Бандюгой: хорошего к себе отношения он не признавал.

— Иди сюда, а то получишь, бесхвостая твоя натура! — закричал Иван.

И тогда кот подошёл.

Загремела крыша и загудела, когда Иван бросился на Бандюгу и придавил его к железу.

«Ма-а-а-а-а!»

— Два-а-а-а-а-а!

Куда же его спрятать?

Поединок на чердаке

Справиться с этим ужасным котом не было никакой возможности. Он орал, будто раненый тигр, кусался и царапался.

До того оба устали, что умолкли.

— Дурак ты, — тяжело дыша, сказал Иван, — чего ты? Я тебя накормлю, бай-бай уложу, а сам лунатить пойду.

Бандюга закрыл глаза и утих. Но Иван знал его подлый характер и рук не разжимал. Так они и сидели на чердаке, пока не отдышались.

Казалось, Бандюга совсем успокоился, но едва Иван поднялся, как кот снова обезумел. Опять он орал, кусался и царапался.

И — вырвался!

С победным рёвом кот ринулся вниз, в отверстие, к которому была приставлена лестница.

По дороге Иван сбил с ног маленькую девочку. Он девочку не заметил, запнулся об неё и полетел кувырком, считая головой ступеньки.

Стук!

Стук!

Стук!

Стук!

Другой бы на его месте тут же умер. Но Иван столько раз в жизни падал и ударялся о твёрдые предметы, что для него подобный полёт — ерунда. Встал он, шмыгнул носом, почесал ушибленные места и побежал дальше.

Бегал он за Бандюгой до позднего вечера, вернулся домой еле живой от усталости, поел хорошенько и лёг отдохнуть.

Впереди была трудная ночь.

Предстояло сложное дело: надо было улежся спать, в двенадцать часов незаметно выскользнуть из квартиры, походить по крыше и так же незаметно вернуться домой.

Но Иван всё продумал до мелочей и лежал себе, с трудом отгоняя сон.

Куда сложнее было уйти из дому Аделаиде. Мамаша её до смерти боялась жуликов. Поэтому во дворе на здоровенной цепи сидел здоровенный пёс, а на двери было три висячих и четыре врезных замка, две щеколды да ещё цепочка.

Окна закрывались ставнями, а ставни — замками.

Но Аделаида твёрдо решила сбежать.

Но как выскользнуть из дома, в котором даже окна закрываются на замки?

Мамаша Аделаиды в этот вечер так ругалась с покупателями, что еле дошла до дому. И сразу заснула.

Около двенадцати часов ночи Аделаида уже была в условленном месте — на скамейке под огромной липой напротив клуба.

Сюда пришли ещё трое: Паша Воробьёв, Колька Веткин и — совершенно неожиданно! — Алик Соловьёв.

— Мама с папой уехали в дом отдыха, — сказал он, — я остался с бабушкой. А бабушку я легко пер-хитрил.

А Паша и Колька придумали так: соврали, что будто ночуют друг у друга.

— Смотреть в оба! — приказала Аделаида, и в лунном свете золотой зуб её грозно поблёскивал.

Луна была большая и яркая.

Смотрели ребята, смотрели на пустые крыши, заску-чали.

— А это правда, что ты его бить будешь? — спросил Алик.

— А это от него зависит, — ответила Аделаида.

Мимо прошёл дед Голова Моя Персона с Былхвостом.

— Отведу я тебя, дурака, в больницу, — донеслось до ребят, — там тебе дадут жизни. Сто уколов как получишь, так взвоешь. Пожалеешь, что не слушался меня.

Вот уже и прохожих больше не было.

Ни одного огонька не светилось в окнах.

Алик уснул сидя и во сне сладко причмокивал губами.

Паша толкал его в бок, чтобы самому не заснуть.

Сияла огромная луна, будто дразнила незадачливых наблюдателей.

— Лунатик несчастный, — прошептала Аделаида, — получишь ты у меня...

— Я спать хочу... — жалобно протянул Паша.

— Сахара, сахара, сахара! — во сне крикнул Алик.

— А шоколада не хочешь? — рассердилась Аделаида. — Скоро пойдём по домам.

— По каким домам? — чуть не плача, спросил Паша. — Я ведь у него ночую, — он показал на спящего Кольку, — а он у меня. А мы оба на улице.

— Пер-станьте! — во сне крикнул Алик, вскочил, побежал, упал и заревел что было сил.

Колька спросонья тоже закричал:

— Лампочки держите!

А Паша с испугу запел:

«Не кочегары мы, не плотники!»

И тут Аделаида доказала, что если бы она родилась мальчиком, то стала бы боксёром или борцом. Она стукнула Кольку по затылку и приказала:

— Цыц!

Она схватила Алика за шиворот, поставила на ноги и приказала:

— Цыц!

Паша с перепугу приказал сам себе:

— Цыц! — и замер, вытянув руки по швам, пятки вместе, носки врозь.

— То-то, — сказала Аделаида, — мелюзга несчастная. Пойдёте ночевать к Алику.

— Бабушка утром пер-пугается.

— Ничего. Марш домой!

— А ты? — спросил Колька.

— Буду продолжать наблюдение.

Ребята ушли.

Луна-то была. А никакого лунатика не было...

Иван в это время спал самым, как сказал бы Алик Соловьёв, пер-спокойным образом. И спал Иван потому, что устал. А устал Иван потому, что за Бандюгой гонялся. А гонялся он за Бандюгой потому, что хотел его спрятать. А спрятать его он хотел потому, что Бандюга мог помешать ему лунатить.

Устал Иван, лёг отдохнуть да и уснул до утра.

Аделаида знала, что никакой он не лунатик и что вообще всё это выдумки. Спорить же с Иваном бесполезно: он кого угодно переговорит и наврёт столько, что не разберёшь.

Вот и надо было его уличить.

Поэтому Аделаида и сидела на скамейке под огромной липой напротив клуба. Глаза сами собой закрывались.

Вдруг она вздрогнула и едва не вскрикнула.

Прямо на неё шёл пёс. Поймите, не просто шёл, а прямо на неё.

Аделаида не шевелилась.

Пёс ткнулся влажным носом в её колени и замер с закрытыми глазами.

Из-за угла клуба появились две фигуры и направились прямо к Аделаиде.

Впереди шагал милиционер Егорушкин, за ним вприпрыжку торопился дед Голова Моя Персона.

«Попалась, — подумала Аделаида. — Теперь мне попадёт! Да ещё как!»

— Вот он, лунатик! — обрадованно закричал дед. — Былхвост!

— А это что за особа? — удивлённо спросил Егорушкин, направляя луч электрического фонарика на девочку. — Что ты здесь делаешь?

— Лунатика караулю.

— Какого ещё лунатика?

И Аделаида рассказала о том, как её попросили взять Ивана Семёнова на буксир и что из этого вышло.

— Эх, сколь лунатиков-то развелось! — воскликнул дед.

Откуда-то донеслись не то крики, не то плач...

Все прислушались.

— За мной! — приказал Егорушкин.

Выбежав за угол, они увидели Пашу, Кольку и Алика, которые брели, спотыкаясь, по улице и ревели.

Увидев милиционера, ребята умолкли.

Оказалось, что бабушка Алика была глуховатой, и они не могли ни достучаться, ни дозвониться.

— Ну и ночка! — сказал Егорушкин. — Придётся всех вас за нарушение общественного порядка отвести в отделение и составить протокол.

— Не надо-о-о!

— А что мне с вами делать прикажете?

— Иван во всё виноват, — прохныкал Колька, — из-за него... вот его и отводите... вот на него протокол и составляйте...

— Виновата я, — сказала Аделаида, — я здесь старшая.

— Граждане! — воскликнул дед. — Спросите меня, кто виноват, отвечу! Спрашивайте!

— Кто виноват? — спросил Егорушкин.

— Я! — гордо ответил дед. — Это я, голова моя персона, про лунатиков Ивану рассказал. Значит, надоумил его. Готов понести заслуженное наказание.

— Сейчас надо решить, куда эту мелюзгу спроводить, — озабоченно проговорил Егорушкин. — Уж вы меня извините, а придётся родителей будить.

Когда все разошлись под громкие вопли ребят, дед сказал:

— Идём, Былхвост, на дежурство. И не вздумай больше лунатика из себя строить. Кончилось моё терпение. Понял? И милиция вашим братом, лунатиком, заинтересовалась. Делай выводы.

...Утром Иван Семёнов пришёл в школу чуть ли не первым.

Утром

Вернее, не пришёл, а прибежал.

Он трусил. Очень. Даже стыдился немного. Он понимал, что теперь никто ему не поверит, сколько ни сочиняй про свою страшную болезнь.

Невезучий он человек — что поделаешь? Не нарочно же он проспал.

Одна только и была надежда, что Аделаида тоже проспала.

Тут она и подошла. И с нею ребята.

— Вчера я себя прекрасно чувствовал, — сказал Иван. — Пилюль много съел. Да таблеток ещё разных. Здорово помогло. Всю ночь спал. Впервые за много лет. А вы?

— А мы ночью дежурили, — ответила Аделаида, — с товарищем Егорушкиным.

— А также с псом Былхвостом, — добавил Паша, — он тоже лунатик. Вроде тебя.

— Брун и хвостун, — сказала Аделаида. — Из-за тебя им дома знаешь как попало?

Ребята громко вздохнули.

— После уроков останешься, — приказала Аделаида, — начнём!

У Ивана мороз по коже пробежал.

— И правильно! — воскликнул Иван. — Ещё мало попало! Да я бы вас всех за такое безобразие в милицию забрал! Суток на семьдесят!

— За какое такое безобразие?! — поразился Колька Веткин.

— Пер-путал ты что-то, — сказал Алик Соловьёв. — Это пер-ступников в милицию забирают.

— А может быть, вы и есть преступники во главе вот с этой особой, — Иван показал на Аделаиду. — Зачем к человеку пристали? — крикнул он. — Почему человеку нормально жить не даёте? Почему даже ночью ему от вас покоя нет?!

— Так ведь мы... — пробормотал Паша Воробьёв. — Так ведь мы ему помочь хотели!

— Не нужна ему ваша помощь ни капельки! — сказал Иван, отвернувшись. — Он жить по-человечески хочет!

Ему ночью спать надо,
а вы хотите, чтоб он
по крышам скакал
да по проводам
бегал! Не
выйдет!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*писать которую автору очень не хотелось,
потому что в ней Иван Семёнов
снова совершает ряд плохих поступков,
начинает драку с Аделаидой,
терпит поражение
и... выступает по телевидению*

Аделаида наносит первый удар

После уроков Аделаида поймала Ивана уже во дворе школы за руку и привела обратно в класс.

— Не могу я сейчас заниматься, — жалобно сказал Иван, — есть я хочу. Когда я голодный, то могу в любой момент хлоп на пол. Обморок.

— А если поешь?

— Тогда всё в порядке. Могу хоть целый час заниматься.

Аделаида достала из портфеля свёрток, развернула — шесть бутербродов с маслом и колбасой.

«Ух ты, крокодильская дочь! — подумал Иван. — Вот свалилась на мою бедную голову!»

— Ешь, — грозно проговорила Аделаида, — лодырь несчастный. Лунатик заспанный.

— А ты паровоз бесколёсный.

— А ты... — но она сдержалась, иначе бы они разругались, и предложила: — Ешь на здоровье.

Чего-чего, а есть Иван любил и умел. И если бы за это умение давали звания, то Иван был бы примерно подполковником, так что бутерброды он уничтожил бы-стренько.

— Наелся?

— Спасибо. Ни капельки. Придётся домой идти.

— Сначала выучишь уроки.

— Не могу. Учти: не не хочу, а не могу.

— Можешь.

Иван почувствовал, что сердце его замирает от страха, но проговорил громко и отчётливо:

— Не могу! Не могу! Не могу!

Аделаида крикнула:

— Можешь!

И — трах! — кулаком по столу.

Понимал Иван, что если сейчас отступит, то потом будет ещё труднее. И, закрыв от страха глаза, он крикнул:

— Не могу и не желаю!

Тишина.

Иван открыл один глаз и у самого носа увидел большущий кулак.

— Последний раз предупреждаю, — сквозь зубы произнесла Аделаида, — если ты сейчас же не станешь учить уроки, я за себя не отвечаю. Так стукну, что живым отсюда не уйдёшь!

— Ой-ой! — вскрикнул Иван и дёрнулся всем телом. — Ох! Ох! — И снова дёрнулся, ещё сильнее. — Ух! Ух! — И объяснил: — Началось. Сейчас меня часа три дёргать будет. Ох! Ох!

— Бух! — крикнула Аделаида и нанесла ему здоровенный удар по шее.

Иван стукнулся о стену так, что задребезжали стёкла в окне. А ему всё нипочём! Он лежал на полу и думал: «Ну что, крокодилова дочь? Попало тебе? Испугалась? Не знаешь, что и делать? А я лежу себе на здоровье».

— Ну как? — спросила Аделаида. — Живой?

— Живой-то живой, — ответил Иван, — но голова-то совершенно не работает. Что-то в ней треснуло.

— Склеим потом. Вставай.

— Не могу.

Взяла его Аделаида за шиворот, подняла, спросила:

— Ещё стукнуть?

Иван подумал и ответил:

— По-моему, не надо.

— Я тоже так считаю. Садись. Давай тетради, учебники, ручку. Что по арифметике задали?

— Вот этого я не помню.

— Зато я помню. Упражнение сорок третье. Приготовились. Начали.

«И откуда ты свалилась на мою голову? — с тоской подумал Иван. — Хоть бы ты заболела, что ли!.. А если Егоршкину на неё пожаловаться? Так, мол, и так, товарищ

милиционер, избили средь бела дня. В голове трещина. Судить таких надо!»

— Ты же совсем не слушаешь меня! — рассердилась Аделаида. — А ну слушай!

«Слушаю, слушаю, — насмешливо думал Иван. — Вот вызовут тебя в милицию, послушаешь». А вслух сказал:

— Не забыть бы мне сегодня в милицию зайти. Акт составить. Об избиении. Отвечать тебе придётся.

— За что?

— Так ведь... человека покалечила.

— Ваня! — сказала Аделаида. — Хватит! Ведь перед всем классом договорились, что жаловаться ты не будешь.

— А я и не жаловаться. Чего мне жаловаться? Просто милиция должна о всех хулиганах знать.

— Вань! Встань! — скомандовала Аделаида.

Иван тяжело поднялся, сказал:

— Интересно всё-таки получается. Чуть-чуть человеку голову не расколола, да ещё командует!

— Вот что, — она положила ему на плечо руку. — Хватит. Мальчик ты не глупый. Выдумывать умеешь здорово. Ну чего ты? Скоро кончишь дурака валять?

— Скоро.

— А то ведь всем надоест с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Больше не будешь?

— Не буду! Не буду! Не буду! — крикнул Иван, расхохотался, бросился к окну и — прыг!

Выпрыгнул!

Погоня.

Снова на краю гибели

Оглядываясь через плечо, Иван видел, что Аделаида бежит за ним ровно, словно не торопясь.

— Куда? Куда? — спросил его сидевший на окне Колька.

И хотя Иван не ответил, Колька прыгнул с подоконника и помчался следом, на ходу спрашивая:

— А куда? А зачем?

Иван молчал: ему трудно было дышать.

Скоро к ним присоединился Паша.

— Куда? — спросил он, пристраиваясь за Колькой. — Зачем?

— Понятия не имею, — ответил Колька.

— Вы куда? — спросил Алик и, не дождавшись ответа, бросился следом.

Улица кончилась, и они выбежали в поле.

Иван обливался потом.

— Не могу больше! — крикнул Алик и остановился.

— Я тоже! — крикнул Паша и тоже остановился.

— Хватит тебе! — крикнул Колька и остановился. —

Отдохни!

Тут Иван споткнулся и плашмя упал в пыль на дорогу. Упал и не вставал. Лежал, вытянув руки и ноги, и не шевелился. Ему было всё равно. Пусть грузовик его давит, пусть лошадь с телегой через него переезжает!

И даже когда подошла Аделаида, он не пошевелился.

— Вставай, — сказала она, — хватит лежать. Полежал — и хватит. Ну?

— Не нукай, — ответил Иван. — Видишь, я еле живой. Ноги совершенно отнялись.

— А если машина?

— Пусть.

— Подождём, — сказала Аделаида и села в сторонке.

Подошли ребята и тоже сели.

— Долго лежать будешь? — спросил Паша.

— Сколько надо, столько и буду, — ответил Иван и вздрогнул: впереди по дороге пылила автомашина.

— Пер-едет тебя! — крикнул Алик.

— Задавит! — крикнул Паша.

— Лепёшка из тебя получится! — крикнул Колька.

Иван закусил губы, чтобы зубы не стучали от страха, но не двигался.

— Машине его не объехать, — спокойно сказала Аделаида, — по обеим сторонам канавы.

— Не канавы, а кю... кю...кюветы, — заикаясь, поправил Иван.

— Да что нам с ним делать? — закричал Паша.

— Пер-двинуть его надо в сторону! — крикнул Алик.

Ребята бросились к Ивану, схватили его за ноги и уволокли с дороги в кювет-канаву.

— Ты что, сумасшедший? — спросил Колька. — Не соображаешь?

— Не сумасшедший он, — сказала Аделаида, — а лодырь, каких свет не видал. Лодырь из лодырей. Готов в пыли валяться, только бы уроки не учить. Но учти, — повысила она голос, — я заставлю тебя учить уроки.

— Как бы не так, — ответил из кювета-канавы Иван. — А я виноват, что лодырь? Такой уж я родился.

— Вруша ты. Всё выдумываешь, выдумываешь. А вот кем ты вырастешь?

— Кем захочу, тем и вырасту. — Иван тяжело вздохнул. — Я, между прочим, и без тебя отличником могу быть. Если захочу.

— Я не понимаю, — сказал Колька, — ты собираешься вставать или нет? Или мы тут до утра сидеть будем?

— А мне-то что? — Иван вылез из канавы-кювета и сел. — Я лично могу хоть до утра.

— Нет и нет, — глухо проговорила Аделаида. — Сейчас мы пойдём готовить уроки.

У Ивана внутри всё похолодело.

Он вскочил.

— Чего тебе от меня надо? — заикаясь от возмущения, спросил он. — Чего ты ко мне пристала? Чего ты надо мной издеваешься? Чего ты меня бьёшь? Машина меня из-за тебя чуть-чуть не переехала! В милицию ты захотела?

— Напрасно ты кипятишься, — спокойно ответила Аделаида. — Я вовсе не собиралась тебя бить. Ты сам виноват.

— Я?! Сам?! Виноват?! — поразился Иван. — В чём же это я виноват, интересно мне знать! Я просил тебя свалиться на мою несчастную голову?

— Меня просила Анна Антоновна и весь ваш класс.

— Но я-то не просил!

— А что с тобой делать? — закричал Паша, вскакивая. — Ведь ты можешь и на третий год во втором классе остаться. Это же позор! Это же безобразие!

— Идём готовить уроки, — твёрдо произнесла Аделаида.

— А ты его бить будешь? — шёпотом спросил Алик.

— Постараюсь не бить, — ответила Аделаида. — Чего мне с ним драться? Слабенький он.

— Слабенький?! Я?! — У Ивана от возмущения кулаки сжались сами собой. — Да ты понимаешь, что ты говоришь?!

— Не кричи, — сказала Аделаида, — успокойся. Тебя по-хорошему просят: идём учить уроки. И через час ты свободен.

Иван молчал.

Коварный замысел Ивана

— Ладно! — Иван махнул рукой и весело сказал: — Идём! Пошли.

Впереди скакал неожиданно повеселевший Иван, с него летела пыль.

За ним, как милиционер за жуликом, готовая в любой момент схватить его, шагала мрачная Аделаида.

На некотором от неё расстоянии стайкой семенили ребята.

«СБЕГУ!

СБЕГУ!

СБЕГУ! — думал Иван. — Не дам над собой издеваться. Нашлась какая! Крокодиловская ты доченька — вот ты кто, а не буксир!»

— Только не вздумай бежать, — сказала Аделаида. — Всё равно поймаю.

До самой школы никто больше не сказал ни слова... Остановились у подъезда. Лица у ребят были испуганными.

— А вдруг он опять пер-старается? — спросил Алик.

Аделаида пожала плечами, но золотой зуб её сверкнул, как прожектор.

— Ваня, — позвал Алик, — ты это... ну... пер-терпи... не надо.

— Конечно, не надо, — добавил Паша.

— Уговариваете? — возмутился Колька. — Как маленького? Деточка, выучи уроки? Конфеточку дам? Баю-бай, баю-бай, Ваню маленького бай?

И тут случилось неожиданное: Иван промолчал. Он даже не взглянул на Кольку. Он обдумывал коварный план избавления от Аделаиды.

— Ты не сердись, — пробормотал растерявшийся Колька. — Иди ты, выучи ты эти уроки.

— Ладно, ладно! — весело ответил Иван, подмигнул ребятам и стал подниматься по ступенькам.

Следом двинулась Аделаида.

— Пер-дерутся, — прошептал Алик.

Иван вступает в драку

Они вошли в класс.

— Садись, — сказала Аделаида, — очень прошу тебя: садись.

Иван, ухмыляясь во весь рот, сел, собрал учебники и тетради, сложил их в портфель.

— Ты что? — Аделаида шагнула к нему, но Иван вскочил из-за парты и попятился к окну. — Опять?!

— О-опять! — крикнул Иван. — Очень тебя прошу: отстань. Хуже будет.

— Даю тебе честное пионерское, — громко проговорила Аделаида, — что я от тебя не отстану. Ни за что. Я обязана, я дала слово помочь тебе.

— «Обязана, обязана»! — передразнил Иван. — Зато я не обязан. Привет, привет и — наших нет!

И — прыг в окно!

Вы-прыг-нул!

Тут же за ним выпрыгнула и Аделаида. С трудом устояв на ногах, она схватила Ивана за руку.

Сколько он ни пытался вырвать руку — не мог.

Ребята хохотали во всё горло.

Тут Иван совершил, пожалуй, самый ужасный поступок за всю свою многотрудную жизнь. Не зная, как вырваться, он укусил Аделаиду за руку.

Аделаида вскрикнула, но руки не выпустила. Тогда Иван цапнул её во второй раз, и посильнее. Затем он бросился головой вперёд, чтобы боднуть Аделаиду в плечо.

А она выпустила его руку и отскочила в сторону.

Иван по всем законам физики полетел вверх тормашками, хотя и не знал пока этих законов.

— Наших бьют! — крикнул Колька, но не двинулся с места.

Бедный Иван лежал на земле лицом вниз...От обиды и бессильной злости ему хотелось расплакаться.

— Предлагаю мир, — сказала Аделаида, — идём учить уроки.

«Притворюсь мёртвым, — решил Иван, — пусть попрыгают. Сто раз пожалеют, что издевались над хорошим человеком. Главное, чтоб крокодилова дочь от меня отвязалась. С остальными я справлюсь... Почему же они молчат?»

Осторожно повернув голову, Иван посмотрел через плечо: никого вокруг не было.

Аделаиды не было.

Кольки не было.

Паши не было.

И даже Алик куда-то исчез.

Обиделся Иван. Друзья, называется! Бросили человека лежать, можно сказать, валяться на земле. Может быть, мёртвого! А потом ещё удивляются, что он часто и здорово болеет.

— Ура-а-а! — вдруг крикнул Иван, сел, встал на голову, поболтал в воздухе ногами и вскочил. Ведь если они ушли, то, значит, сдалась крокодиловская доченька, отстала! Значит, победил её гвардии рядовой Иван Семёнов!

— Домой шагом марш! — командовал он сам себе, подпрыгнул, роготнул и зашагал.

Первая неожиданность

— А тебя ждут, — такими словами встретила его дома бабушка.

Иван заглянул в комнату и чуть в обморок не упал: за столом сидела Аделаида.

— Проходи, — сказала она, — не стесняйся. Будь как дома.

— Проголодался, бедненький? — спросила бабушка. — Сейчас я тебя кормить буду.

— Ты зачем пришла? — прошептал Иван Аделаиде. — Чего тебе надо?

— Если ты не будешь учить уроки, — ответила Аделаида, — я всё, всё, всё расскажу твоим родителям. И про буксир, и про это. — Она показала руку, на которой было два красных пятнышка — следы зубов Ивана.

— Рассказывай сколько хочешь. — Иван неестественно рассмеялся. — Я им тоже про тебя кое-что расскажу. И про то, как ты мне голову чуть-чуть не раскокала, и про всё.

— Договорились.

Бабушка кормила Ивана вкусно и долго. Он столько съел, что еле дышал.

— Ты бы, девочка, шла погуляла, — сказала бабушка, — а Ванечке отдохнуть надо. Полежать. Он у нас слабенький здоровьем. Вот только питанием и поддерживаю.

— Уроки ему учить надо, а не отдыхать. А здоровье у него...

— Выучит, выучит, успеет, — перебила бабушка. — Самое главное — здоровье. Об нём надо заботиться. Иди, иди, девочка, подыши свежим воздухом.

— Погуляй, девочка, погуляй, — ухмыляясь, добавил Иван, — подыши свежим воздухом, подыши.

— Хорошо, — Аделаида встала. — Я пойду гулять и дышать свежим воздухом. А через час вернусь. Будешь делать уроки.

— Вот и правильно, — согласилась бабушка, — часа через два. А ещё лучше — с половиной. Главное — вовремя поспать.

Ох и поохотал Иван, когда Аделаида ушла! Молодец бабушка — не даёт внука в обиду и не даст. Никому и никогда.

Вторая неожиданность

Но почему-то не спалось и настроение было очень неважное.

Иван подошёл к окну и увидел...

Аделаиду!

Она сидела на скамейке. Ивана она не видела, и он погрозил ей кулаком, показал язык и в изнеможении от справедливой злости лёг.

Если она будет тут сидеть, то ему незамеченным не выйти из дома.

Что же придумать?

И хотя Иван считал себя невезучим человеком, на самом деле ему часто везло.

Читайте, что было дальше, и вы убедитесь в этом.

В дверь заглянула бабушка, позвала:

— Ванечка! Не спишь? Тут тебя дядечка какой-то спрашивает. Говорит, что ты сообразительный.

Иван вышел в коридор.

— Не узнаёшь меня? — спросил его высокий дяденька и снял шляпу. — Не помнишь?

— Узнал! Помню! — радостно ответил Иван. — Это я у вас... — И прикусил язык. — Вы артист, который шпионов играет.

— Правильно. — Дяденька улыбнулся: — Ты ни разу не выступал по телевидению?

— Нет. А что? — у Ивана дух захватило.

— Понимаешь, через два часа передача, — ответил дяденька, внимательно разглядывая Ивана, — а мальчик, который в ней участвует, неожиданно заболел — охрип. Мне только что позвонили из студии и просили кого-нибудь подыскать для выступления. И я вспомнил о тебе. По-моему, ты мальчик сообразительный, находчивый. Думаю, что у тебя всё получится.

— Конечно, получится, — сказала бабушка. — Он у нас артист. Кого хочешь передразнит.

— Ты ведь во втором классе? — спросил дяденька. — Но это неважно. Ростом ты за четвероклассника сойдёшь. Так поехали репетировать?

— Поехали, поехали! — радостно воскликнула бабушка. — Сейчас я его приодену. Новую рубашку дам, чтоб он красивым был.

И представьте себе такую картину: у подъезда стоит голубая «Волга». Дяденька артист распахивает дверцу, Иван садится на переднее сиденье рядом с шофёром и говорит подбежавшей Аделаиде:

— Еду выступать по телевидению! Привет!

Третья неожиданность

Если вас когда-нибудь пригласят выступать по телевидению, не вздумайте одеваться тепло.

Жара в студии страшная!

На вас направляют всевозможные лампы, много ламп, от которых идёт свет и жар.

Дышать нечем.

Такое впечатление, словно вас накрыли горячей сковородкой.

Иван репетировал с Антоном Сергеевичем (так звали актёра) целый час.

Интересно до чего!

Антон Сергеевич играл роль учителя, а Иван — роль ученика. Он быстро выучил текст наизусть и произносил его без запинки.

И вот началась передача.

Сидит Иван за столом с Антоном Сергеевичем, а на них направлены пушки — телевизионные камеры.

— Некоторые ребята, — говорит Иван, — считают, что учиться можно не то чтобы плохо, а так — средне. Они считают, что можно и без хорошей учёбы стать, например, лётчиком. Эти ребята ошибаются. Первый долг школьника — отличная учёба.

Все вокруг улыбаются, кивают — дескать, молодец гвардии рядовой Иван Семёнов!

И он тоже улыбается: дескать, сам знаю, что молодец.

Но вдруг у него в горле словно сухой комок образовался — мешает говорить.

Испугался Иван. Стал глазами по сторонам водить, будто спрашивал: что это такое со мной творится?

И начал он спотыкаться чуть ли не на каждом слове:

— Все мы... мы... мечтаем о подвигах... Всем нам... нам всем... хочется стать героями... Но кое-кто... то есть кто-кое... нет, кое-кто из нас, в общем...

— Кое-кто из ребят считает, что героем можно стать случайно? — спросил Антон Сергеевич, чтобы выручить Ивана. — А кто, по-твоему, может совершить подвиг?

— Тот, кто... кто тот... ну... у кого есть воля силы...

— Сила воли? — переспросил Антон Сергеевич.

— Да. И ещё... кто умеет бороться с этими... ну...

— Трудностями?

— Да, — унылым тоном ответил Иван.

— А лодырь может героем стать?

Иван отрицательно покачал головой.

Очень он расстроился, хотя все его поздравляли, хвалили, утешали и нисколько не ругали, что в конце передачи он растерялся и забыл текст.

А ведь он растерялся вовсе не потому, что забыл текст, а потому, что стало ему стыдно, и если бы изображение было цветное, то все бы увидели, как он покраснел. Ведь понимал он, что не имел права играть эту роль!

Но — опять он сидел в голубой «Волге» на переднем сиденье рядом с шофёром.

Было Ивану грустно.

И ещё он чувствовал себя виноватым, только не мог пока сообразить — в чём именно.

А вдруг скажут ребята:

— Лодырь, двоечник, а за кого себя выдавал? Наподдать ему, чтоб знал!

Иван вышел из машины, боязливо оглядываясь по сторонам, словно кто-то мог его подкараулить.

И юркнул в подъезд.

Неприятный разговор

Дверь открыла бабушка, звонко чмокнула внука в обе щеки, сказала:

— Молодец ты мой ненаглядный! Настоящий артист!

— Иди-ка, артист, сюда, — позвал отец.

Иван, тяжело вздохнув, прошёл в комнату.

— Может, он сначала поест всё-таки? — обиженно и возмущённо спросила бабушка. — Устал ведь, намучился ведь.

— Поесть он всегда успеет, — ответил отец. — Садись, сын, потолкуем. Ну как? Доволен?

— Нет, — буркнул Иван.

— Почему? Ведь вся область тебя видела и слышала. Вот, думали люди, вот это парень! Не только сам хорошо учится, но и других по телевидению учит!

Кстати, отец Ивана учился хорошо — в вечернем техникуме, а днём работал (тоже хорошо) на машиностроительном заводе токарем.

И мама Ивана тоже училась — в библиотечном техникуме, а днём работала в библиотеке.

— Все учатся, — сказала однажды бабушка, — я только неучёная. Но ничего — тоже вот на курсы какие-нибудь поступлю.

И поступила — на курсы кройки и шитья.

Хуже всех в семье учился Иван.

— Маленький ещё, — объясняла бабушка, — подрастёт, поумнеет и начнёт учиться.

Вот и сегодня отец отчитывал Ивана, а бабушка стояла в коридоре и громко вздыхала.

«Замучают ведь они несчастного ребёнка, — думала она, — искалечат. И ничем ведь на них не угодишь! Только одно и знают — воспитывать да перевоспитывать! А ребёнку жалеть надо, кормить его надо!»

— Когда в следующий раз выступать будешь? — спросил отец.

— Не буду я больше, — пробормотал Иван, — не имею права.

— Теперь можешь есть. Заслужил.

Бабушка кормила внука вкусно и долго.

Бабушка на посту

Иван сидел на окне и со страхом ждал прихода Аделаиды: ведь она обещала поговорить с его родителями и обо всём им рассказать.

А это значит, что опять начнутся разговоры-переговоры, и никому в голову не придёт, что человека не воспитывать, а жалеть надо. Трудно ведь жить человеку, почти невозможно! А его, видите ли, ещё и на буксир... Голову человеку чуть не раскололи. Машина его чуть-чуть не переехала...

Но если вы решили, что Иван растерялся и не знал, что делать, то ошибаетесь. Ему в голову пришла замечательная мысль.

Он бегом к бабушке и пожаловался ей.

— Буксир? — возмутилась бабушка. — Я ей покажу буксир! Иди, внучек мой ненаглядный, спокойно отдыхай. А если она сюда заявится, я ей... кое-что скажу. Иди, иди, родименький, отдыхай.

То, что бабушка называла отдыхом, а ребята называли бегать, на самом деле было тяжёлой работой.

После такого отдыха ребята домой возвращались высунув языки.

Ни рукой, ни ногой пошевелить не могли.

Однако на этот раз Иван не бегал. Он всё время погля-

дывал, не появилась ли во дворе Аделаида. То и дело приходили ребята из других домов и расспрашивали его о выступлении по телевидению.

Как Ивану хотелось похвастаться и приврать! Рты бы разинули от зависти и удивления!

Ахнули бы!

Но, кажется впервые в жизни, Иван не врал, и ребята уходили немного разочарованными.

«Все люди как люди живут, — горестно размышлял Иван, — один я несчастный. Заболеть бы, что ли, по-настоящему. Чтоб ни руки, ни ноги не двигались. Нет, чтоб одна-то рука работала бы: есть-то всё равно надо. Лежал бы себе, как суслик раненый, и радио бы целыми днями слушал, а вечером — телевизор к твоим услугам. Благодарь!»

На скамейке у подъезда с вязаньем в руках сидела бабушка.

Иван знал, что если бы даже сам директор школы захотел сейчас пожаловаться на него родителям, бабушка бы его не пустила.

Больше всего на свете она любила внука и за него была готова идти в бой.

И когда перед ней появилась Аделаида, Иван несколько не испугался, спрятался за поленницу и издали наблюдал.

Бабушка встала.

Вид у неё был воинственный.

«Сейчас она тебе! — торжествующе подумал Иван. — Крокодиловская ты доченька!»

Но что произошло дальше,
этого никто не ожидал
ни Иван,
ни ба
буш
ка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой бабушка неожиданно становится
одним из главных действующих лиц,
а Иван Семёнов совершает
героический поступок*

Аделаида выясняет обстановку

— Добрый вечер, — сказала Аделаида и улыбнулась.

— Вечер добрый, — сквозь зубы проговорила бабушка, — не знаю, как тебя звать-величать.

— Меня зовут Аделаидой.

— Бывает.

Помолчали, внимательно разглядывая друг друга.

— А где ваш внук? Бегает?

— Может быть. Не твоё это, между прочим, дело.

Опять помолчали, насторожённо разглядывая друг друга, словно собираясь бороться.

— А уроки он сделал? — спросила Аделаида.

— А ты кто такая? — спросила бабушка. — Чего тебе тут надо? Зачем пришла? Думаешь, он без тебя с учёбой этой не справится? Я у него буксир, а не ты. Видала, как он по телевизору выступал?

— Видала, видала! — радостно воскликнула Аделаида. — Замечательно выступал!

— Как настоящий артист, — бабушка посмотрела на неё с подозрением. — Просто удивительно.

— Ничего удивительного нет, — осторожно возразила Аделаида, — ведь он очень способный. У него только один недостаток. Вот если бы он...

— Нет у него недостатков! — грозно перебила бабушка.

— Один маленький недостаток.

— Нет.

— Малюсенький недостаточек. Совсем малюсенький.

— Допустим, — нахмурившись, сказала бабушка. — Поспать он любит.

— Не в этом беда. Пусть себе спит сколько ему угодно. Плохо то, что очень уж он добрый.

— Это как понимать? — насторожилась бабушка.

— А вот мы решили помочь ему учиться, — стала объяснять Аделаида. — Другой бы на его месте сразу бы согласился: помогайте, пожалуйста, тратьте на меня силы и время! Правда? А он не такой. Ему неудобно беспокоить людей. Он добрый. Вот он от меня и бежит.

— Золотце ты моё! — бабушка всплеснула руками. — Ненаглядная ты моя! Идём, милая, я тебя вареньем накормлю. Оно у меня восьми сортов: клубничное, земляничное, малиновое, брусника с яблоками, крыжовник...

Бабушка и Аделаида скрылись в подъезде.

«Что делать? — испуганно подумал Иван, ничего не понимая. — Враг проник в мой дом. Что делать?»

В голове проносилось решение за решением. А если убежать в другой город? Поступить на работу, стать в вечерней школе отличником, потом — знаменитым человеком?

«Пусть без меня живут, — с болью в сердце думал Иван, — пусть скучают, пусть грустят, пусть слёзки льют».

Он так живо представил себе эту безрадостную картину, что сам чуть не разревелся.

«Нет, нельзя уезжать, — передумал он, — жалко всех. Да и поймают. Сядет Егорушкин на свой мотоцикл и догонит».

Иван обречённо побрёл домой.

На кухне бабушка и Аделаида пили чай. Весь стол был уставлен банками с вареньем.

— А мы уже по третьему стаканчику! — весело сообщила бабушка. — Налить тебе, миленький?

Сидел Иван, без всякого удовольствия пил чай стакан за стаканом, заедая это дело ложками варенья всех сортов, ждал, когда Аделаида заговорит о буксире и прочем, ёрзал на табуретке.

А они разговаривали о варенье.

«Нарочно это она! — думал Иван про Аделаиду. — Любит людей мучить. Но я сбегу! Пусть только заикнётся! Больше тогда она меня и не увидит!»

Допили чай, унесли банки в кладовку.

— Можно ему проводить меня? — спросила Аделаида.

— Конечно, конечно! Какой может быть разговор? — согласилась бабушка. — Он у меня такой вежливый, такой вежливый! Иди, иди, Ванечка...

Иван был согласен на любой позор, даже на то, чтобы его дразнили женихом, лишь бы увести Аделаиду из дома.

Они вышли на улицу.

Бабушка долго махала им вслед рукой. Аделаида оборачивалась и махала ей в ответ.

— Хорошая у тебя бабушка, — сказала она, — только балует тебя очень.

— Зачем приходила?

— Выяснить обстановку.

— Какую обстановку?

— Узнать, в каких условиях ты живёшь, — объяснила Аделаида, — как тебя воспитывают.

— Ну и что выяснила?

— Всё. Теперь я знаю, что ты бабушкин сынок. Нянится она с тобой. Придётся тебе её с собой в армию брать. Ты ведь даже просыпаться сам не умеешь.

— Врёшь! — неуверенным голосом крикнул Иван.

— Не вру. Это я бабушке немного наврала. Из-за тебя. По телевизору ты выступил ужасно. Я краснела. Стыдно было. Очень стыдно.

— Без тебя знаю, — буркнул Иван; краешком глаза он поглядывал по сторонам: не видит ли кто-нибудь из ребят, что он гуляет с девочкой?

— В результате, — продолжала она, — я сделала важное открытие. Я поняла, что ты, может быть, УО.

— УО? — предчувствуя недоброе, переспросил Иван. — А это что такое?

— УО — значит умственно отсталый.

— Чего-чего? — почти крикнул Иван.

— Ты, может быть, умственно отсталый ребёнок. Тебя надо перевести в специальную школу.

Иван остановился, вытаращил глаза, и долго с его губ срывались не слова, а какие-то непонятные отрывочные звуки. Еле-еле овладев собой, он спросил:

— В специальную школу?

— Конечно, — спокойно отозвалась Аделаида. — Тебе же будет лучше. Всё будет в порядке. Ведь почему с тобой мучаются? Потому что считают тебя нормальным ребёнком. А ты УО. Умственно отсталый.

— Неправда! — жалобно крикнул Иван. — Я умный! Я сообразительный! Я умственно умный!

— Не кричи. Подумай обо всём спокойно. Вот тебе задание: или ты выучишь сегодня уроки, или я завтра сообщу всем, что ты УО. До свиданья.

Очень грустное занятие

— Крокодиловская ты дочь! — вслед ей прошептал Иван. — В зоопарк тебя посадить надо! В клетку! За решётку! Тухлой капустой тебя кормить надо!

Аделаида обернулась и помахала ему рукой.

— Сама ты УО, — шептал Иван, демонстративно засунув руки в карманы, — это тебя в крокодиловскую школу посадить надо!

Долго он стоял на одном месте. Было ему до того грустно, что хоть плачь на виду у всех. Он даже кулаками погрозил кому-то.

И побрёл домой, опустив свою большую многострадальную голову.

Кажется, впервые он призадумался над своей жизнью очень серьёзно. А когда ты совершил немало проступков, занятие это — думать о своей жизни очень серьёзно — очень грустное занятие.

Вместо того чтобы по привычке всех ругать, а себя жалеть от всего сердца, он шептал:

— Бабушкин сынок... УО... Умственно отсталый... Специальная школа... А почему? Потому что я не люблю учиться? Ну и что? Если я таким родился? Вот если бы я не мог учиться, тогда другое дело. А я могу, но не люблю. Ведь мне ничего не стоит стать отличником. Стоит только захотеть.

Эх, обидно-то как! Дураком бы обозвала, лодырем, двоечником, балбесом, тунеядцем в клеточку, второгодником полосатым, ещё как-нибудь, а то — УО, умственно, видите ли, отсталый.

Эти слова звенели у него в ушах. Он даже головой потряс, чтобы они вылетели, — не помогло.

Очень грустное это занятие — думать о своей жизни очень серьёзно.

Дома Иван сел на кухне и молчал.

— Что с тобой? Что это такое с тобой? — обеспокоенно спрашивала бабушка. — Заболел? Намыкался? Ложись-ка спать, ненаглядненький.

А Иван представил себе, что придёт он завтра в школу, уроки опять не приготовлены, опять его ругать будут, явится Аделаида, крикнет своим крокодильским голосом:

— УО! УО! УО!

Соберётся общешкольная линейка, и все хором крикнут:

— УО! УО! УО!

Анна Антоновна командует:

— Семёнов, в специальную школу вон отсюда!

А у подъезда стоит машина «Скорой помощи». Посадят в неё Ивана и увезут...

— Я, бабушка, уроки делать буду, — почти со слезами прошептал Иван. — Пожалей меня, бабушка!

— Жалею, золотце ты моё, изо всех сил жалею! Была бы моя воля, я бы вовсе уроки в младших классах запретила. Пусть старшие мучаются. Хочешь курочки?

— Нет, — со вздохом отказался Иван. — Буду уроки учить. Потом уж поем. — «Если, конечно, жив останусь», — мысленно добавил он.

Ну что ж... Сел Иван, достал из портфеля тетрадки, учебники, ручку.

Вздохнул.

Подрёмывать начал.

Притопала лень-матушка, зашептала на ухо:

«Устал ведь ты, миленький. Приляг, отдохни. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Ладно, — ответил ей Иван, — лягу. С удовольствием. А завтра? Опять всё сначала? Да ещё в специальную школу отправят? Нетушки! Совершу-ка я сегодня героический поступок — сделаю-ка я уроки!»

И лень-матушка обратно утопала.

Героический поступок

Иван трудился, высунув язык; исписал половину страницы — ни одной ошибки не сделал, не поставил ни одной кляксы. И только хотел крикнуть «ура», как...

...с носа

упала

капелька

пота.

Упала прямо в центр буквы «О». Хорошо, что Иван не поленился и написал её вроде колеса — большую и круглую.

Иван осторожненько поднёс к ней кончик промокашки, и промокашка выпила каплю.

«Я тебе покажу, какой я умственно отсталый! — подумал Иван, вспомнив Аделаиду. — Как бы тебя в специальную школу не отправили! На крокодила учиться!»

Разделавшись с упражнениями по русскому языку, он принялся за арифметику.

Тут у него начался с цифрами самый настоящий бой.

Цифры прыгали у Ивана перед глазами, как лягушки.

Не было никакой возможности отличить их друг от друга. Тогда он представил, что цифры — его враги, и стал внимательно их выслеживать.

«Понятно, понятно, — решил он, глядя на ненавистные цифры, — вы тоже считаете, что я умственно отсталый. Сей час разберёмся». И поднатужился — и решил первый пример.

Ещё поднатужился, крякнул пять раз — и ещё решил один пример.

Ручку кусал, пыхтел от злости, один раз даже порывал Иван, но трудился.

Всё было против него.

Особенно — чернила. Они так и старались собраться на кончике пера в каплю и — хлоп на тетрадный лист!

Однако Иван следил за ними до того внимательно, что ухитрился одну каплю схватить в воздухе левой рукой.

Вот тут-то упрямство впервые помогло ему.

И вдруг — несчастье!

Глупая муха попала в чернильницу. Иван проткнул муху пером, не заметил и написал мухой цифру «3». Представляете, что получилось?

Чуть не заревел Иван! Трахнул муху кулаком — брызги во все стороны.

«Не обращай внимания на умственно отсталых мух,— прошептала ему на ухо лень-матушка, — иди спать».

«Вырви страницу, — прошептало упрямство, — и всё перепаша заново».

«Устал ведь я, — жалобно ответил Иван, — сил моих больше нету ведь!»

«Правильно, правильно, — прошептала лень-матушка, — иди бай-бай. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Неужели ты сдашься из-за какой-то дохлой мухи?!» — удивилось упрямство.

Иван старательно вырвал забрызганный лист и начал переписывать примеры.

До того он увлёкся, что не слышал, как подошла бабушка, стояла рядом и громко вздыхала — будто внуку уколы делали.

Бабушка взбунтовалась

Утром Ивана будила бабушка.

А сегодня он проснулся сам. Честное слово! Сам открыл глаза, сам потянулся, сам зевнул и сам сел.

Настроение у него было замечательное, будто ему не в школу надо было отпрашиваться, а на новогоднюю ёлку.

Раз! — встал на голову, подрыгал в воздухе ногами и грохнулся с кровати на пол, словно самая большая кастрюля упала с самой верхней полки.

Лежал на полу и хохотал.

Лежал, пока не замёрз.

Пошёл Иван на кухню, включил электрическую плитку, поставил на неё чайник, быстренько умылся, принёс из кладовки варенье и решил разбудить бабушку.

Открыв глаза и увидев внука, она испуганно вскрикнула.

Если бы она верила в бога, то перекрестилась бы и сказала: «Свят! Свят!», как в старину полагалось говорить всяким привидениям и разной нечистой силе.

Но бабушка в бога, привидения, нечистую силу не верила и поэтому спросила:

— Это ты?!

Два слова она выговорила с таким трудом, словно у неё болело несколько зубов.

— Я. А что?

— Да как же... кто тебя разбудил?

— Никто. Сам.

— Сам?!

— А что особенного? — обиделся Иван. — Что особенного?

Бабушка не ответила. Она сидела, держась рукой за сердце.

Потом вышла на кухню и в ужасе спросила:

— И чайник сам поставил?! И варенье сам принёс?!—

Она села, бессильно опустив руки, словно убитая большим горем. — Да что же это такое происходит?! Совсем от рук отбился. Против бабушки пошёл. Получается, что я тебе не нужна?.. Не выйдет! — Она стукнула кулаком по столу: — Бабушка я тебе или не бабушка?

— Бабушка, — ответил ошеломлённый Иван.

— Обязан ты меня слушаться или нет?

— Обязан.

— Так вот. — Бабушка встала и грозно посмотрела на него. — Я должна просыпаться и будить тебя, а не ты меня. Я должна завтрак готовить, а не ты. Понятно? Я здесь командир.

— Кем же ты командуешь? — удивился Иван.

— Всей семьёй.

— А кто же тебя слушается?

— А вся семья.

— Бабушка! — воскликнул Иван. — Но ведь я-то тебя не слушаюсь!

— Как не слушаешься? — удивилась бабушка.

— Да так. Я потому и люблю тебя, что тебя можно не слушаться.

— А не врёшь?

— Нисколечко. Ты меня слушаешься, а не я тебя. Потому мы и живём дружно.

— Ну и пусть, — помолчав, сказала бабушка. — Не важно, кто кем командует, важно, что дружба есть. Но дружбе нашей скоро придёт конец, если ты будешь вести себя как сегодня. Нехорошо, Ваня, стыдно!

— Почему стыдно? — спросил Иван. — Что я такого сделал?

— Как что?! — вспыхнула бабушка. — Да я же тебе объяснила. Не имеешь ты права выполнять мои обязанности! Бабушка я тебе или не бабушка?

— А я внук тебе или не внук?

— Ты внук. А я бабушка. И не лезь в мои дела. Будь любезен спать до тех пор, пока я тебя не разбужу.

— А если я сам проснусь?

— Не имеешь права!

— А если проснулся?

— Всё равно спи. Или просто лежи, пока я не приду. Если ты сам просыпаться будешь, зачем я тогда нужна? Если ты сам завтрак готовить будешь, что мне тогда делать?

— Отдыхать.

— Отдыхать?! — возмутилась бабушка. — За кого ты меня принимаешь? Чтобы я да на старости лет бездельничала?

— А ты за кого меня принимаешь? — возмутился Иван. — Чтобы я да на молодости лет тунеядничал?! Ты знаешь, как интересно самому просыпаться? Замечательно! Ты что, собираешься со мной в армию идти? И там меня станешь будить? А? Может, по-твоему, каждый солдат со своей бабушкой в армию пойдёт?

Тут бабушка горько расплакалась.

— Ни в какую я армию не собираюсь, — сквозь слёзы сказала она. — Но учти: пользы от нас в армии было бы много!

А Иван расхохотался.

— Бабушки! — скомандовал он. — По порядку номеров рассчитайсь! Бабушки, вперёд шагом марш! Песню!.. Да ты хоть одну строевую песню знаешь?

— Знать не знаю и знать не желаю! — отрезала бабушка. — А только в армии ты без меня пропадёшь! Ты ведь даже ботинки зашнуровывать толком не умеешь.

— А в армии сапоги носят. У них шнуровки нет.

— Пожалеешь! — Бабушка снова горько расплакалась. — Я ли тебя не любила! Я ли за тобой не ухаживала! Я ли тебя не баловала! А ты?

— Эх ты, рёва, — сказал Иван ласково, — а ещё в армию собираешься.

— Я не рёва, — сквозь слёзы ответила бабушка, — просто я тебя люблю, а ты меня нет.

— И я тебя люблю. Только я с тобой не согласен.

— Когда любят, соглашаются!

— Не могу я с тобой согласиться, — твёрдо сказал Иван. — Ты что, хочешь, чтобы меня бабушкиным сыном дразнили?

— Хочу! — горячо призналась бабушка. — Очень!

— Значит, тебе меня несколько не жалко.

— А ты меня жалеешь? Ты меня и за бабушку не считаешь.

— Считаю. Ты замечательная бабушка. Только есть у тебя один недостаток.

— Нет у меня недостатков!

Иван чмокнул её в щёку, шепнул:

— Один, маленький.

— Может быть, — подумав, нерешительно согласилась бабушка, — но я не знаю какой. Не замечала.

— Ты не даёшь мне нормально жить.

— Я?!

— Ты, бабушка. Ты послушай меня. Только ты не сердись и не плачь. Держи себя в руках. Надо мне просыпаться самому.

— А давай по очереди? — обрадованно предложила бабушка. — Один раз я тебя разбужу, а один раз ты, может, сам проснёшься?

— Нет, — отказался Иван. — Не хочу я быть умственно отсталым.

— Не понимаю, — испуганно прошептала бабушка, — кто от кого отстал?

— Я вот понимаю. Если бы я вчера не выучил уроки, то сегодня меня бы как миленького в специальную школу отправили.

— Вот, вот! — радостно воскликнула бабушка. — Вот что значит просыпаться самому! Соображать плохо стал! Ещё будешь с бабушкой спорить?

— Буду, — тихо, но решительно ответил Иван. — Приходится. Я ещё, может быть, отличником сделаюсь. Ненадолго, конечно. Чтобы всем доказать, что я не умственно отсталый.

— А зачем это тебе, миленький? — ласково спросила бабушка. — Для меня-то ты всегда самый умный. Вот подрастёшь, сил наберёшься, тогда и станешь отличником. Сейчас-то зачем тебе надсажаться? Вспомни-ка, до чего мы с тобой замечательно жили!

— Жили-то мы с тобой замечательно, — согласился Иван, — но, может быть, как раз из-за этого я и чуть-чуть в УО не превратился. Чуть-чуть в специальную школу не попал. На радость дочке крокодильской, которую ты вареньем кормила. Она у меня ещё попляшет! Сто пятьдесят пять с половиной раз пожалеет, что издевалась над гвардии рядовым Иваном Семёновым! Назло ей отличником стану! Да ещё и круглым! Сам просыпаться буду! — со слезами в голосе крикнул Иван. — Сам одеваться буду! Сам... сам... сам...

Бабушка легла на кровать и сказала:

— Спасибо, дорогой внучек.

Можешь вызывать

«Скорую по
мощь».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой бабушка снова пытается быть
одним из главных действующих лиц,
а Иван Семёнов совершает
несколько выдающихся поступков*

*Иван
делает важное открытие*

Вызывать «Скорую помощь» не пришлось. Дали бабушке валерьянки, уложили в постель.

Сказала бабушка:

— Никому я, значит, не нужна. Пустое я, значит, место. Или вроде старой сковородки. Выбрасывайте.

Тут все стали её утешать, уговаривать, успокаивать. А она твердит своё:

— Надоела я вам. Мешаю я всем. Только и думаете, как бы от меня избавиться.

Тут её опять стали утешать, уговаривать, успокаивать. Бабушка лежала с закрытыми глазами и тихонько постанывала.

— Я в школу, — сказал Иван, но она даже не посмотрела на него.

Утро было серое и дождливое. Иван весело прыгал через лужи.

Правда, редкую лужу ему удавалось перепрыгнуть, чаще обеими ногами он попадал в воду. И хохотал от удовольствия.

Устал прыгать, пошёл по тротуару.

Кошку на окошке увидел — отвернулся.

Собака мимо бежала — не обратил на неё внимания.

Вывески не читал.

В зеркале около парикмахерской соорудил себе всего одну рожицу.

В школу торопился Иван — ещё как торопился!

А почему?

Да потому, что никого он сегодня не боялся.

Ребят не боялся.

Анны Антоновны не боялся.

Даже Аделаиды не боялся.

Да почему?

Да потому, что уроки-то он выучил! Пожалуйста, проверьте! Сколько угодно! Вопросы задавайте, спрашивайте!

Идёт Иван, подпрыгивает.

До чего, оказывается, приятно в школу шагать, когда уроки приготовлены!

Неудача

Когда Иван подходил к школе, настроение у него немного испортилось. Он вспомнил, что предстоит разговор с Аделаидой.

«Но ничего, — подумал он, — выкрутимся!»

И опять ему стало весело.

— Доброе утро! — услышал он за спиной голос Аделаиды.

Иван обернулся, гордо кивнул и сказал небрежным тоном:

— Между прочим, у меня уроки сделаны.

— Да ну? Сам?

— Своими собственными руками и своей собственной головой, — важно ответил Иван. — Даже стишок выучил почти весь. Теперь никто не скажет, что я УО.

— Посмотрим. Кто тебя знает! Может, ты сегодня опять примешься за старое?

— Наверное, нет, — со вздохом негромко проговорил Иван. — Но ведь трудно.

— Конечно, трудно. А ты как думал? Это по телевизору чужие слова легко говорить. И за лунатика себя выдавать легко. Драться легко. И по лужам топать легко...

— Я не топал, я перепрыгивал.

— А учиться трудно, — закончила Аделаида.

«Тебе-то хорошо, — мрачно подумал Иван, когда она ушла, — ты с детства привыкла уроки делать. А я?»

Войдя в класс, он не закричал, как обычно, не запрыгал, а сел на своё место, сидел и помалкивал.

— Как жизнь? — спросил Колька.

— Нормально, — ответил Иван, — устал только. Всю ночь уроки делал. Не выспался.

— Всю?! Ночь?! — поразился Колька. — За час можно сделать.

Звонок.

«Сейчас вы все ахнете, — торжествующе подумал Иван, — сейчас меня вызовут и...»

Но сколько ни тянул он руку вверх, Анна Антоновна не замечала. Иван до того обиделся, что руки под парту спрятал.

В перемену он не двинулся с места, сидел, опустив свою большую многострадальную голову, и грустно размышлял: «Вот, пожалуйста! Только выучил человек уроки, так на него ноль внимания. А если бы он не выучил, то, будьте уверены, вызвали бы! А зачем уроки учить, если тебя не спрашивают?»

— Я уроки выучил! — крикнул он.

Весь класс окружил Ивана.

— Ну и молодец Аделаида! — сказал Паша.

— Вот это буксир, я понимаю! — воскликнул Колька.

— А она-то тут при чём? — с презрением отозвался Иван. — Я сам.

— «Сам! Сам»! — передразнил Колька. — Пока она тебя хорошенько не стукнула, ты и не собирався уроки учить.

В класс вошла Анна Антоновна.

«Сейчас все закричат, что я уроки выучил, — с надеждой подумал Иван, — и она меня вызовет».

Но ребята молчали. Урок шёл своим чередом. Иван чуть руку не вывихнул, до того старательно тянул её вверх. Никакого впечатления!

«Нарочно она это, нарочно! — пронеслось у него в голове. — Нарочно! Чтобы помучить меня. Чтоб поиздеваться надо мной!»

Взял да и поднял обе руки.

— Семёнов, не хулигань, — сказала Анна Антоновна.

«Если и по чтению не спросят, — решил он, — больше я вам уроков делать не буду. Ни разу в жизни».

Не спросили его и по чтению.

После уроков, когда Анна Антоновна ушла, ребята бросились из класса, устроили в дверях такую давку, что Иван с трудом сдержался, чтобы не принять в ней самое активное участие.

Все убежали.

«Сговорились, — подумал он, — бросили меня одного, чтоб я погиб со скуки».

В дверях Иван столкнулся с Аделаидой.

— Куда? — грозно спросила она. — А домашние задания? Кто учить будет?

— Я, — ответил Иван неуверенно. — Домашние задания дома делают. Оттого они и называются домашними. Понятно?

— Понятно, — сквозь зубы сказала Аделаида. — Не возражаю. Пошли домой. Тем более, что бабушка приглашала меня заходить почаще.

Бабушка опять бунтует

— Напрасно ты со мной ссоришься, — сказала Аделаида по дороге. — Ну никак не могу понять, для чего тебе со мной ссориться?

— Дружить мне с тобой прикажешь?

— А что?

— Может, мне ещё зуб золотой вставить прикажешь? — Иван хмыкнул. — Нетушки. Не бывать этому!

— Дело твоё. Но я бы на твоём месте со мной подружилась.

«А я бы на твоём месте, — подумал Иван, — оставил бы хорошего человека в покое».

— Шла бы ты домой, — сказал он, — я и без тебя уроки сделаю. Как вчера.

— Не верится что-то.

Навстречу шёл Егорушкин; приложив руку к козырьку, он сказал:

— Привет лунатикам!

— А он уроки вчера выучил! — радостно сообщила Аделаида.

— Какое важное событие, — насмешливо проговорил Егорушкин. — А то я у телевизора со стыда чуть не сгорел. — И серьёзно добавил: — Желаю новых успехов! — Откозырял и пошёл дальше.

— «Событие, событие», — пробормотал Иван. — А чего смеяться?

— Забудем этот печальный случай, — предложила Аделаида. — Главное, что, кажется, ты не УО.

— Есть забыть этот печальный случай! — весело согласился Иван.

К его удивлению, дверь в квартиру оказалась незапертой.

Они вошли, заглянули на кухню — никого, заглянули в комнату.

Бабушка лежала в постели. Увидев внука, она громко застонала.

— Что с тобой? — испуганно спросил Иван. — Всё ещё болеешь?

— Врача вызвать? — спросила Аделаида.

— Не надо, — еле слышно ответила бабушка, — врачи тут не помогут. Обидели меня.

— Кто? — удивился Иван. — Кто мог тебя обидеть?

— Все. Вся наша семья. Никому я, видите ли, не нужна. Вот и сидите без обеда. Узнаете, как без меня-то.

— Значит, я голодным буду? — Голос у Ивана дрогнул. — За что?

— За то, что против бабушки пошёл. — И она закрыла

глаза. — Не беспокойте меня. Мне необходим абсолютный покой.

Иван с Аделаидой постояли, постояли и ушли на кухню. Сели. Помолчали.

— Да-а, — протянул Иван, — дела. А всё из-за того, что один раз человек проснулся утром сам.

И он рассказал об утренней истории.

— Есть выход из положения, — подумав, решительно заявила Аделаида. — Надо приготовить обед.

— А что будет с бабушкой?

— С бабушкой будет плохо. Но иначе нельзя. Её тоже надо воспитывать. Иначе она тебя избалуёт до безобразия.

Оказывается, не так-то просто

— Во-первых, — сказала Аделаида, — тихо. Во-вторых, не хныкать.

Пред
ставь себе,
что мы на нео
битаемом острове.
Если не сумеем быстро,
без шума приготовить пи
щу, то погибнем. Велика ли
важность — начистить картошки?
Оказалось — велика. Картошка-то
круглая, и так ей хочется высколь
знуть из ваших рук и укатиться под
стол! Вы за ней прыг, а на плечах-то у
вас голова, и вот эта голова старается обо
что-нибудь стукнуться. Нож не режет карто
фелину, но с удовольствием режет ваши пальцы.
Еле-еле успеваешь их отдёрнуть. — Молодец, —
похвалила Аделаида, когда Иван расправился со
второй картофелиной. — Осталось ещё штук де
сять. А у Ивана от обиды и злости руки тряс
лись. Он решил: если картофелина выс
кользнет, ползать он за ней не бу
дет, — возьмёт другую. Но картош
ка была его хитрее. Она выс
кальзывала только тогда, ког

да кожуры на ней почти не
оставалось. Сами понимае
те, что бросать такую
было жалко. И до того
Иван разозлился, что
твёрдо решил: «Все
пальцы себе отре
жу, а ни одну
картошку боль
ше не выпу
щу!»

Испугалась картошка, больше из его рук не выскаль-
зывала.

— Ванечка! — позвала из комнаты бабушка.

— Ничего ей не говори, — прошептала Аделаида.

— Посиди со мной, — попросила бабушка, — скучно
мне. Есть-то хочешь?

— Очень.

— А есть-то нечего, — весело сказала бабушка. —
А я ещё дней пять, не меньше, болеть буду.

Бабушка сдалась

Когда Иван вернулся из комнаты, на кухне уже вкусно
пахло борщом.

— Ох и попадёт... — испуганно прошептал Иван.

— Если ты очень труслив, — сказала Аделаида, —
свали всё на меня.

— Нетушки! — горячо отказался Иван. — А кто кар-
тошку чистил?

И он с гордостью понюхал воздух.

— А что, если нам сейчас и уроки сделать? — спросила
Аделаида. — Понимаешь, как будет здорово?

— Понимать-то я понимаю, — с кислой миной ответил
Иван и честно признался: — Да уж больно мне неохота.

— А ты думаешь, мне хочется за уроки браться? Как
бы не так. Я иногда даже реву. До того не хочется. Зато
когда я уроки сделала, я — свободный человек.

— Свободным-то человеком я быть люблю, — сказал
Иван.

— Вот для этого и надо уроки учить. И ещё учти: если

ты во втором классе к урокам не привыкнешь, то потом тебе будет просто беда. Привыкай сейчас.

— Я привыкаю, — Иван тяжело вздохнул и опять понюхал воздух: очень уж вкусно пах борщ.

— Это ещё что такое?! — На пороге стояла бабушка. — Это ещё что за безобразие?! Это как называется?!

— Борщ, — ответили Иван и Аделаида.

— Борщ? — переспросила бабушка, открыла крышку и ударила ею кастрюлю, как барабанщик медными тарелками. — Кто варит?

— Я, — ответили Иван и Аделаида.

— Та-а-ак, — грозно протянула бабушка, — понятно. Издеваетесь?

— Наоборот, — сказала Аделаида. — Как раз наоборот. Не о том он беспокоится, чтобы самому поесть, а о том, чтобы вас, больную, накормить.

— Да ну? — удивилась бабушка. — Золотце ты моё бесценное.

Она хотела обнять внука, но он вырвался и сказал:

— Я, между прочим, картошку чистить научился.

Бабушка всплеснула руками, укоризненно покачала головой и проговорила:

— Так, так... Значит, зря я болела? Значит, мне и поболеть нельзя? В другой раз я заболею, а он и бельё стирать научится, и пельмени стряпать, и варенье варить?! Кому я тогда нужна буду?

— А помощника вам разве не надо? — спросила Аделаида. — Разве вы не хотите, чтобы внук вам помогал?

— Может, и хочу. — Бабушка улыбнулась, понюхав, как вкусно пахнет борщ. — Но раньше-то я была незамеченная?.. Да мало ли что было раньше. Давайте-ка лучше есть борщ. Проголодалась я тут, пока болела.

Иван съел три тарелки.

Иван не сдаётся

Аделаида ушла домой, взяв с Ивана честное слово, что он и сегодня сам приготовит домашние задания.

Злой сидел Иван.

Эх, придумать бы такую специальную ручку, чтобы сама уроки делала! Колпачок бы с неё снял, положил бы

её на тетрадь — и поехали! Вжик-вжик, чик-чирик — готово домашнее задание.

Или бы специальную машину изобрели: сунул бы в неё тетрадь — тр-тр-тр-тр-тр! — готово домашнее задание.

Или бы ещё такой прибор сделали: трахнул бы им по голове, и она что угодно запомнила бы. Трах — правило запомнил, трах — стихотворение запомнил, трах, трах, трах — вот это учёба!

Иван ойкнул, потому что, размечтавшись, стукнул себя кулаком по голове.

— Гвардии рядовой Иван Семёнов! — скомандовал он. — На упражнение по русскому языку вперёд — марш!

Если бы кто-нибудь в это время подставил ухо к дверям, то подумал бы, что Иван с кем-то борется — так громко он пыхтел. Он врезался грудью в стол и высунутым языком чуть-чуть не касался страницы. Нагни он голову ещё на полмиллиметра ниже, — и лизнул бы строчку.

А лень-матушка стояла рядом и нащёптывала:

«Бедненький, несчастненький! Пожалеть тебя, кроме меня, некому. Иди-ка лучше побегай. Или спать ложись. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Уйди ты от меня подальше, — отвечал ей Иван, — и без тебя тошно».

«Никуда я от тебя не уйду, — говорила лень-матушка, — друзья мы с тобой на всю твою многотрудную, полную невзгод и опасностей жизнь».

Каждая буква давалась Ивану с великим трудом, и когда он поставил последнюю точку, рук поднять не мог.

«Не мучь ты сам себя, — шептала лень-матушка так сладко, что глаза у Ивана закрывались, — заболеть ведь можешь. Умереть ведь можешь».

— Гвардии рядовой Иван Семёнов! — скомандовал Иван. — В атаку на примеры — марш!

И лень-матушка исчезла: видеть она не могла тех, кто добрым делом занят. (Между нами говоря, ушла она не так уж и далеко, всё ещё надеясь, что уговорит Ивана.)

А он побеждал пример за примером.

И хотя они сдавались не сразу, но — сдавались.

А когда сдался последний пример, Иван вскочил и заплясал. Он прыгал по комнате и что-то кричал, а что — и сам понять не мог.

Вот как
радо
вал
ся!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*последняя, в которой читателя
уже не ждут почти никакие
неожиданности*

Как Иван получил «восьмёрку»

Ужас!

Иван проспал!

ИВАН ПРОСПАЛ!!!

ПРОСПАЛ ИВАН!!!

Он выскочил на кухню и увидел улыбающуюся бабушку.

— Здравствуй, внучек, — сказала она. — Побоялась тебя будить. Уж извини. Опоздал ты. Десять с половиной минут осталось до начала уроков.

Иван быстрёхонько оделся — и на улицу.

Из-за угла выехал мотоцикл!

А на нём Егорушкин.

— Беда! — не своим голосом крикнул Иван. — Опаздываю! Проспал! Спасите!

— Садись, — коротко приказал Егорушкин.

Хотел ветер Ивана с седла сдуть, но Иван удержался. Тогда ветер рассердился и сдул с его головы фуражку. Фуражка шлёпнулась в лужу.

Иван промолчал — после уроков её можно выловить.

Егорушкин подвёз Ивана к самому входу в школу. Иван слез с мотоцикла, сказал:

— Вот спасибо, от всей моей души!

— В первый и последний раз, — сказал Егорушкин, — просто не люблю, когда опаздывают.

На радостях Иван успел до звонка побороться с Пашей, поругаться с Колькой, отобрать у одной девочки портфель, забросить его на шкаф и достать обратно.

Когда в класс вошла Анна Антоновна, Иван сказал:

— А я опять уроки сделал!

— Я знаю, — сказала Анна Антоновна. — Сейчас раздам тетради со вчерашними заданиями.

— У кого пятёрки? — спросил Колька.

— Семёнов! — позвала Анна Антоновна.

— Не может быть! — крикнул Колька.

— За обе работы я поставила тебе три, — сказала Анна Антоновна Ивану. — Очень грязно и некрасиво. Но за старание ты получаешь две пятёрки.

— Три да пять, — сказал Паша, — будет восемь. Ни разу в жизни восьмёрки не получал.

— Маленький ещё, — гордо сказал Иван.

— Вот это отметка, я понимаю! — жалобно, с завистью крикнул Колька.

К чему приводит хорошее настроение

В перемену Иван искал Аделаиду, но не нашёл, только узнал, что в школу она не приходила.

«Заболела», — мельком подумал он и тут же забыл об этом, хотя про себя и отметил, что сделала она такое нарочно: вот если бы он уроков не приготовил, она бы сама его разыскала.

Хорошее у него было настроение!

И вот к чему оно привело.

После уроков Иван вприпрыжку бежал по коридору. И, можно сказать, не сам Иван, а его левая нога сама дёрнулась в сторону. О неё споткнулся Паша, полетел, головой ударил в живот Кольку, а Колька опрокинулся назад и сел в ведро с водой.

Сел в воду и заорал со страха:

— Тону!

Со всех сторон сбегались ребята — ничего понять не могут. Видят, что сидит в углу человек на корточках и орёт. А ведра не видят.

Тут Иван сообразил и приподнял Кольку за шиворот. А ведро будто приклеилось — не падает. А Колька разогнуться не может.

Разогнули ребята Кольку — воду разлили.

Вдруг — дежурный по школе. Ребята — врассыпную.

Иван — тоже бежать, да на ведро налетел и в луже растянулся, да ещё проехался немного.

Лежит и чуть не плачет: ведь из него получилось что-то вроде промокашки — всю лужу его одежда в себя впитала.

— Скажи, кто тебя обидел, мальчик? — спросил дежурный, помогая ему встать.

Иван вопроса не расслышал и ответил:

— Семёнов.

— Из какого класса?

— Второй «А».

— Хорошо, — сказал дежурный, — так и запишем. Не беспокойся, мальчик, хулиган будет наказан.

Побрёл Иван — мокрый весь спереди.

На улице его ждал Колька — спереди сухой, зато сзади мокрый.

— Доигрался? — спросил он. — Как теперь домой идти? Попадёт ведь.

— Пойдём сушиться, — предложил Иван. — С часик погуляем — и всё в порядке. Фуражку мою из лужи выудим.

Как сох Колька

Фуражка намокла, утонула, и из лужи виднелся лишь кончик козырька.

Иван сказал:

— Ведро бы достать и вычерпать бы всю лужу.

— Палку бы достать, — сказал Колька, — или разуться и босиком — топ-топ.

— Так любой дурак достанет, — задумчиво сказал Иван. — А ты попробуй метод примени. А не палку.

— Нет уж. Ты давай сам метод применяй. А то знаю я твои методы.

— Пожалуйста. Ты держи меня за ноги в воздухе, а я руками топ-топ и дотянусь до этой утопленницы.

— За ноги?! — поразился Колька. — Тебя?! Ты тяжё-

лый. Мне тебя не удержать. Уж лучше ты меня за ноги держи, а я руками топ-топ. Я лёгкий. Я быстренько.

— Всегда вот у тебя так, — проворчал Иван, — я придумаю, а слава тебе.

— Слава?! — опять поразился Колька. — Где я её видал, славу-то? Вечно мне из-за тебя достаётся!

— Тогда держи меня за ноги.

— Не удержать мне тебя. А ты меня запросто. Я ловкий. — Колька, повизгивая от нетерпения, закатал рукава, встал на четвереньки и крикнул: — Пошли! Пошли! Полный вперёд!

— Сначала на суше потренируемся, — предложил Иван.

Тренировка удалась: Колька руками ходил по земле, а Иван держал его за ноги в воздухе.

— Поворачиваю! — восторженно крикнул Колька и заработал руками по направлению к луже.

Он вошёл в неё, погрузившись почти по локти, и, осторожно переставляя руки, приближался к фуражке.

До фуражки оставалось не более полуметра, как Иван скомандовал:

— Стоп! Полный назад!

Дело в том, что Иван оказался уже на самом краю лужи. Ему и в лужу заходить не хотелось, и Колькины ноги нельзя было отпускать.

— Самый полный назад! — снова скомандовал он.

А Колька увлёкся, ничего не слышал и из всех сил тянулся к фуражке. А Иван из всех сил тянул его к себе. Колька почувствовал, что сейчас его тело разорвётся на две части.

— Отпускай! — испуганно крикнул он.

Иван разжал пальцы.

И Колька шлёпнулся в лужу.

Не крикнул.

Не пикнул.

Стоял на четвереньках, будто не знал, что ему делать.

— Вылезай, — прошептал Иван, — а то простудишься.

Колька на четвереньках добрёл до фуражки, взял её и вернулся на сушу; постоял ещё немного на четвереньках и поднялся на ноги.

— Подсох! — жалобно воскликнул он. — Высох! Жизни мне из-за тебя нет! Вечно ты меня в какую-нибудь глупую историю втянешь!

— Никто тебя не тянул. Сам в лужу полез.

— А кто меня на части хотел разорвать?

— Это что такое?! — услышали они испуганный голос Анны Антоновны. — Что с вами?

— В лужу спикировал, — хныча, объяснил Колька. — Вот из-за этого головного убора! — он бросил фуражку обратно в лужу. — Сам доставай. Каким-нибудь методом. Свинство это, а не метод.

— Сейчас же идите по домам, — сказала Анна Антоновна. — Ну просто беда мне с вами. Вот кого ты сегодня, Семёнов, в школе на перемене в лужу какую-то толкнул?

— Не в лужу, а в ведро, — сказал Колька. Он повернулся к Анне Антоновне спиной — сзади он тоже был мокрый. — Видали? — торжествующе спросил он. — Красота! А вы ему восьмёрки ставите! Учтите, Анна Антоновна, что я зря страдал. И тут, в луже, зря страдал, и там, в ведре, зря страдал. Всю жизнь я из-за него страдаю.

— Хныкалка ты, вот ты кто, — презрительно проговорил Иван. — Хныкалка, нытик и паникёр.

Тут Колька сжал кулаки и подпрыгнул к нему.

— Идите по домам, — сказала Анна Антоновна, вставая между ними. — Увидят вас люди, испугаются.

— Мне домой нельзя, — Колька опять захныкал, — мне здорово попадёт.

— Тогда идёте ко мне, — предложила Анна Антоновна, — я тут неподалёку живу. Приведу вас в порядок.

Ещё вопрос: кого на буксир брать?

Мальчишки остались в трусах и майках. Иванову одежду повесили на балкон сушить, а Колькину Анна Антоновна решила выстирать.

— А вы пока займитесь обедом, — сказала она.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька. — А какой у вас суп?

— Супу у меня нет никакого. Его приготовить надо. Что ты умеешь делать?

— Я? — Колька ненадолго задумался. — Например, суп мешать умею. Пробовать умею... Посолить могу.

— А ты, Семёнов?

— Я картошку чистить умею.

— Смехота! — Колька хихикнул. — У меня сестёр две штуки. Зачем мне с картошкой возиться? — И он опять хихикнул.

Анна Антоновна поставила на газовую горелку кастрюлю с водой, положила туда мясо и ушла стирать Колькину одежду.

— И не стыдно тебе? — спросил Колька. — Хочешь, всем ребятам расскажу? Ведь задразнят тебя. Где это слыхано, где это видано, чтобы наш брат мужчина картошку чистил?

— А в армии?

— Там специальные повара есть. Солдаты воюют, а повара картошку чистят и прочее. Ты поваром хочешь быть или смелым солдатом?

— А если убьют повара?

— Запасной всегда бывает.

— А если запасного убьют?

— Тогда сухой паёк едят. Концентраты разные.

— Сам ты концентрат, — сказал Иван. — Сам ты сухой паёк, а не смелый солдат.

— А тебя на буксир взяли.

— По ошибке. Зря взяли. Тебя надо было на буксире тащить.

— А за что?! — поразился Колька. — Я средний. У меня всё в порядке. У меня всего понемножку. Всего в меру.

— А вот я тебя на буксир возьму, — пообещал Иван. — Не сейчас, конечно, а потом.

Вернулась Анна Антоновна, развесила на балконе одежду, сказала:

— Часа через два высохнет.

— Красота! — воскликнул Колька. — Домой приду сухой, чистый. А суп скоро будет готов?

— Сухим пайком получишь, — ответил Иван. — Помоему, теперь его очередь к буксиру прицепляться.

— Не смей ты меня, — чуть не плача сказал Колька. — Чего ты ко мне привязался? Иди ты своей дорогой, вон у тебя всё высохло.

— И пойду, — сказал Иван. — У меня дел много, не то что у тебя.

— Какие же у меня могут быть дела, когда я в таком виде? — возмутился Колька.

— Довольно ссориться, — сказала Анна Антоновна. —

А буксир никому не вреден. Не знаете, почему Аделаида сегодня в школе не была?

— Наверно, мороженым объелась, — ответил Колька. — Говорят, она в день по килограмму съедает.

— Не по килограмму, а по четыре, — с серьёзным видом поправил Иван.

— Да ну?! — поразился Колька.

— У них дома только мороженое едят. Кошка ничего, кроме эскимо, в рот не берёт. А собака — только сливочный пломбир.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька. — Мне бы так денька три прожить!

Иван не сдержался и захохотал.

И Анна Антоновна рассмеялась.

— Обманул... — разочарованно протянул Колька. — А я поверил. Вот всегда он так, Анна Антоновна.

— Спорить мне с тобой некогда, — сказал Иван. — Вот возьму я тебя на буксир, тогда...

— Ты пока ещё сам на буксире, — перебила Анна Антоновна. — Не забывай.

— Я не забываю, — пробормотал Иван. — Только я бы на вашем месте вот этого Николая Веткина обязательно бы на буксир взял. И супом бы его не кормил, раз он даже картошку чистить не умеет.

Лицо у Кольки было такое испуганное и обиженное, что Иван добавил дружелюбно:

— Тебе же лучше будет.

Иван находит золотой самородок

Грустный брёл Иван по улице. Как домой без фуражки явиться? Третью уже он в этом году посеял. Одну в автобусе забыл, другую на крышу клуба забросил. Пока лестницу искали, фуражка исчезла.

И где сил найти, чтобы сесть за уроки?

Вдруг Иван увидел, что в траве будто осколочек солнца блестит. Он полюбовался сверканием, нагнулся, поднял... зуб!

«Пусть зуб, — подумал Иван, — всё равно золотой самородок!»

Чей же это зуб?

Аделаиды, её мамыши или ещё чей-нибудь?

Что должен делать честный человек, если найдёт драгоценность?

Вздохнуть, полюбоваться, ещё раз вздохнуть, ещё тяжелее, и — отнести в милицию.

Но Егорушкин, взглянув на зуб, сказал:

— Можешь взять это дело себе. Заявления о пропаже золотого зуба не поступало.

— Не могу я его себе взять, — возразил Иван. — Чужая вещь. Может, ищет кто, а найти не может. Слёзы горькие льёт, милицию ругает.

— Где нашёл?

— У киоска с мороженым.

— Вот и спроси у гражданки, которая в этом киоске торгует.

Медленно побрёл Иван: боялся он не только Аделаиды, но и её мамыши.

— Как живём, лунатик? — окликнул его дед Голова Моя Персона. — А я своего друга вылечил. Теперь ему никакая луна не страшна. На любую луну он ноль внимания. Оказалось, что еды ему не хватало. Ночью-то он есть захочет и спросонья идёт куда-нибудь на запах. Стал я его с вечера сытнее кормить, и вылечился пёс. Одна беда: больно уж крепко спит! Разбудить его иной раз нет моих возможностей. И вообще совсем дурной стал. Ничего не соображает, — жаловался дед. — Нашёл я сегодня утром золотой зуб. Возле киоска. Обрадовался. А зуб-то у меня из пальцев возьми да и выскользни. А пёс его — хап! — и проглотил. Как говорится, съел за милую душу и «спасибо» не сказал.

Иван, вздохнув, разжал ладонь.

— Он самый! — воскликнул дед. — А откуда он у тебя?

— Нашёл. Недалеко от киоска.

— Выходит, что друг мой и не виноват. А я его... Придётся прощения у Былхвоста просить.

— Берите, дедушка. Вы первый нашли.

— Я нашёл, я и потерял. Теперь он твой. Можешь вставить, — с завистью сказал дед. — Красиво будет.

— А если Былхвосту вставить?

— Сторожевому-то псу?! — возмутился дед. — Да ведь зуб-то сверкает! Его в темноте за тысячу вёрст будет видно! Отдай зуб законному владельцу — и точка.

— А чего это я его искать буду, владельца-то? — с тоской спросил Иван. — Он, может, сейчас сидит, компот ест, а я ищи его, мучайся?

— Не знаю, — дед вздохнул, покосившись на зуб, — может, компот употребляет, может, рыдает. Не знаю. У меня, голова моя персона, ни разу в жизни ни одного золотого зуба не было.

— У меня тоже.

— Вот и отнеси.

Иван потоптался на месте и побрёл. Очень ему не хотелось идти к законному владельцу золотого зуба.

Боялся Иван.

«А чего бояться? — спросил он самого себя. — Не кусают же они тебя? А если и будут драться, то удрать можно».

Эх, поесть бы сейчас и лечь спать!

И сон бы увидеть хороший!

Например, как прошло много-МНОГО ЛЕТ, и в школе, в которой Иван учился, на стенах в каждом классе **ВИСЯТ ЕГО ПОРТРЕТЫ**. А на здании прибита каменная доска, а на ней золотыми буквами написано:

В ЭТОЙ ШКОЛЕ СТРАДАЛ И МУЧИЛСЯ,
НО
С ОТЛИЧИЕМ ЕЕ ЗАКОНЧИЛ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ,
НО
САМЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ВСЕМ СВЕТЕ
ИВАН СЕМЕНОВ.

Иван от умиления шмыгнул носом. Даже поплакать захотелось.

Однако плакать было некогда. Он уже стоял перед высоким забором.

Законные владельцы золотых зубов найдены

Калитка была закрыта. Иван постучал.

В ответ раздался страшный собачий лай и звон цепи.

«Только бы сама Аделаида вышла, а не её мамаша», — испуганно подумал Иван.

Из дома вышла мамаша. Иван ждал её, еле живой от страха.

— Чего надо? — грозно спросила она, подойдя к калитке.

— Аделаиду.

— Болеет она! И я болею! Все бодем!

— А чем? — поинтересовался Иван и вдруг увидел, что на месте золотого зуба у неё дырка. — Вот! — крикнул он радостно и протянул в щель между досками руку.

Мамаша схватила зуб левой рукой, а правой — руку Ивана, спросила:

— Второй где? Второй зуб где?

— Не знаю, понятия не имею, — ответил Иван, пытаюсь освободить руку.

— В милиции скажешь!

— Да был я в милиции! — чуть не плача крикнул Иван. — Отпустите меня! Больно мне! Вместе в милицию сходим, если хотите! Отпустите только!

— Не могу, — призналась мамаша, — боюсь, убежишь.

— Не убегу! Честное слово!

Она выпустила руку, сказала:

— Жалко. Хороший был зуб. Нет у меня времени по милициям ходить! — вдруг закричала она. — Мне мороженым торговать надо! Мне план выполнять надо! А кто второй зуб нашёл, пусть им подавится! А если ты найдёшь, принеси.

— Не найти, — грустно сказал Иван. — По-моему, его собака съела. Былхвост её зовут. Теперь её Былзуб звать можно.

— Заходи, — тоже грустно сказала мамаша, а когда Иван закрыл за собой калитку, позвала: — Аделаида! Дочь! Иди сюда!

На крыльце появилась Аделаида. Глаза у неё были заплаканные, щека повязана платком.

— Здравствуй, — сказала она, и Иван заметил, что на месте золотого зуба у неё дырка.

— Один зуб принёс — мой, а твой — нет. Говорят, собака съела. Кто поверит? Нет, нет, отдай зуб! — жалобно кричала мамаша.

— Нате! — сказал Иван. — Берите любой! Хоть все! — И оскалил зубы.

— Дразнишься?

— Нет. Не дразнюсь, а жалею вас. Почему вы всех жуликами считаете?

— Не всех, а почти всех, — ответила мамаша. — Я торговать пошла. Может, по дороге в милицию зайду. Несдобровать тогда тебе.

Когда мамаша свернула за угол, Аделаида сказала:

— Посидим на крылечке.

Сели.

— Чего это зубы у вас выпали у обоих? — спросил Иван.

— Не выпали, а вырвали их. Заболели они. Вчера ночью. У меня и у мамы сразу. Мы утром в больницу. Нам их вырвали... А я их потеряла.

— Ну, я пойду, — озабоченно проговорил Иван. — Дел у меня много. Просто ни минутки свободной нет. Даже спать некогда. — Он встал. — Гвардии рядовой Иван Семёнов отправляется выполнять домашние задания. Привет!

Выйдя за калитку, Иван помахал Аделаиде
рукой и зашагал, напевая
весёлую
песен
ку.

ЛЁЛИШНА ИЗ ТРЕТЬЕГО ПОДЪЕЗДА,

ИЛИ

ПОВЕСТЬ О ДОБРОЙ ДЕВОЧКЕ,
ХРАБРОМ МАЛЬЧИКЕ, УКРОТИ-
ТЕЛЕ ЛЬВОВ, ДВОЕЧНИКЕ ПО
ПРОЗВИЩУ ПАРА, СМЕШНОМ
МИЛИЦИОНЕРЕ И ДРУГИХ
ИНТЕРЕСНЫХ ЛИЧНОСТЯХ,
ПЕРЕЧИСЛИТЬ КОТОРЫХ В
НАЗВАНИИ НЕТ НИКАКОЙ
ВОЗМОЖНОСТИ, ПОТОМУ ЧТО
ОНО И ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ
СЛИШКОМ ДЛИННЫМ

И если уж так случилось, что повесть эта связана с цирком, то автору невольно пришлось использовать слова, принадлежащие манежу. Цирковое представление, как известно, начинается с парада участников... Вот и сейчас вы попадёте на парад участников повести «Лёлишна из третьего подъезда».

ПАРАД УЧАСТНИКОВ

Лёлишна Охлопкова

Лёля Охлопкова, которую все называют Лёлишна, живёт в нашем доме — в третьем подъезде, на пятом этаже.

Ей одиннадцать лет.

Живёт она с дедушкой. Родители её умерли.

Хотели Лёлишну взять в детский дом, но дедушка сказал:

— Не выйдет.

И заплакал.

Потом дедушку хотели взять в дом для престарелых, но Лёлишна сказала:

— Не выйдет.

И не заплакала, потому что хотя и была маленькой, да ещё девочкой, но характер у неё был мужественный.

Она сказала дедушке:

— Пойдём-ка лучше купим мороженого.

Так они и сделали.

Сначала им стало весело, однако, когда вернулись домой, дедушка опять чуть не заплакал.

— Ты только слушайся меня, — сказала Лёлишна, — и всё будет очень замечательно!

— Ладно, — ответил дедушка, — за меня не беспокойся. Я буду вести себя очень прекрасно.

Он выпил валерьяновых капель (тридцать четыре штуки), прилёг и заснул.

Лёлишна поцеловала его в лоб, вышла на балкон и расплакалась, хотя у неё и был мужественный характер.

«Бедный дедушка, — подумала она. — Он ведь тоже сирота. У меня папы и мамы нет, и у него мамы и папы нет. Одни мы с ним остались».

Но долго переживать у неё не было возможности: некогда — забот много. Вряд ли кто из нас поймёт это, разве что некоторые девочки. А кто поймёт, тому и растолковывать не нужно.

Достаточно лишь сказать: Лёлишна была главой семьи. А быть главой семьи хотя бы из двух человек — дело трудное и неблагоприятное.

И главная его трудность заключается в том, что состоит оно из мелких мелочей.

Казалось бы, чего проще — сходить на рынок и в магазины, приготовить обед, прибрать квартиру?

А ну попробуйте.

И вы увидите самое неприятное, увидите, что время проходит. Да, да, пройдёт несколько часов, а что, собственно, вы успели сделать? Мелкие мелочи. Даже и похвастаться нечем.

Все до того привыкли считать работы по домашнему хозяйству не стоящими внимания, что и не обращают на них внимания. Но...

НО...

едят!

Причём каждый день,
причём не один раз
и чтоб ВКУСНО было!

Поели, «спасибо» сказали.

А кто посуду мыть будет?

А кто пол мыть будет?

Бельё стирать?

Гладить бельё кто будет?

Лёлишна всё делала сама. Если дедушка и брался помогать, то лучше бы и не помогал; путал он всё, забывал, всё у него из рук валилось: старенький был дедушка.

На днях он сжёл на сковородке трёх рыб, которых внучка поручила ему зажарить.

— Ах, тебя ни о чём нельзя попросить! — воскликнула

Лёлишна, а дедушка стал уверять, что обожает полусогоревшую рыбу.

И в доказательство даже съел одну штуку.

А после этого ему стало плохо.

И Лёлишна весь вечер просидела у его кровати.

Старый да малый — это очень трудно, но выручала дружба. Дедушка и внучка были верными друзьями.

И если вам часто не хватает времени, то у Лёлишны свободного времени почти не было. Она никому не жаловалась, никто и не замечал, как ей живётся.

Но, повторяю, характер у девочки был мужественный. Не будь у неё такого характера, я бы и писать о ней не стал.

Петька-Пара

Это что такое? Все участники парада стоят на ногах, а этот...

Лежит!

И спит...

Разрешите представить вам Петьку-Пару, чемпиона по плевкам, известного двоечника.

Спать он может до двух часов дня (если его разбудят, а если нет — то до трёх или четырёх часов).

Будит его бабушка.

На эту операцию ей требуется часа полтора, а то и два.

Да ещё с половиной.

Сначала бабушка снимает с внука одеяло и выдёргивает из-под его головы подушку.

Тогда он суёт себе под голову кулак, а другой рукой накрывает плечо.

И спит.

Затем бабушка вытаскивает из-под него матрац.

Петька остаётся на голой раскладушке.

И спит.

Бабушка выливает на него стакан холодной воды.

Петька недовольно хрюкает, плюётся, но не просыпается.

Тогда бабушка опрокидывает раскладушку.

Петька стукается об пол и продолжает спать.

Примерно через полчаса он встаёт на четвереньки: холодно лежать на полу!

И Петька ползёт, не открывая глаз. Ползёт он к ковру. Но хитрая бабушка ставит на его пути стул.

Петька стук об него лбом и поворачивает в сторону. И опять натывается на стул.

Стукнувшись о стул раз восемь, Петька садится и начинает протирать глаза.

А бабушка уже наготове — стоит с миской в руках.

А в миске — каша.

И ещё не проснувшись, внук широко раскрывает рот, а бабушка складывает туда кашу.

Петька глотает.

Съев кашу, он просит:

— Чай!

Бабушка мчится за чаем.

Насытившись, Петька сначала открывает один глаз, а через несколько минут — второй.

Но если вы думаете, что он уже проснулся, то ошибаетесь.

Бабушка берёт его под мышки и держит так до тех пор, пока внук не перестанет покачиваться.

Она отпускает его и говорит:

— Вот мы и проснулись.

Бывало, что Петька засыпал среди бела дня. Это кончалось тем, что замок в дверях приходилось взламывать. Мог он уснуть в трамвае, в кинотеатре, в ванне, на уличной скамейке, а уж как крепко спал он на уроках, и говорить не надо! Замечательно спал.

Ещё любил Петька плевать. Это было его любимое занятие. Он мечтал научиться плевать так метко, чтобы с высоты пятого этажа попадать в копеечку.

В каждом классе Петька сидел два года; и все к этому так привыкли, что если бы он вдруг перешёл в следующий класс как положено, то все бы очень удивились.

Когда его отца вызывали в школу и жаловались на сына, отец говорил:

— Ничего, гражданка учительница, образумится парень со временем. Вот пойдёт в армию, там из него человека сделают. Любо-дорого на парня посмотреть будет.

— А до армии? — спрашивала учительница.

— Живёт ведь. А что? — невозмутимо спрашивал

отец. — Не ворует, людей не убивает. Правда, соображает он плоховато. Так ведь не всем же академиками быть. Дворники тоже нужны.

Но Петька ни дворником, ни академиком быть не соби-
рался. Любил он:

поесть
поспать
и
п е т ь.
по л ва

Больше Петьку ничто в жизни особенно не интересовало.

Виктор Мокроусов

Вот он в четвёртый класс не перешёл, а, точнее сказать, перебежал, так как учился он очень хорошо.

Живёт он в том же доме, что Лёлишна и Петька, в первом подъезде, на третьем этаже.

Когда Виктор во дворе, все могут быть спокойны. Он, если потребуется, наподдаст любому хулигану, защитит малыша или девочку; синяк под глаз получит, но не убежит от опасности. И вовсе не потому, что он сильнее всех или длиннее. Наоборот — Виктор самого среднего роста, и мускулы у него самые обыкновенные.

Сильным его делает смелость.

А откуда он, по-вашему, взял эту смелость?

На дороге нашёл?

Или взаймы у кого-нибудь выпросил?

Или на ножичек выменял?

Или папа у него космонавт?

Или Герой Советского Союза?

Нет, нет, нет и нет.

Папа у него бухгалтер, тихий человек. Про таких говорят: мухи не обидит.

А смелость на дороге не валяется.

Никто её взаймы дать не может.

И на ножичек не сменяет.

До второго класса Виктор был трусоват.

Вот гулял он однажды в городском парке, вдруг слышит ребячьи голоса:

— Головешка идёт! Головешка идёт!

Оглянулся Виктор, а к нему подбегает этакий чумазый тип и говорит:

— Давай деньги! Ну!

— Какие деньги? — заикаясь от страха, спросил Виктор.

— Твои. А ну — давай! — И этакий чумазый тип стукнул его по лбу.

Виктор бежать.

Прибежал он домой весь в слезах, рассказал о том, что сейчас с ним случилось.

— Ну и дурак, — сказал отец. — Выходит, что зря мы тебе такое имя дали. Придётся его сменить. Виктор — значит победитель. Звать тебя Победитель, а ты никого победить не можешь. Какой-то головешки испугался.

— Он меня по лбу! Кулако-о-о-ом!

— Будет так! — рассердился отец. — Или ты становишься победителем, или мы меняем тебе имя!

Задумался Виктор. К имени своему он привык — хорошее имя, красивое.

Виктор — победитель.

Чтобы оправдать такое имя, надо быть смелым.

Но как — стать смелым?

Надо тренироваться, учиться быть смелым.

А как???????????????

А вот так: не бояться — и всё!

И Виктор пошёл в городской парк.

И сразу увидел

Головешку —

этого чумазого типа.

Как и следовало ожидать, тип подскочил, скомандовал:

— А ну давай деньги!

— Денег у меня нет, а если бы и были, то ничего бы ты не получил.

— Зато ты получишь! — крикнул Головешка и стукнул его уже не по лбу, а — в лоб.

Виктор — реветь и наутёк.

Добежал он до выхода из парка и остановился. Что же такое получилось? Опять победителя победили?

По щекам его текли слёзы, но он двинулся обратно.

Головешка, увидев Виктора, захохотал.

Однако долго хохотать ему не пришлось.

Виктор закрыл от страха глаза и махнул рукой.
И попал Головешке по плечу.
Тот дал сдачи.
Виктор — реветь и стукнул его по лбу.
Народ собрался.
Девчонки визжат, попискивают. Мальчишки советы дают.
Вдруг — милицейский свисток.

в ую.

Все

р ып

ас с н

Быстрее всех умчался Головешка.
Один Виктор остался.
Подходит милиционер Горшков, спрашивает:
— Что тут имело место?
— Победитель побеждал, — с плачем ответил Виктор.
— Какой это победитель?
— Я-а-а-а-а-а-а... — на весь парк заревел Виктор.
— Какой же ты победитель? — удивился милиционер Горшков. — Во-первых, ревьешь. Во-вторых, нос у тебя расквашен, под глазом синяк и щека расцарапана. Полюбуйся-ка! — Он достал из кармана маленькое зеркальце и протянул мальчику.

— Ого-го-го! — воскликнул Виктор, увидев свою физиономию точно такой, какой её описал милиционер. — Цветная фотография получилась. Меня Виктором зовут, — объяснил он, — а это значит победитель. Так какой же я победитель, если я трус? Вот я и решил смелым стать, чтобы не трусить. Раньше я от Головешки бегал, а сегодня он убежал.

— От Головешки? — спросил Горшков. — Знаю такого. Ну ладно, ты не убежал. Зато ревел.

— Ну и что? Просто рот забыл закрыть.

— А как сейчас самочувствие?

— Ничего, только пить хочу.

И милиционер угостил Виктора газированной водой с вишнёвым сиропом, а на прощанье сказал:

— Во-первых, когда побеждать будешь, рот закрывай. Во-вторых, когда подрастёшь, приходи в милицию работать. Нам смелые люди очень нужны.

Домой мальчишка шёл гордый и весёлый. Сегодня он

действительно был победителем, хотя и забыл при победе закрыть рот, хотя нос у него был расквашен, под глазом красовался синяк, а щека была расцарапана.

Сегодня Виктор действительно победил свою трусость.

Только не надо думать, что дальше у него всё шло гладко. Нет, как и всякое плохое качество, трусость уничтожить было трудно. Она просыпалась в минуты опасности почти каждый раз.

И каждый раз с ней надо было бороться.

И каждый раз Виктор её побеждал.

Укротитель львов Эдуард Иванович

Он тоже самый смелый человек. Ведь если самая обыкновенная кошка, какая-нибудь там Муська или Дуська, исцарапать может, то львы, сами представляете, на что способны. Хлоп лапой — и, как говорится, каюк в белых тапочках!

Конечно, на широком кожаном поясе Эдуарда Ивановича висели пистолеты, но патроны в них были не настоящие — холостые, потому что стрелять в цирке нельзя: можно случайно попасть в зрителей.

Правда, на всякий случай были ещё шланги, чтобы поливать зверей холоднющей водой, если они взбунтуются.

Были у Эдуарда Ивановича и помощники. Во время представления они стояли наготове с длинными железными палками в руках.

Но стояли они за клеткой.

Так что единственным оружием дрессировщика был бич, которым он щёлкал — как стрелял.

— Почему львы вас слушаются? — часто спрашивали Эдуарда Ивановича зрители.

— А потому что я нахал и обманщик, — смеясь, отвечал укротитель. — Я нахально обманываю, доказывая, что я будто бы их сильнее. Как только они догадаются, что я их слабее, так они меня — ам!

Вам, конечно, интересно узнать, как Эдуард Иванович стал укротителем?

Цирк он любил с детства и, когда подрос, пошёл туда работать. Был он и рабочим, и кассиром, и контролёром,

а потом стал ассистентом жонглёра, то есть его помощником. Хищники ему нравились, но он и думать боялся о том, чтобы войти в клетку к зверям.

Однажды во время представления укротителю львов стало плохо. Он был пожилым человеком и неожиданно почувствовал, что сердце у него вот-вот разорвётся. Он шагнул к выходу и упал.

Упал он лицом вниз. А хищникам нельзя показывать спину. Они обязательно бросятся на неё.

Ещё никто не успел сообразить, что же произошло, как Эдуард Иванович, стоявший у выхода на арену, открыл дверь в коридор из железных прутьев (по этому коридору львов из клеток выпускают на манеж).

Он выбежал на арену, подхватил дрессировщика под мышки и вытащил в безопасное место.

А львы словно обезумели —
заметались,

ПОДНЯЛИ страшный РЕВ.

В цирке началась паника.

Можно было бы подождать, когда публика выйдет, и загнать зверей в клетки потоками холоднющей воды из шлангов. Но делать этого не хотелось. В цирке есть закон — доводить любой номер до конца.

И Эдуард Иванович во второй раз вышел на арену — к метавшимся львам.

Он взял бич, щёлкнул им — как выстрелил.

У него было такое весёлое, такое бесстрашное лицо, что зрители сразу успокоились, подумали, что будто так и надо было.

А Эдуард Иванович щёлкал бичом, наступал на львов, загонял их в коридор из железных прутьев.

И улыбался.

Когда последний лев был изгнан с арены и закрыт в клетку, молодой жонглёр стал раскланиваться перед довольной публикой как ни в чём не бывало. Как будто всю жизнь он только то и делал, что укрощал львов.

Старый дрессировщик обнял его, расцеловал и проговорил:

— Я больше работать с ними не могу. Они уже не будут меня слушаться. Бери моих львов.

Так Эдуард Иванович стал укротителем.

Интересная и опасная была у него профессия. Но ка-

кие бы с ним не приключались беды и несчастья, он не унывал.

Как-то ему пришлось проводить репетицию ночью. В цирке никого не было, кроме нескольких рабочих и уборщиц.

И ВДРУГ ПОГАС СВЕТ.

Наступила полная темнота.

Укротитель, стоя посередине арены, не только не видел, он и не слышал сразу притаившихся львов и львиц.

А они его и видели и слышали.

Что делать?

Он щёлкнул бичом.

Осторожно попятился.

вспыхнул

И тут свет!

В трёх шагах от себя Эдуард Иванович увидел двух львиц, приготовившихся к прыжку.

— Ай-я-яй! — сказал им дрессировщик. — Как вам не стыдно? А я-то думал, что вы меня любите. А вы решили меня слопать? По местам!

И он продолжал репетицию.

Злая девчонка Сусанна Кольчикова

Я бы с удовольствием не написал о ней ни строчки, если бы она не участвовала в представлении.

Ей десять лет. Всего десять лет!

Но за свою небольшую жизнь она ухитрилась сделать людям столько неприятностей, сколько другим не сделать и за двести лет.

Можно сказать, что она только тем и занималась, что злилась и со злости творила всякого рода безобразия.

Ростом она маленькая, худенькая, вёрткая.

Пулей вылетит из подъезда.

Стукнет кого-нибудь по затылку.

И обратно

пулей

в подъезд,

домой!

А дома её встречают одна мама, один папа и две бабушки. Они до того обожают свою ненаглядненькую Су-

санночку, что считают её самым замечательным ребёнком на всём земном шаре! Они и не подозревали, какие она творит злодеяния.

Однажды Сусанна проколола гвоздём футбольный мяч, ткнула в покрышку и — пши-и-ии...

Двадцать мальчишек — сорок ног — бежали за ней.

И её — две ноги — не поймали!

Кстати, это она научила

Петьку-Пару плевать.

Сказала ему,

что если целый день плевать на одно место,

то к вечеру на этом месте

вырастет белый гриб.

Петька плевал,

плевал,

плевал,

п л е в а л,

п - л - е - в - а - л...

Никакого белого гриба,

даже мухомора,

конечно, не выросло,

а плевать — понравилось.

Привык.

Даже Виктор Мокроусов Сусанны побаивался. А что делать?

Бежит мальчишка, она ему подножку — раз!

Он — плюх на землю, искры из глаз, голова гудит.

Он вскочит — и на Сусанну с кулаками.

Она — реветь и звать на помощь.

Люди видят — стоит девочка, плачет в четыре ручья (по два из каждого глаза), а её хотят бить.

И все — ей на помощь.

Вот она какая.

Сусанна

Кольчи-

кова.

ПРОДОЛЖАЕМ ПАРАД УЧАСТНИКОВ НАШЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ!

*Человек, которому никто не верит,
фокусник Григорий Васильевич*

Вот как мы с ним познакомились. Был я в командировке, ждал поезда на маленькой железнодорожной станции.

Наступила ночь. До поезда оставалось часа два.

Смотрю: на скамейке под фонарём сидит человек и...

У меня от удивления, как говорится, глаза на лоб полезли, а от страха волосы на голове зашевелились.

Ведь человек этот поднимал с земли гальки, подбрасывал их в воздух, и они

п
а
д
а
л
и
е
м
у
в
р
о
т

Я начал считать гальки. Одна... десять... тридцать...

Человек поднял гальку величиной с кулак, подбросил в воздух и — проглотил!

Заметив меня, он сказал:

— Присаживайтесь.

А я подумал: «Вдруг он возьмёт меня, подбросит в воздух и проглотит?!»

— Садитесь, садитесь, — снова предложил мне этот странный человек. — Отдыхайте.

Я присел, а он продолжал глотать гальки.

— Что вы делаете? — в ужасе спросил я.

— Закурить есть? — спросил этот странный человек.

— Некурящий.

Тогда он сунул руку в карман моего пиджака и достал оттуда сначала портсигар, затем спички, закурил, поблагодарил и положил спички с портсигаром мне в карман.

Я сунул туда руку — пусто.

Тогда он на моих глазах проглотил горящую папиросу, достал из уха новую, проглотил её и достал новую — из моего ботинка.

— Хватит! — весело сказал этот странный человек, видимо почувствовав, что я собираюсь бежать. — Просто я фокусник. Вот от нечего делать тренировался. Понравилось?

— Нет, — ответил я, — испугался.

Человек опустил руки, и из обоих рукавов на землю высыпались гальки, в том числе и та, величиной с кулак.

Посмеялись мы и разговорились.

Родители моего нового знакомого — Григория Васильевича — хотели, чтобы он рос не как другие дети. Его не отпускали одного играть на улицу, в школу и обратно домой его сопровождала мама. Ребёнок рос избалованным, капризным. Родители мечтали, чтобы он прожил жизнь уютно, беззаботно.

Но однажды Гришу привели в цирк.

Видел он и ловких гимнастов, и сильных борцов, и смелых дрессировщиков, и весёлых клоунов, и красивых наездниц...

И здесь же, на представлении, он решил во что бы то ни стало стать фокусником — человеком, которому никто не верит.

И стал им.

И выпала ему жизни не уютная, не беззаботная, а суматошная, беспокойная, даже тревожная.

Но важно выбрать работу по душе. Это самое главное. Лучше быть хорошим дворником, чем плохим академиком.

Да и профессия фокусника не такая уж лёгкая, как может показаться на первый взгляд.

Фокуснику никто не верит.

Никто! Ни один человек!

Зрители пожалеют оступившегося гимнаста, поскользнувшуюся наездницу, простят глупые шутки клоуну, но когда выходит на манеж фокусник, все зрители мысленно желают ему неудачи. Кое-кто считает его просто обманщиком. Ведь зрители смотрят во все глаза и сердятся, потому что не могут заметить, откуда в бумажном кульке оказывается вода или как куриное яйцо мгновенно превращается в живого петуха.

...Когда в ваш город приедет цирк шапито, приходите на представление и не жалеите ладоней — хлопайте артистам, этим неутомимым, сильным, ловким и смелым труженикам!

*Гроза жуликов и хулиганов
милиционер Горшков и его подопечный,
не поддающийся воспитанию Головешка*

Жизнь у Головешки была в высшей степени скучная. Он даже читать не любил. Да чего там — читать! Он даже в футбол не играл.

А Горшков ему одно твердил:

— Думай. Включай свою мозговую систему на полную мощность.

Нет уж, если жизнь не удалась, никакая тут система не поможет, сколько её ни включай! Вот раньше, когда с жуликами дружил, жить было интересно. Воровать Головешке (а так его прозвали за то, что он был черноволосый и всегда чумазый), скажем прямо, понравилось. Конфеты ел, в кино каждый день ходил, мороженое по нескольку штук за один раз сглатывал, по целой бутылке фруктовой выпивал и целой булкой закусывал.

И очень, помнится, удивился, когда его забрали в милицию.

Испугался.

Ничего не понял: ведь до этого он не задумывался над тем, что берёт чужие деньги, что совершает преступление, что будь он не маленьким, то за свои делишки угодил бы прямо в тюрьму.

Головешка выслушал Горшкова с величайшим вниманием. Раскаianie его было настолько очевидным, что разговор в милиции занял не более полчаса.

Однако на другой день милиционер явился к нему домой и долго разговаривал с матерью, Ксенией Андреевной, выпрашивал её о жизни.

Мать, конечно, расплакалась: сын растёт непутёвым, без присмотра ведь. А она — больная, вот уж несколько лет не встаёт с постели. И если бы не соседка тётя Нюра, то и как бы жили — неизвестно. Лечить-то лечат, а вылечить не могут.

Головешка был благодарен Горшкову, что тот не рассказал о карманных кражах. А то бы мать совсем расстроилась.

Потом милиционер побывал в школе и через месяц примерно добился, чтобы мальчишку перевели в интернат.

Но Головешка опять связался с жуликами.

Горшков опять его поймал.

На этот раз разговор в милиции был куда строже. Тут мальчишка впервые услышал слова «неподдающийся» и «колония».

И на этот раз Горшков рассказал Ксении Андреевне не всё.

— Только в интернате не говорите! — взмолился Головешка. — Я тогда оттуда убегу!

— Ты не пугай, — строго сказал Горшков. — Условия не ставь. Мы тебе условия ставить будем.

— Вы уж его больно-то не ругайте, — попросила Ксения Андреевна, — он у меня переживательный очень.

— Он у вас несознательный очень, — поправил Горшков. — Зря вы его жалеете.

— Да как же мне его не жалеть? Ведь он у меня один. Он одна моя надежда на старость.

— «Надежда, надежда»... — проворчал милиционер. — Если его сейчас же в руки не взять, не приструнить, он вам такую старость организует, что наплачетесь.

И не стало Головешке покоя.

Горшков от него не отставал, всё хотел чем-нибудь увлечь. Хоть бы футболом! На стадион его бесплатно проводил.

Ничего не получалось.

Ничем не интересовался Головешка.

Ничем!

Ох и злился Горшков! И на себя, и на мальчишку. Зачем он только связался с ним?

У самого-то жизнь — хуже не придумаешь. Мечтал он работать в уголовном розыске, чтобы бороться с настоящими преступниками, а его держали, как он выражался, на мелкой рыбе.

И только изредка товарищ майор из уголовного розыска брал Горшкова с собой на опасные задания.

Роста Горшков был двухметрового.

— Потому тебя и не берут в розыск, — шутили товарищи, — что твою фигуру за восемь с половиной километров видно.

Зато уж жуликов Горшков не приводил в милицию, а, можно сказать,

приносил за шиворот.

Иной раз по две штуки в каждой руке.

НА ЭТОМ ПАРАД УЧАСТНИКОВ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ.

НАЧИНАЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ!

ПЕРЕВОРАЧИВАЙТЕ СТРАНИЦЫ,

ЧИТАЙТЕ, ПОКА НЕ НАДОЕСТ!

НАЧИНАЕМ НАШУ ПРОГРАММУ

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Открывает первое отделение

Петька-Пара

Он сидел на балконе и плевал. И вдруг увидел на соседнем балконе Лёлишну, закричал радостно:

— Эй ты, сирота, съела кошку без хвоста! — Он мяукнул, потом гавкнул, потом крикнул петухом. — Лёлька, Лёлька, пирбемолька! Кошка, мошка, драндулет! Мыло, сало и паркет!

— Не дразнись, пожалуйста, — попросила Лёлишна.

— А мне делать нечего, — признался Петька.

— Иди поспи, — посоветовала Лёлишна.

Петька вернулся в комнату, прилёг на диван. Уснул. Бабушка, уходя на рынок, забыла взять ключ.

Придя домой, она все руки отбила о дверь.

Соседи выходили на помощь — тоже стучали.

— Петю будят, — сказала Лёлишна дедушке, когда они вышли во двор посидеть на скамеечке.

— Бедный ребёнок, — сказал дедушка, — они сломают дверь, а ему попадёт.

Выходил дедушка на улицу редко, так как ему было тяжело подниматься обратно на пятый этаж.

Несколько раз Лёлишна обращалась в домоуправление с просьбой поменять квартиру. Но грозный домоуправляющий товарищ Сурков говорил одно и то же:

— Разберёмся.

Пока он разбирался, дедушка не имел возможности гулять каждый день. Вот об этом они с Лёлишной и разговаривали, когда к ним подошёл высокий дяденька, в голубом пиджаке, с огромным чемоданом, и спросил:

— Где здесь тридцать восьмая квартира?

— Она во втором подъезде на пятом этаже, — ответила Лёлишна, — но вам в неё не попасть. Петя уснул.

— Если Петя уснёт, — объяснил дедушка, — его и пушкой не разбудить. У него феноменальный сон.

— А что мне делать? — спросил дяденька, присев на свой огромный чемодан. — Если я феноменально устал, а отдыхать мне негде?

— А вы кто такой? — спросил дедушка.

— Я дрессировщик, — раздалось в ответ, — укротитель львов. Работаю в цирке шапито.

Дедушка с Лёлишной испуганно встали, словно перед ними был не укротитель, а лев.

— Зовут меня, — дяденька тоже встал, — Эдуард Иванович. Жить мне в вашем городе месяца три. На это время дирекция сняла мне комнату. Тридцать восьмая квартира в этом вот доме. Я только что с поезда. Устал, а тут...

Лёлишна сказала:

— Ни разу в жизни не разговаривала с живым дрессировщиком.

— Я тоже, — сказал дедушка и обиженно спросил: — А почему вам, Эдуард Иванович, обязательно жить у этого феноменального засони?

— У нас две комнаты, — сказала Лёлишна, — и одну мы спокойно можем отдать вам.

— С большим удовольствием, — добавил дедушка, — если, конечно, львов с собой приводить не будете.

— Не стану, — весело пообещал Эдуард Иванович. — Согласен поселиться у вас. Но вот вопрос: какие у вас характеры?

— У неё хороший, — кивнув на внучку, ответил дедушка. — А у меня так себе, средний.

— Терпимо, — укротитель опять улыбнулся. — Домой я прихожу довольно поздно, но зато в цирк вы сможете ходить бесплатно и хоть каждый день. Вас устраивает?

Это очень устраивало Лёлишну с дедушкой!

Эх, если бы знал Петька, кого он проспал!

*Второй номер нашей программы
исполняет злая девчонка
Сусанна Кольчикова*

Она появилась во дворе нарядно одетой: в голубом, с белым воротничком, платьице, на макушке огромный голубой бант. Самые страшные свои злодеяния Сусанна совершала именно нарядно одетой. Ведь тогда она выглядела паинькой, скромницей и люди забывали, какая она на самом деле.

Едва она вышла из подъезда, как все малыши бросились

Р П
в а с ую.
с ы н

А бабушки, сидевшие с вязаньем в руках, стали настойчиво следить за каждым её шагом.

Но она — маленькая, худенькая, нарядная — не человек, а кукла из магазина «Детский мир», — гуляла, скромно опустив глазки.

И бабушки успокоились.

И малыши вернулись на свои места.

А Сусанна зорко посматривала по сторонам, выбирая жертву для своего очередного злодеяния.

Интересной жертвы не было.

И она (то есть Сусанна) начала злиться.

Стала покусывать губки.

Сжала кулачки.

И опустила ножку на песочный домик.

Малыш — строитель домика — заревел.

На личике злой девчонки появилась улыбочка.

Бабушка забеспокоилась.

Малыши заволновались.

Но Сусанна снова скромно опустила глазки, разжала кулачки, перестала покусывать губки и вновь превратилась в куклу из магазина «Детский мир».

Из подъезда вышла Лёлишна.

— Опять Петя уснул, — озабоченно сказала она. — Бабушка на лестнице плачет, а он спит.

— Как замечательно! — радостно прошептала Сусанна. — Так ему и надо! Так ему и надо! Так им всем и надо!

— Ты что? — удивилась Лёлишна. — У них несчастье, а ты...

— А громко бабуся ревет? — перебила Сусанна. — Обожаю, когда бабушки плачут! Пойду посмотрю! Очень интересно!

И злая девчонка вбежала в подъезд.

Но бабушки она не увидела: бабушка уже сидела у соседей и уже не плакала, а пила чай.

Разозлившись, Сусанна постучала в Петькину квартиру.

И — что бы вы подумали? Петька сразу проснулся. Вернее, не проснулся от стука, а просто выпался.

Он открыл дверь и спросил, зевая:

— Чего надо?

— А ты что делаешь, Петенька? — спросила Сусанна.

— Да вот квартиру караулю, — зевая, ответил Петька. — Дрессировщика какого-то поджидаю. То ли собак, то ли куриц он дрессирует, не знаю. Мы ему комнату сдаём. В цирк бесплатно хоть каждый день ходить придётся. Тебе-то что тут надо?

— Замечательно! Замечательно! — Сусанна даже подпрыгнула. — Что я придумала! Что я придумала!

И, так как она была в нарядном платье, с бантом на макушке, Петька и забыл, какая она на самом деле.

— Заходи давай, — предложил он, — а то я один-то опять усну.

— Что я придумала! — перепрыгнув порог, воскликнула Сусанна. — Ах, Петюнчик ты миленький! Петюшечка ты замечательная! Золотце!

— Ты не обзывайся, а говори.

— Петюлечка ты дорогая! Почему все считают тебя засоней? Только и слышишь: «Пара-засоня!», «Засоня-Пара!»

— Да ну? — Петька сделал вид, что очень удивился. — Я им... — Он погрозил кулаком.

И зевнул.

— Правильно, Петюнчик! Правильно, Петюнчик! — сказала Сусанна ласково. — Ты им должен доказать, что они врут. Раз они считают тебя засоней, ты сиди и дверь не открывай. Сиди и молчи. Молчи и сиди. А потом, когда все заревут, открой дверь и скажи: «А я и не спал. Но раз вы считаете меня будто бы засоней...»

— Попадёт, — испуганно протянул Петька.

— А я здесь буду. С тобой. Скажу, что всё это я устроила.

— Всё равно попадёт. Мне больше, тебе меньше.

— Зато ты всех проучишь! Не будут тебя больше засоней дразнить! Уважать тебя будут, Петюлечка бесценная!

— Подумать надо...

И тут

раздался

СТУК в дверь.

— Не открывай, не открывай, не открывай! — шептала Сусанна, цепко держа Петьку за руку.

В дверь колотилось кулаков шесть — не меньше.

— Попадёт, попадёт, попадёт! — шептал Петька.

— Не открывай, не открывай, не открывай...

— Попадёт, попадёт, попадёт...

Вдруг — тишина.

Тишина — вдруг.

— Ломать будут, — вскрикнув, сказал Петька. Он и в спокойной-то обстановке всегда туго соображал, а сейчас вообще понять не мог, что происходит. — Ломать будут! — жалобно повторил он. — Попадёт...

— Иди, — Сусанна подтолкнула его к дверям, — скажи им...

Он, хныкая, направился в коридор, остановился у дверей и заревел во весь голос.

Но было уже поздно.

Замок взломали.

Дверь открылась.

— Засоня! — сказал отец и дал ему подзатыльник.

— Жизни моей больше нет! — сказала бабушка.

— Это не я! — с рёвом ответил Петька. — Не мне по затылку надо, а Сусанне! Она меня за руку держала! Дверь не давала открывать! Можете проверить! Можете у неё спросить! Тут она! Сама обо всём расскажет! Вобла несчастная! Селёдка недожаренная!

Обыскали всю квартиру.

Даже на балкон выглянули.

Злой девчонки нигде не было.

Ни-где!

Ис-па-ри-лась!

У-ле-ту-чи-лась!

Пришлось Петьке отвечать одному. И за то, что засоня, и за то, что соврал насчёт Сусанны.

Но он не плакал.

Он думал о том, куда могла деться злая девчонка.

А попало ему здорово. Так попало, что я даже не буду описывать — как.

Сами догадайтесь.

Но, повторяю, он не плакал.

Он думал о мести.

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПРЫЖОК!
Только в нашей программе!
НЕВЕРОЯТНЫЙ ПРЫЖОК!

Куда же исчезла Сусанна?

И как?

А вот как.

Вышла она на балкон.

Пятый этаж.

Никуда не спрячешься.

Любой человек на её месте растерялся бы.

Но Сусанна не растерялась. Она перелезла через перила.

О чём, интересно, думала она в этот момент?

А думала она о том, как попадёт Петьке-Паре. Причём ему попадёт ещё больше, если она исчезнет из его квартиры. Ведь он обязательно скажет, что всё это придумала она, а её нету!

Пятый этаж.

Правда, расстояние между балконами небольшое, но какой надо быть злой, чтобы...

Сусанна —

пРЫГНУЛА!

Хихикая, перелезла она через перила соседнего балкона, одёрнула платице, как бы вновь превращаясь в куклу из магазина «Детский мир».

И шагнула в комнату.

Лёлишнин дедушка пил молоко.

Увидев девчонку, он выронил из рук стакан.

Сусанна бросилась к выходу, но споткнулась и упала.

Раздался стук — это её голова ударилась об пол.

Вииииииииииииииииииииизг раздался.

Если бы я был злым человеком, то хохотал бы сейчас во всё горло.

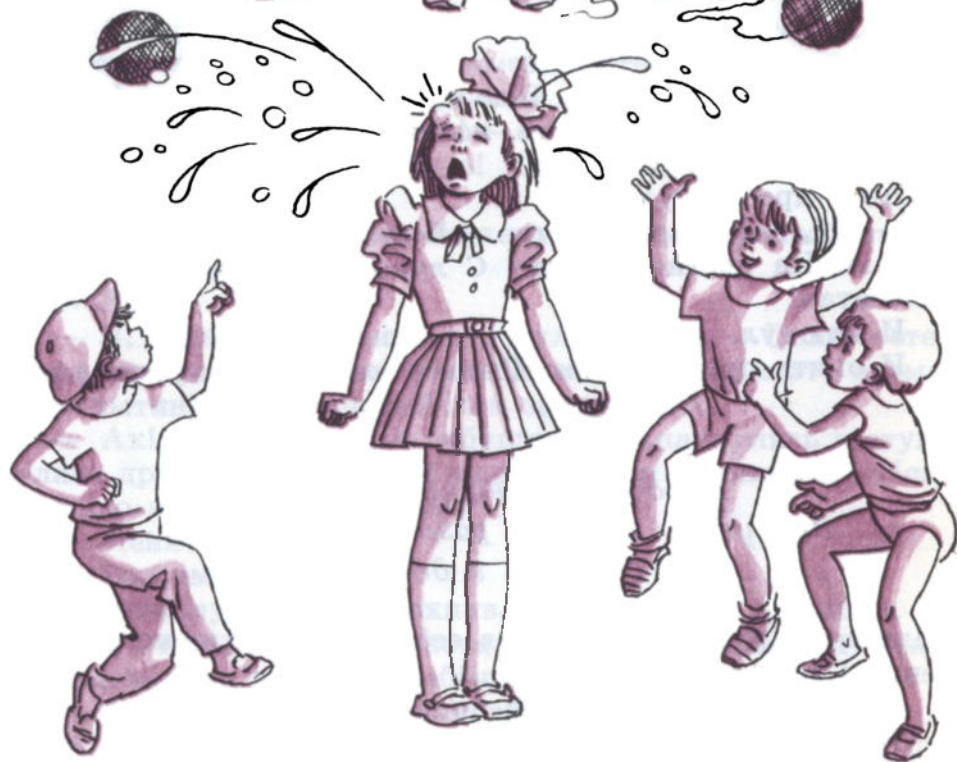
А если бы я был совсем злым человеком, то написал бы, что она завизжала как поросёнок.

Но я пожалел Сусанну: так здорово она грохнулась.

А ещё больше мне жаль дедушку. Ведь он очень испугался.

Сусанна тоже испугалась и на четвереньках уползла в коридор.

А дедушка долго-долго не мог прийти в себя.

Он сидел, пил молоко и повторял:

— Это безобразие.

Вдруг раздался резкий звонок.

Дедушка открыл дверь и увидел двух бабушек.

— Это безобразие, — сказали они, — надо принимать меры.

— Правильно, — согласился дедушка, — это феноменальное безобразие. Прощу вас в комнату.

Но бабушки даже порога не перешагнули, сказали:

— Надо её наказать, обязательно надо наказать. Обязательно и феноменально.

— Правильно, — опять согласился дедушка, — надо её наказать. Феноменально и обязательно.

Тут бабушки переглянулись между собой и одновременно спросили:

— А кого наказать?

— Её, — ответил дедушка.

— Кого — её?

— Я забыл, как её зовут, — виновато признался дедушка.

— Ха! Ха! Ха! — сказали бабушки. — Он забыл, как зовут его внучку. Смешно в высшей степени!

— Я не забыл, как зовут мою внучку, но...

— Её, её надо наказать! — перебили бабушки. — Она изуродовала нашего ребёнка! Сделала ему шишку! На лбу! В самом центре!

— Неправда. Шишку вашему ребёнку сделал, видимо, я.

— Вы?!

— Я, — дедушка виновато улыбнулся. — Понимаете, я пил молоко, кипячёное конечно, и ноги мои в это время были вытянуты, а ваш ребёнок запнулся и...

— Ах! — воскликнули бабушки и пошатнулись и стукнулись друг о друга. — Вас надо отвести в милицию. Нет, вас надо положить в тюрьму!

— Меня?

— Вот именно — вас!

— Пожалуйста, — вздохнув, согласился дедушка. — Если вы считаете, что я виноват, пожалуйста. Но я думаю, что виноват не я, а ваш ребёнок.

— Он не может быть виноват!

— Он виноват, — тихо, но упрямо возразил дедуш-

ка. — Из-за него, то есть из-за неё, я испугался и пролил стакан кипячёного молока.

— А чего это он испугался? — спросили друг друга бабушки.

— А как она попала в нашу квартиру? — спросил дедушка.

— Как она попала в его квартиру? — спросили бабушки насмешливо. — Ха! Ха! Ха! Уж не хочет ли он сказать, что она прилетела в окно? Ха! Ха! Ха!

— Да, я хочу сказать, что она вроде бы прилетела. Только не в окно, а на балкон. — И дедушка неуверенно добавил: — Ха. Ха. Ха.

Бабушки сказали:

— Пожилой человек, а врёт.

— Я не вру, — покраснев от обиды, сказал дедушка. — Даю вам честное пенсионерское, что ваш ребёнок вошёл не в дверь, а откуда-то появился на балконе.

— Всё ясно, — покачав головами, озабоченно произнесли бабушки, — его надо отправить не в тюрьму, а посадить в больницу.

Больницы и врачей дедушка боялся больше всего на свете. Поэтому он испуганно захлопнул дверь и убежал в комнату.

В это время проснулся Эдуард Иванович.

— Я спал, как Петька из тридцать восьмой квартиры, — сказал он. — Что тут происходило? Сквозь сон я слышал стук, визг, звонок и разговоры. Что случилось?

— Случилось безобразие, — ответил дедушка, — я попал в историю.

— Пустяки, — успокоил его дрессировщик. — Вся жизнь состоит из того, что попадаешь в истории. Главное, чтоб вас не съели. Всё остальное — пустяки. Ну, я на вокзал. Приходит поезд с животными. Как-то они перенесли дорогу? Гастроли начинаются через три дня. Надеюсь, что вы с внучкой будете частыми гостями в нашем цирке.

И дедушка сразу повеселел. Он очень любил цирк. Он даже забыл спросить: а кто же и за что же может его, дедушку, съесть?

Весь вечер на ковре Петька-Пара!

Петька караулил Сусанну.

А она лежала дома на кровати, а вокруг бегали
две бабушки,

одна мама,

один папа.

Они часто налетали друг на друга; спотыкались, хватались руками за голову и сердце, потому что не знали, как спасти любимого ребёнка.

Ведь любимый ребёнок заявил:

— Если не будете меня слушаться, я умру. Или купите мне тигрёнка. Живого. Полосатого. С хвостом. Такого, какой на афише нарисован.

— Солнышко моё! — воскликнула одна мама. — Мы бы тебе целого тигра купили, но их не продают.

— Не продают, — подтвердил один папа.

— Не продают, — подтвердили две бабушки.

— Меня это не интересует! — крикнул любимый ребёнок и закрыл глаза.

И простонал.

— Доктора! Доктора! Доктора! — закричали две бабушки.

— Врача, — прошептала одна мама.

— Доктора! — приказал один папа.

— Тигрёнка! — громче всех крикнул любимый ребёнок.

И снова забегали, засуетились, заспотыкались, заналетали друг на друга
две бабушки,

одна мама,

один папа.

Всё это Петька слышал. И захотелось ему на это посмотреть. Он влез на водосточную трубу, откуда до открытого окна было рукой подать.

«Тигра захотела! — подумал он. — Сама ты тигра бесхвостая! Я тебе покажу тигра! Вобла ты в крапинках!»

Хотел Петька слезть на землю, но не смог оторвать от трубы ни ног, ни рук.

Прилип.

Труба-то была недавно покрашена — он это заметил ещё тогда, когда лез.

А сейчас вот прилип.

Да накрепко.

Подошла Лёлишна, спросила:

— Что делаешь?

— Ничего, — ответил Петька, — просто так.

— Слезай. Труба выкрашена.

— Зачем это я слезать буду, если мне здесь нравится?

— Вымажешься.

— Ну и что? Чего ты ко мне пристала?

Подошёл Виктор, спросил:

— Пара, ты чего тут делаешь?

— Ничего, — ответил Петька, — просто так.

— По-моему, он прилип, — сказала Лёлишна, — но не сознаётся.

— Пара, ты прилип? — спросил Виктор.

— И чего вы ко мне пристали? — возмутился Петька. — Нельзя человеку спокойно на трубе посидеть.

— Ты, пожалуйста, сиди, — сказала Лёлишна, — сиди сколько тебе угодно. Но мне кажется, что ты прилип.

— Да, прилип, — гордо отозвался Петька, — а какое ваше дело? Что, нельзя человеку и прилипнуть?

— Можно, — насмешливо согласился Виктор. — А как отлипнуть будешь?

— Не знаю, — сказал Петька, — просто понятия не имею. Больно отлипнуть-то. Как начну руку тянуть... о-ой-ой!

— По-моему, надо ждать, — задумчиво произнесла Лёлишна. — Он вроде бы как яблоко, а труба — это вроде как дерево. Вот и надо ждать, когда он оторвётся.

— Под силой собственной тяжести? — с трудом сдерживая смех, спросил Виктор.

— Как яблоко, — ответила Лёлишна.

— Я бы лучше вроде как арбуз был, — грустно сказал Петька, — или тыква. Лежал бы под силой собственной тяжести, а не висел. О-ё-ё-ёй!

— ЧТО ТУТ ПРОИСХОДИТ? — раздался грозный голос, и ребята увидели в окне Сусанниного лапу. — ЧТО ТЕБЕ ЗДЕСЬ НАДО?

— Ничего, — ответил Петька.

— ТОГДА УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!

— «Убирайся, убирайся»... — пробормотал Петька. — А как? Вы что, не видите? Я прилип.

— МЕНЯ ЭТО НЕ ИНТЕРЕСУЕТ! — закричал Сусан-

нин папа. — ЕСЛИ ТЫ СЕЙЧАС ЖЕ НЕ УБЕРЕШЬСЯ, Я СБРОШУ ТЕБЯ!

— Нет, вы посмотрите на него, — сказал Петька ребятам. — Ему досталось от любимой доченьки, так он на мне злость срыгает. А доченька у него тигра просит.

— НЕ ТИГРА, А ТИГРЁНКА! — снова криком ответил Сусаннин папа. — УИДЕШЬ ТЫ ИЛИ НЕТ?

А Петька устал. Но стоило ему расслабить руки, как кожу с ладоней начинало тянуть — больно очень.

— Разрешите ему, пожалуйста, повисеть здесь ещё немножко, — попросила Лёлишна Сусанниного папу. — Он бы с удовольствием слез, но прилип.

— Так тебе и надо! Так тебе и надо! — Это уже дразнилась Сусанна, показавшаяся в окне. — Пара-тара! Пара-фара!

Не успел Петька подумать, как — плюнул.

И хотя он промахнулся, злая девчонка заревела так, что Петька испугался и разжал руки.

Руки-то оторвались от трубы, и он

п
о
л
е
т
е
л
г
о
л
о
в
о
й
в
н
и
з.

Тогда отлипли и ноги.

Петька грохнулся на асфальт.

— ОТВЕЧАТЬ БУДЕШЬ! — гремел голос Сусанниного папы. — НЕГОДЯЙ! ХУЛИГАН! БАНДИТ!

Но если вы думаете, что Петька, грохнувшись на асфальт, заревел, то ошибаетесь.

Он вскочил на ноги и крикнул:

— Наплачетесь вы ещё с вашей доченькой! Она у вас скоро бегемота запросит! Или крокодила рогатого!

Что тут началось... Сусанна визжала. Папа её кричал. Бабушки возмущённо рыдали.

А мама, упав на колени, воскликнула:

— Будет у нас тигрёнок, только замолчите!

*Следующий номер нашей программы
несколько задерживается
по вине автора*

Прошу извинить меня за непредвиденную задержку. Должен вам объяснить, чем она вызвана.

Мне надо потолковать с вами на одну важную тему.

И очень сложную.

И по секрету.

Если кто-нибудь из вас думает, что писатели сидят и сочиняют всё, что им придёт в голову, то ошибается.

Вот с этого и начинается наш с вами секретный разговор. Учтите, что ни в одной книге, которые я написал для взрослых, я об этом даже не упоминал.

Только вам расскажу.

Кое-кто из взрослых думает, что нет ничего на свете легче, чем написать книгу.

Не верьте.

Конечно, я имею в виду не всех взрослых. Есть среди них и такие, которые понимают, что написать книгу — ох не так просто!

А я люблю писать для вас. Вы-то верите, что, какие бы события ни происходили в книге, — не писатель их выдумал. Они были на самом деле.

Ведь самое смешное, самое скучное, самое занимательное, самое страшное, самое светлое, самое злое, самое храброе, самое трусливое, самое тёмное, самое разноцветное выдумывает не писатель, а жизнь.

И сколько бы писатель ни выдумывал, никогда ему и не придумать больше того, что бывает в жизни.

Вот, например, всегда ли слушаются герои автора?

Как бы не так!

Они, то есть герои произведений, частенько совершают поступки, которых от них автор и не ожидал.

Почему?

А вот слушайте.

Когда Петька прилип к трубе, я рассердился на него.

Тем более я вовсе не хотел, чтобы Сусанна прыгала с балкона на балкон.

Но всё это случилось — и что мне делать?

Выхожу я из дому, сижу разговариваю с ребятами про разные разности.

А сам о том думаю: почему меня мои герои не слушаются и что мне с ними в таком случае делать?

Жалуюсь на них ребятам.

А ребята смеются.

И мне становится смешно.

Всё объясняется просто. Феноменально просто, как сказал бы Лёлишнин дедушка.

Оказалось, что и Петька к трубе прилипал, и Сусанна с балкона на балкон прыгала, только я об этом не знал.

Но — догадался.

Считаешь, что придумал, а оно обязательно было.

*А теперь, уважаемые читатели,
продолжаем нашу программу!*

Эдуард Иванович вышел из дому и увидел вымазанного краской Петьку.

— Кто вас выкрасил, молодой человек? — удивлённо спросил укротитель.

— Он сам, — ответила Лёлишна, — к трубе прилипал.

— Я прилип, я и отлип, — пробормотал Петька. — Но попадёт мне здорово. Второй раз за один день.

— Это бывает, — весело сказал Эдуард Иванович. — Мне в детстве иногда по шесть раз за один день попадало, а когда вырос, стало раз по восемь за один день попадать. Главное, чтоб вас не съели. Честное укротительское. Остальное — пустяки. Лёля, я вернусь часов в десять.

Он скрылся за углом дома.

Петька крикнул:

— Ура! Совсем забыл! У нас ведь дрессировщик жить будет. То ли кошек он дрессирует, то ли петухов, не знаю. И чего-то он долго не приходит. Спит, наверно. А это что за дядька? Откуда?

— Это и есть дрессировщик, — сказала Лёлишна, — и не кошек и не петухов, а львов. И жить он у вас не будет. Он уже у нас с дедушкой живёт.

— Не пугай ты меня! — взмолился Петька. — Самое

моё честное слово: у нас он должен жить. Папка с мамкой в деревню уезжают, а комнату одну решили цирку сдать. Да чтоб дрессировщик и меня подрессировал немного.

— Он к вам и приходил, — объяснила Лёлишна. — А ты спал. И разбудить тебя не было никакой возможности. Мы и позвали его к себе.

Петька плюнул и сказал:

— За это мне тоже попадёт! Ещё как!

— Пойдём-ка отмываться, — предложила Лёлишна. — Придёшь домой чистенький, никто тебя ругать не будет.

— Ругать всё равно будут, — мрачно проговорил Петька. — Я один раз весь день ничегошеньки не делал нарочно, просто целый день на стуле просидел, почти не двигался. И всё равно попало. Вот жизнь!

— Да, — согласилась Лёлишна, — нам тяжело.

— А тебе-то что? — удивился Петька. — Ты сама себе хозяйка. Мне бы так!

— Зато у меня есть дедушка, — грустно произнесла Лёлишна и даже вздохнула. — Ну, идём. Будем тебя отмывать керосином.

— А за дрессировщика мне попадёт... — Петька плюнул. — Так попадёт, что... здорово попадёт, не беспокойся. А может, сменяемся? Ты мне дрессировщика отдашь, а я тебе что-нибудь интересное достану. А?

— Не говори глупостей, — сказала Лёлишна. — И не жалуйся. Иногда тебе попадает очень по заслугам.

Они поднялись по лестнице.

Дедушка открыл им дверь и сразу сообщил:

— Меня собираются положить в тюрьму или посадить в больницу. Дорогая Лёлечка, лучше тюрьма, чем больница.

— Будет так, как ты захочешь, — сказала Лёлишна.

И дедушка тут же успокоился.

— Давай отмывай меня, — заторопил Петька, — а то мне попадёт. И всю-то жизнь мне попадает! — с горечью вырвалось у него. — Вы даже представить себе не можете, что у меня за жизнь! Не жизнь, а сплошные попадания. Я уж сбежать хотел. Только не знаю, куда бежать. Ведь в школу придёшь — ругают, домой придёшь — ругают, спать ложишься — ругают, во сне спишь — знаю! — ругают, проснёшься — то же самое.

— Мне тоже часто попадает, — сказал дедушка, — только мне попадает в вежливой форме, а тебе, видимо, в грубой.

— Во всех формах, — Петька махнул рукой.

— А что мне тогда говорить? — грустно спросила Лёлишна. — Меня вот никто не ругает. К сожалению, некому. Учтите вы, жалобщики, — она попыталась улыбнуться, — тем, кого ругают, конечно, плохо. Но ещё хуже тем, кто вынужден ругать.

Дедушка воскликнул:

— Ты сказала истину!

— И я могу сказать истину, — пробормотал Петька. — Я сто истин могу сказать, и за каждую истину мне попадёт. Сусанна вот. Хуже она меня? В тысячу раз, если не больше. А живёт она как? Тигра запросила. И получит, будьте уверены! Вот у кого жизнь!

Петька говорил и говорил, а Лёлишна оттирала ему руки.

Краска смывалась медленно.

— А что со штанами делать? — спросил он.

— Можно в химчистку отдать или порошком «Новость» попробовать.

— Это будет новость! — обрадовался Петька и стал сам оттирать краску.

А Лёлишна поставила на газовую плиту таз с водой и ушла искать стиральный порошок.

Пятым номером нашей программы —

Виктор Мокроусов ловит тигрёнка

В город приехал цирк.

Ещё задолго до его приезда на рекламных щитах уже красовались яркие афиши.

Виктор каждый день любовался ими, особенно самой яркой.

А на самой яркой афише был нарисован наш знакомый — Эдуард Иванович.

А рядом с ним — лев.

А пасть у льва оскалена.

А пасть — огромная.

Вот Виктору и хотелось крикнуть:

«С ГРУППОЙ ДРЕССИРОВАННЫХ ЛЬВОВ! С ГРУППОЙ ДРЕССИРОВАННЫХ ЛЬВОВ!»

Рядом — иллюзионист ГРИГОРИЙ РАКИТИН. (Иллюзионист — значит фокусник. Это тот самый человек, которому никто не верит.)

Воздушные гимнасты,
наездники,

жонглёры, акробаты-прыгуны, музыкальные эксцентрики — глаза разбегаются!

Так бы и стоял и смотрел бы хоть целый день!

Цирк приехал шапито!

Цирк приехал шапито!

И кричал бы на весь город:

Красота!

Красота! Красотушечка!

Шапито! Шапито! Шапитушечка!

А ещё интереснее взглянуть на сам цирк, пусть он и не работает пока.

Виктор туда — бегом.

Денег на трамвай у него не было, ездить зайцем он не привык, вот и топал пешком да бежал бегом.

Весело ему было.

До того весело, что он трамвай обогнал.

Потом его трамвай обогнал.

Красота! Красота! Красотушечка!

Шапито! Шапито! Шапитушечка!

(Здесь я должен обязательно сказать, что всё-таки хорошо быть незрелым. Например, мальчишка может бежать по улице, и никто не удивится — беги себе на здоровье, только людей с ног не сбивай. А вот если я побегу по улице, да ещё по центральной... может быть, меня и не остановят, но все будут смотреть на меня и думать: что это с ним случилось! А милиционеры будут подозрительно косить глазами в мою сторону...)

А Виктор бежал да подпрыгивал.

Подпрыгивал да бежал.

Пока не увидел брезентовый купол.

Виктор — ещё быстрее и — остановился.

Навстречу ему бежал

тигрёнок.

ЖИВОЙ!

ПОЛОСАТЫЙ!

С ХВОСТОМ!

Бежал он спокойно, как собачонка. И по асфальту за ним тянулся поводок — как у собачонки.

Видимо, поэтому никто и не обращал на него особого внимания.

Только девчонки испуганно повизгивали.

Да кошки шипели, выгнув спины.

Тигрёнок бежал, не поднимая мордашки. Хвост его висел почти касаясь асфальта.

Виктор остановился и ждал, когда зверёныш подбежит, а сам думал: «Что делать? Что должен делать смелый человек, увидев дикого зверя на улице? Поймать!»

И он схватил поводок.

А тигрёнок нисколько не удивился.

Он сел — ну, честное слово, как собачонка.

Даже облизывался.

Мальчик держал поводок и не знал, что делать дальше.

Так они и стояли.

Вернее, Виктор стоял, а тигрёнок сидел.

И все прохожие им улыбались. Они-то думали, что Виктор или сын дрессировщика, или сын директора зоопарка!

А ведь он не был сыном дрессировщика!

Он не был сыном директора зоопарка!

Первый раз в жизни он держал на поводке тигрёнка!

ЖИВОГО!

ПОЛОСАТОГО!

С ХВОСТОМ!

А вокруг уже собирались любопытные, уже спрашивали:

— Чей зверь?

— Почему без намордника?

— Это тигр или что?

— Игрушечный он, может?

Тигрёнок забеспокоился, оскалил зубы и порывился.

Виктор потянул тигрёнка за поводок в сторону цирка.

Зверёныш потянул мальчика в обратную сторону.

И — побежали.

Надо сказать, что, скорее, не мальчик вёл тигрёнка, а тигрёнок — мальчика.

Так они и бежали.

Встречные уступали им дорогу: кто — испуганно, кто — весело, кто — недовольно (смотря у кого какой характер).

Собаки поджимали хвосты и с визгом убегали.

Кошки шипели, выгнув спины и замерев на месте.

Девчонки, пискнув, прятались за киоски и мусорные тумбы.

Тигрёнок никого не боялся.

Ничего не боялся.

Даже автомобилей.

И никому не уступал дорогу.

А Виктор боялся, как бы он не вырвался, и крепко сжимал поводок.

Ещё больше он боялся, что их могут задержать. Ведь ясно, что зверёныш откуда-то сбежал и его сейчас ищут.

И расставаться с ним жалко.

Тигрёнок рвался и рвался вперёд, словно знал адрес Виктора и торопился к нему в гости поесть чего-нибудь вкусенького.

*Следующим номером нашей программы —
летающие штаны
и дrrrrrrrrрака*

Петькины штаны Лёлишна выстирала быстро.

— Сушить надо, — сказал он, — на ветру быстрее высохнут.

Он вышел на балкон и стал ими размахивать.

Размахивал и приговаривал:

— Сохните, миленькие, сохните! Сохните, сохните, пока не высохните!

Взглянул вниз и увидел тигрёнка.

Раскрыл рот.

Разжал пальцы.

И штаны начали

п
л
а
н
и
р
о
в
а
н
и
е
с
п
я
т
о
г
о
э
т
а
ж
а
.
.
.

— Караул! — закричал Петька и бросился за ними, но не по воздуху, а по

лест
ни
це.

Когда он выскочил из подъезда, то увидел,
что штаны его
лежат на асфальте.

А на штанах лежит тигрёнок. И рычит.

— Чья зверюга? — спросил Петька, протянул руку и отпрыгнул: тигрёнок чуть его не цапнул.

— Ты поосторожнее, — сказал Виктор, — он настоящий.

— А мне-то что? Штаны тоже настоящие. Чего он на мои штаны лёг? Тяни его с них!

— Не хочет. Пробовал я. Рычит.

— Кис, кис, кис! — позвал Петька. — Иди, иди. Мяу, мяу!

— Ты его не дразни, — посоветовал Виктор, — он ведь зверь, хотя и маленький. И что мне с ним делать?

Из подъезда вышла Лёлишна, и Виктор рассказал ей, как поймал тигрёнка, как они прибежали сюда.

— Глупые вы, глупые, — смеясь, сказала Лёлишна, — так ведь он из цирка. Придёт Эдуард Иванович и заберёт его.

— «Придёт, придёт»... — проворчал Петька. — «Заберёт, заберёт»... А как я домой без этих штук вернусь?

Откуда ни возьмись, появилась Сусанна и закричала:

— Ой, какой малюсенький! Какой полосатенький! Дай я тебя поцелую, лапочка!

Тигрёнок

бросился

от неё

наутёк!

Он даже хвост поджал — вот вам и Сусанна!

— Звери и то её боятся, — сказал Петька, забирая штаны. — Её в зоопарк бы месяца на четыре!

— Лёлишна, за мной! — скомандовал Виктор, и они бросились следом за злой девчонкой.

А она, повизгивая, мчалась за тигрёнком.

Он убегал от неё большими прыжками.

— Эй, ты! — крикнул Виктор. — Имей совесть! Не пугай его!

Но злая девчонка летела, почти не касаясь земли ногами. Визжала и кричала.

Они уже далеко убежали от дома. Картофельное поле кончилось, впереди было шоссе, за ним — сосновый бор.

И Виктор подумал: если Сусанну не остановить, она загонит тигрёнка в лес, и там его уже не поймать.

Мальчик сделал отчаянный рывок.

Подножка...

И Сусанна полетела вверх тормашками.

Один раз перевернулась в воздухе.

И восемь раз на земле.

Вииииииииизг раздался такой, что будь я злым чело-

веком, то написал бы: будто шесть поросят пяточками на гвоздь наткнулись.

Пока Сусанна перевёртывалась, Виктор пробежал мимо и вместе со зверёнышем промчался дальше. Они знали, что им несдобровать. Через плечо Виктор увидел, что Сусанна вся перепачкана землёй, платице порвано, волосы расчёпаны, а лицо — берегись!

— Берегись! — крикнул Виктор тигрёнку.

И тот прошмыгнул перед колёсами автомашины, которая неслась по шоссе.

Прошмыгнул и оказался на той стороне дороги.

Автомобили летели в одну сторону

югургд в и

Перебежать шоссе не было никакой возможности.

Виктор обернулся и приготовился встретить Сусанну. Конечно, он её не боялся, но как драться с девчонкой? Какой бы она ни была, всё равно — девчонка. А их бить нельзя, даже таких, как эта. А ещё надо учесть, что Сусанна прекрасно умела кусаться и царапаться.

Едва она подскочила, оскалила зубки, намереваясь его цапнуть, Виктор вывернул ей руки за спину и сказал:

— Спокойно, моя дорогая.

И получил пинок пяткой в коленку.

Он чуть не вскрикнул, но рук не разжал.

Сусанна пиналась так, что только ноги мелькали.

Виктор увёртывался, отскакивал — рук не разжимал.

Сусанна визжала,

кричала,

пищала,

орала и

пиналась.

Подбежала Лёлишна.

— Спасай тигрёнка! — задыхаясь, сказал Виктор. — А я этого зверя держать буду.

Лёлишна каким-то чудом проскочила между несущимися на полной скорости автомашинами и исчезла в лесу.

— Перестань, радость моя, перестань, — уговаривал Виктор, а Сусанна продолжала визжать,

кричать,

пищать,

орать и

пинаться.

Откуда только силы у неё брались?

От злости.

— Да перестань ты! — Виктор дёрнул её за руки. — Плохо тебе будет! В канаву столкну и камнем придавлю!

— Попробуй! Попробуй! — проверещала Сусанна. — Вот вырвусь, я тебе нос откушу и глаза повыцарапы-пы-ва-ва-ю!

— Вот что... сейчас я отпускаю тебя... но если ты попробуешь...

— Попробую, попробую, попробую, попробую!

Увёртываться от её пинков было всё труднее: Виктор просто устал.

Следующим номером нашей программы

ПЕРВАЯ В МИРЕ ДЕВОЧКА —

УКРОТИТЕЛЬНИЦА ТИГРЕНКА!

Лёлишна нашла тигрёнка быстро, потому что он блуждал по лесу и скулил жалобно — как щенок, которого не пускают в дом.

Но, заметив Лёлишну, он бросился улепётывать со всех лап: принял её за Сусанну.

— Не бойся, я — это не она! — крикнула девочка, и он сразу остановился.

Сидел он запыхавшийся, усталый, жалкий даже, но, когда она подбежала, зарычал.

— Ну что ты, полосатенький? — ласково удивилась Лёлишна. — Я тебя к Эдуарду Ивановичу отведу. Накормим тебя, сахару дадим и ещё чего-нибудь вкусненького.

Но тигрёнок опять прорычал, словно хотел сказать:

«Знаю я вас, девчонок. Наобещаете сахару, а на самом деле заставите бегать высунув язык. Знаю, знаю я вашего брата. Вернее, вашу сестру».

— Не будешь же ты здесь сидеть до утра? — спросила Лёлишна. — Голодный ведь ты. Усталый. Идём.

Тигрёнок лёг, положив мордашку на передние лапы. Дышал он тяжело и временами закрывал глаза.

Тогда девочка набралась смелости и погладила его.

Глаза зверёныша сразу стали весёлыми, он стукнул хвостом себя по бокам, прорычал, но уже не сердито — словно сказал:

«Ладно уж, поверю тебе. Но в последний раз. Если обманешь — съем!»

Лёлишна почесала ему за ушами, и тут тигрёнок совсем подобрел, лизнул ей руку твёрдым, шершавым языком.

Девочка тихонько запела:

Спи, тигрёнок мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Скоро глянет месяц ясный
В мордочку твою,
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою.
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю...

Тигрёнок будто понял песенку: закрыл глаза. Чёрные влажные ноздри его вздрагивали.

Вдруг он вскочил и зарычал.

Лёлишна испуганно обернулась.

К ним подбежал Виктор. Колени его были в синяках.

— Нашла?! — радостно воскликнул он. — А я от этой зверюги еле-еле освободился. Испинала меня всего. Чуть-чуть не искусала. Пришлось бы мне уколы ставить... Что с тигром делать будем?

— Домой поведём, — ответила Лёлишна. — Я с ним почти договорилась. Идём, полосатенький!

Тигрёнок выпрямил передние лапы, потянулся, сладко зевнул и двинулся вперёд.

За поводок его держала Лёлишна.

*Следующий номер нашей программы
опять задерживается,
и опять по вине автора*

Торопясь как можно скорее начать представление, я забыл включить в состав участников парада и тигрёнка, и ещё одно живое существо.

С тигрёнком (зовут его Чип) вы уже познакомились, а теперь знакомьтесь с живым существом по имени Хлоп-Хлоп. Это мартышка. Но так как Хлоп-Хлоп хоть и мартышка, но он, а не она, буду называть его мартышем.

Ну и хитрый же он! Сотворит что-нибудь не очень хорошее, заберётся куда-нибудь наверх, откуда его не достать, сидит там и сам себе аплодирует — в ладоши хлопает.

Один раз украл в оркестре флейту, забрался под купол цирка и давай дудеть изо всех сил. Подудит-подудит, флейту под мышку — и сам себе аплодирует.

Проказник он просто невозможный. Львы Эдуарда Ивановича его даже побаиваются.

Никто не умеет их так злить, как хитрый мартыш.

Насобирает он камешков, сядет напротив клеток и давай самому старшему льву, Цезарю, в морду их бросать.

Цезарь лапой ему грозит, рычит на весь цирк, а Хлоп-Хлоп камешки бросает, ехидно попискивает и сам себе аплодирует: очень доволен!

Каждый камешек попадает точно в цель — прямо в нос льву.

Ему не столько больно, сколько обидно.

А раз старший лев рычит и беснуется, то вслед за ним начинают рычать и бесноваться все львы и львицы.

За ними — все звери в цирке.

Даже ослы ревут.

Пронзительно кричат попугаи.

Трубит слон.

Лошади тревожно ржут.

И кто бы мог подумать, что этот несусветный переполох происходит по вине маленького мартыша?

А он сидит себе как ни в чём не бывало.

Цезарь с товарищами клетки готовы разнести: обидно!

Хорошо, если поблизости оказывался Эдуард Иванович. Он-то знал, чьих лап это дело, и быстро успокаивал своих львов и львиц, а вслед за ними успокаивались постепенно все звери и птицы.

Но если Эдуарда Ивановича поблизости не оказывалось, то случалось, что за виновника переполоха принимали бедного льва, и тогда ему доставалось.

Хлоп-Хлоп с невинным видом сидел в сторонке, восторженно попискивал и сам себе аплодировал.

Зато когда он не проказничает, чудо что за мартыш! Добрый, ласковый, понятливый. Заберётся на плечо к хозяину и гладит его седые волосы.

Но потом вдруг спрыгнет с плеча на стол и давай в Эдуарда Ивановича книгами бросать.

Хлоп-Хлоп думает, что это очень весёлая игра, и искренне обижается, когда хозяин его отшлёпает.

Когда же обижают самого мартыша, то слезам его нет конца. Плачет он так долго, что становится мокрым — будто погулял под проливным дождём.

И чем больше его утешают, тем дольше и громче он плачет.

Если другие плачут, Хлоп-Хлоп хохочет.

Вот он какой несознательный!

Когда обнаружили исчезновение Чипа, все в цирке всполошились.

Шутка сказать: зверь сбежал в город. Правда, тигрёнок — это ещё ребёнок. Но ребёнок особенный.

Позвонили в милицию.

Несколько рабочих и артистов разбежались в разные стороны — искать Чипа.

Для Эдуарда Ивановича не было загадкой то, как мог исчезнуть Чип. Уже не в первый раз Хлоп-Хлоп выпускал на свободу своего маленького друга. Но раньше каждый раз тигрёнка удавалось поймать ещё в цирке.

Эдуард Иванович разыскал Хлоп-Хлопа.

Мартыш забрался к нему на плечо и что-то нежно пропищал.

— Негодный тип, — сказал Эдуард Иванович, — зачем ты отвязал Чипа? А ещё другом называешься!

Хлоп-Хлоп опять что-то пропищал и погладил хозяина по седым волосам.

— Ты ещё и подлиза? — гневно спросил тот. — Подвёл меня и ласкаешься?

Мартыш заморгал хитрыми глазами, пожал плечиками и почесал затылок: дескать, ума не приложу, за что это меня ругают?

— Будешь отвечать!

Хлоп-Хлоп спрыгнул на стол, вытаращил глаза, вытянулся, как бравый солдат по стойке «смирно», и приложил лапу к уху.

Эдуард Иванович рассмеялся: он весёлый человек, а весёлые люди долго не сердятся.

— Хитрюга ты, — сказал он. — Если бы ты родился не мартышем, а человеком, то обязательно бы стал жуликом.

Хлоп-Хлоп обрадованно закивал, попискивая, и на всякий случай сам себе похлопал в ладоши.

А в кабинете директора раздавались телефонные звонки: это сообщали о том, что пока тигрёнок не обнаружен.

Лучше всего было бы провести тигрёнка прямо в дом и ждать Эдуарда Ивановича.

Но как пройти мимо Сусанны?

Или сразу в цирк?

Но не хотелось идти со зверёнышем по улицам.

— Я на разведку, — сказал Виктор, — а вы ждите меня.

Ещё издали он увидел злую девчонку и остановился. Зная её характер, Виктор сразу догадался, что она сидит на подоконнике не просто так, как люди сидят, а что-нибудь задумала.

Даже издали можно было разглядеть, что Сусанна скалит зубки.

«Будь что будет!» — решил мальчик и двинулся к дому.

Чем ближе он подходил, тем медленнее переставлялись ноги.

— Папочка в милицию звонил! Папочка в милицию звонил! — увидев Виктора, закричала Сусанна. — На машиночке за тобой приедут! За решёткой, миленький, посидишь, за решёткой! Пятнадцать суточек! Пятнадцать суточек! — Она хихикнула. — А Лёлишна-пирбемолишна где? А тигрёночек полосатенький, лапонька моя миленькая, где? Мне его купят, хвостатенького! Где он?

— Они в цирк ушли, — соврал Виктор. — А в милицию я поеду с удовольствием. И за решёткой с удовольствием посижу. Только бы тебя, дорогая, не видеть. А кроме того, и про тебя в милиции кое-что рассказать можно.

— А что про меня рассказывать? А что про меня рассказывать? Мамочка говорит, что я пострадавшая. А бабусеньки говорят, что по тебе тюрьма плачет. Потому что ты — уголовный элемент.

— Сама ты элемент.

— А вот и нет! А вот и нет! Я единственный ребёнок! У меня музыкальные способности! У нас пианинка есть, а у вас нет! Мне тигрёночка купят, а тебе нет! Мне...

— Надоело тебя слушать, — оборвал Виктор, так и не решив, что же ему делать. — Шла бы ты спать, что ли. И тебе приятно, и людям спокойнее. Иди, иди. Бай-бай.

— Никуда я не пойду! — крикнула Сусанна. — Хочу посмотреть, как тебя в милиционерскую машиночку посадят! Как тебя на пятнадцать суточек за решётку увезут!

Так папуленька сказал! Ой, дождик идёт! — Она вытянула руку ладошкой вверх. — Каплет-капает! Каплет-капает!

— Это не дождик идёт, а Пара плюётся, — со смехом объяснил Виктор. — Петька, Петька, пуще, дам тебе гущи, хлеба каравай, на Сусанну ты плевай!

От злости шишка на Сусаннином лбу стала ещё разноцветнее.

Потом — побелела.

Виктор едва успел отскочить: злая девчонка запустила в него цветочным горшком.

И Виктор, как вратарь, принял его на грудь.

За вторым горшком пришлось делать бросок и падать.

— Уймись ты! — вскакивая, крикнул Виктор.

— Горшком её! — сверху крикнул Петька. — Горшком по черепу!

— Не уймусь! Не уймусь!

Сусанна обеими руками схватила самый большой горшок, подняла его над головой...

Горшок перевесил...

Она упала, только ноги в окне мелькнули.

Горшок раскололся вдребезги.

Злая девчонка закричала так, словно упала с пятого этажа головой вниз.

Потом закричали:

один папа,
одна мама и
две бабушки.

Да так закричали, словно увидели, что единственный ребёнок вместе со своими музыкальными способностями навернулся с пятого этажа!

А Виктор бросился наутёк: он-то знал, чем всё это может кончиться. Родители единственного ребёнка не будут вам разбирать, кто виноват.

Конечно, не Сусанночка.

Когда Виктор обо всём рассказал Лёлишне, она проговорила:

— Плохи наши дела. Не везёт нам. И чего это Сусанна на нашей дороге встала? Пошли! — твёрдо предложила Лёлишна. — Чего нам бояться? Мы ни в чём не виноваты. Идём!

Тигрёнок зевнул и неохотно двинулся вперёд.

Виктор беспокойно оглядывался, будто на каждом шагу
им грозила опасность.

Лёлишна пела:

Не боимся мы Сусанны,
Не боимся её папы,
Не боимся её мамы,
Не боимся бабушек,
Мамы да и папы!

А около дома — увидели они ещё издали — стояла ми-
лицейская машина.

Представление продолжается!
Выступает иллюзионист Григорий Ракитин!
В номере принимает участие
милиционер Горшков!

Не меньше Эдуарда Ивановича исчезновением Чипа был
обеспокоен Григорий Васильевич. Ведь он готовил новый
фокус, в котором должен был участвовать тигрёнок.

Представляют: в ящик сажают живого петуха,
закрывают ящик крышкой,
приколачивают её гвоздями,
обматывают толстой верёвкой.

Затем ящик на канатике поднимают под самый купол
цирка.

Григорий Васильевич целится в него (в ящик, конечно,
а не в купол) из пушки.

Раздаётся оглушительный выстрел.

И ящик стремительно п

а
д
а
е
т
в
н
и
з
!

Развязывают толстую верёвку, срывают крышку, и из ящика вылезает...

Кто? Петух?

Из ящика вылезает Чип.

А где петух?

А как в ящик попал Чип?

А я не знаю. Если бы знал, то не книжки писал бы, а фокусником работал.

Как делается этот фокус, мы с вами никогда не узнаем. И никто из зрителей не догадается. И конечно, все будут обижаться, что ничего не удалось заметить. И как это петух превратился в тигрёнка, да ещё в заколоченном ящике, да ещё обмотанном толстой верёвкой?

И вот, чтобы такой сложный фокус получился и никто ничего не заметил, надо было работать над ним каждый день по несколько часов.

И вдруг Чип исчез!

Григорий Васильевич подумал-подумал, погоревал-погоревал и — бегом в милицию. Там дежурил милиционер Горшков. Окинув взглядом его фигуру, Григорий Васильевич подумал: «Вот это рост! Метра два, не меньше!»

— Не волнуйтесь, — сказал ему Горшков, — тигрёнок — не котёнок, разыщем. Вот в прошлом году из зоопарка обезьяна убежала, с ней тяжело было справиться. Мы с одним сержантом по крышам часа три за ней прыгали... А кем вы в цирке работаете?

Вместо ответа Григорий Васильевич проглотил чернильницу-непроливашку и достал её из своего кармана.

— Понятно, — задумчиво сказал Горшков. — Ловкость рук и никакого мошенства.

Тогда Григорий Васильевич взял ручку, воткнул её себе в ухо и вытащил из другого уха.

Милиционер поморщился и сказал:

— До Головешки вам далеко.

— Какой головешки?

— Неподдающийся тут у нас один есть, — объяснил Горшков, — воровать мы ему не даём, воспитываем его. Но воровать он умеет. По чужим карманам лазает — ничего, квалифицированно. Маленький он, чернявый и умыться не любит — отсюда и кличка его. Чисто, говоря, работает. Прямо скажем, вам до него далеко. Ни в какое сравнение с ним не годитесь.

— Простите, — оскорбился Григорий Васильевич, — я артист, и сравнивать меня с карманником... странно!

— Обидчивый вы народ, артисты, — укоризненно говорил Горшков. — Чуть что, сразу и обижаться. Головешка — тоже артист. Своего рода. Уж какой я специалист по карманникам, сколько я их видел, а официально заявляю: у этого руки золотые. Как у вас. Но талант свой Головешка людям во вред использует. Потолковали бы вы с ним, гражданин артист-фокусник: может, он в цирке пригодится.

— Нет, нет, странно вы рассуждаете, — пробормотал Григорий Васильевич. — По-вашему получается, что он фокусником может быть, а я карманником?

— Нет. Карманником куда сложнее. Требований тут больше. Тут знания нужны, опыт; надо, чтобы совести не было. А самое главное, — Горшков поднял вверх указательный палец, — быть готовым на любую подлость. А вы вроде бы другого плана человек...

— Сравнение с жуликом — это оскорбление, — перебил словоохотливого милиционера Григорий Васильевич.

— Зато от всего сердца, — в свою очередь обиделся Горшков. — А я вам советую с Головешкой познакомиться. Не пожалеете. Может, и он вас кой-чему научит для фокусов. А вы, может, и направите парня на путь истинный, то есть трудовой путь. Пусть хоть в цирке, да работает.

— Я буду на вас жаловаться! — резко вставая, произнёс Григорий Васильевич. — Вы думаете над тем, что говорите? Что это значит: пусть хоть в цирке, да работает? По-вашему, моя работа — работа артиста цирка — ерунда?

— Что вы! Не совсем, конечно, ерунда, — ответил милиционер. — Но... не то, конечно. Вот вы чернильницу на моих глазах проглотили, ручку с железным пёрышком в ухо себе воткнули, из другого уха вытащили. А зачем? Кому и какая польза от этого? Цирк! — с презрением продолжал Горшков. — Обезьяна на гармошке играет. Что за намёк? Медведи на велосипедах гоняют! Что этим хотят сказать? Клоунов развели — живот заболит на них смотреть, а толку? Польза какая? Или один гражданин возьмёт гражданку за ногу и давай в воздухе крутить! А она ему потом ногами на голову встанет! Это что, детям пример? Да? Зачем это, спрашиваю! К чему? Народ за это

деньги платит. Уж лучше бы в кино сходили. Или в театр. Подросли бы культурно, умнее бы стали.

— Интересно вы рассуждаете, — насмешливо сказал Григорий Васильевич. — Каждый день цирк полон, по воскресеньям три представления. По-вашему, всё это дураки ходят? Один вы умный?

— Не знаю, — милиционер пожал плечами. — Но дело ваше несерьёзное, для забавы. Народ жизнь строит, а вы через голову перекувыркываетесь, ручки в уши втыкаете, чернилки проглатываете.

— Сейчас мне некогда, — сказал Григорий Васильевич. — Приходите в цирк, может быть, кое-что и поймёте.

— Ноги моей у вас не будет! — резко проговорил Горшков. — А с Головешкой я вас познакомлю. Тогда поймёте, что такое ловкость рук настоящая.

— Хватит! Меня волнует сейчас одно: где тигрёнок?

— Не беспокойтесь. Поймаем. Не таких ловили.

И тут из соседнего районного отдела милиции сообщили, что тигрёнок обнаружен.

К этому месту срочно выехала милицейская машина. В кабине рядом с шофёром сидел Григорий Васильевич.

Продолжение девятого номера

Увидев милицейскую машину, Виктор сказал:

— Это за мной. Сусанночка, чтоб у неё косички отсохли, папуленьке на меня пожаловалась, папуленька в милицию сбежал, и вот...

— Глупости, — сказала Лёлишна. — Он, конечно, мог сбежать в милицию, но машина приехала не за тобой.

— А за кем тогда? Не за Сусанной же!

— И не за ней, конечно. Ты с тигрёнком стой здесь, а я схожу туда, — предложила Лёлишна. — Если никакой опасности нет, помашу тебе рукой. И ты приходи.

Она убежала, а Виктор присел на землю рядом с тигрёнком.

Отсюда было видно, как Лёлишна остановилась около машины и её окружили люди. Двое из них были в милицейской форме.

Вот Лёлишна вышла из круга и замахала рукой, что-то крича.

Виктор встал, потянул за поводок, но тигрёнок упёрся лапами в землю и не двигался с места.

— Идём, идём, — звал Виктор, — нас зовут. — А зверёныш упорствовал, даже порывивал.

Виктор потянул поводок обеими руками.

Тогда тигрёнок, оскалив пасть, бросился на мальчика.

Виктор отпрыгнул, но поводка не выпустил.

Тигрёнок прыгнул снова.

Виктор снова отскочил, и тигрёнкины зубы щёлкнули около самой его ноги.

Храбрости у мальчика сразу поубавилось.

И когда тигрёнок прыгнул в третий раз, Виктор чуть-чуть не отпустил поводок.

Чуть-чуть... Однако этого было достаточно, чтобы зверёныш почувствовал, что уступать ему легко не собираются.

«Наверное, он тоже дрессировщик, только маленький. Или сын дрессировщика», — так примерно подумал тигрёнок, и подчинился — вприпрыжку побежал к дому.

Увидев Григория Васильевича, Чип виновато опустил голову и даже скосил глаза в сторону, будто сделал вид, что очень раскаивается в своём не очень хорошем поведении.

Григорий Васильевич так обрадовался, что не сказал ни слова, схватил беглеца на руки, поблагодарил ребят и сел в машину.

Машина уехала.

Виктору с Лёлишной сразу стало грустно. Они посмотрели друг на друга, и Виктор сказал:

— Напугал же он меня! Три раза на меня бросался. Я чуть-чуть не убежал.

— Чуть-чуть не считается, — ответила Лёлишна. — Конечно, хорошо, что он вернулся в цирк, но немножко жалко. Мы бы с ним ещё поиграли.

— А он бы нас поцарапал, да?

— Нет, он хороший. Мы его ещё в цирке посмотрим. Интересно, если он нас увидит, то узнает или нет?

— Вряд ли.

— Ну и пусть, — Лёлишна вздохнула. — А мы его не забудем. Правда?

— Правда, — согласился Виктор.

— А откуда узнали, что тигрёнок у нас? Живём мы на окраине...

— Папуленька на вас жаловался, а заодно и про тигра высказался, — услышали они Петькин голос.

Оказывается, Петька давно стоял поблизости.

— Мне пора кормить дедушку, — сказала Лёлишна, — и Эдуарду Ивановичу что-нибудь на ужин приготовить.

— Что-нибудь! — Петька презрительно хмыкнул. — Он, к твоему сведению, только сырым мясом питается. Точно, точно. Сырое мясо. Каждый день. Иначе звери слушаться не будут. Он и ест вместе с ними, чтобы они видели, с кем имеют дело.

Лёлишна с Виктором рассмеялись.

— Смейтесь, смейтесь! — Петька сплюнул. — А правда моя. Вы ещё хлебнёте горя с этим дрессировщиком. Хорошо, что я его проспал.

— Завидуешь ты просто, — сказал Виктор.

— Завидую? Ей? Одному только я человеку завидую. Сусанне Аркадьевне Кольчиковой. Вот тут у меня слюнки текут. — Петька сплюнул. — Я тоже единственный ребёнок, а разве сравнишь? Мне бы хоть деньков пять прожить так, как она живёт. Ух, я бы!

— А чем у тебя жизнь плоха? — спросила Лёлишна. — Спишь сколько тебе надо...

— А ты знаешь, почему я много сплю? Потому что просыпаться незачем. Вот сейчас вздремнул немного, проснулся — в магазин погнали. Знал бы такое дело, спал бы до утра.

— А давно тебя в магазин послали? — спросила Лёлишна.

— Да с полчаса уже прошло, — ответил Петька, — если не больше. Я ещё когда дверь открывал, то помнил, что в магазин иду. А дверь закрыл — и отшибло память. Только сейчас вот вспомнил. Значит, опять попадёт. По всем правилам. Но ничего! — грозно продолжал он. — Скоро моему горю конец. Ещё несколько лет, получу паспорт, и я — свободный человек. Живи как хочешь. Каждый день в кино раза два. Учёбы никакой. Учительницу на улице встречу, не испугаюсь. «Наше вам!» — скажу и дальше пошёл. Благодать!

— Иди лучше в магазин, — напомнила Лёлишна.

— Теперь уже всё равно. Теперь всё равно попадёт. Одна радость у меня сегодня: Сусанна башку, головку свою с бантиком, расколотила. С окошка упала, вобла несчастная. Зебра в клеточку.

— Иди в магазин, — опять напомнила Лёлишна.

— Не командуй! — огрызнулся Петька. — У меня и без тебя командиров хватает. Вокруг меня одни командиры, один я гвардии рядовой. Ничего, в армию пойду, сам командиром буду. Уж я покомандую! Сусанна у меня медсестрой будет. Я ей покажу, где раки зимуют!

— Иди в магазин! — сказал Виктор.

Петька плюнул и пошёл в магазин.

*В цирке снова переполох,
поэтому очередной номер нашей программы —
десятый по счёту — задерживается*

Чип получил по заслугам. И если бы он умел плакать, то обязательно бы поплакал от обиды. А если бы он мог рассуждать, то рассуждал бы примерно так:

«Ладно, я виноват. Но почему этот хулиган по имени Хлоп-Хлоп сидит как ни в чём не бывало? Ведь это он отвязал меня! Почему же ему дали яблоко, а мне не дали даже поест? Почему со мной никто не разговаривает? Почему никто меня не приласкает?»

В это время Хлоп-Хлоп доел яблоко и огрызком запустил в Чипа.

И попал ему прямо в нос.

Чип яростно зарычал, рванулся к обидчику, но опрокинулся на спину, отброшенный назад натянувшимся поводком.

Мартыш зааплодировал сам себе и восторженно запищал. Если бы он мог рассуждать, то рассуждал бы примерно так:

«Глупый же ты, Чип. Уж так в природе устроено: если она даёт силу и острые клыки, то не даёт — чего? — ума. Вот я по сравнению с тобой слабенький, но зато хитрый и ловкий. Да ещё умный. Кого угодно обману!»

И опять мартыш сам себе захлопал в ладоши. И радостно заверещал.

А тигрёнок зарычал, оскалив пасть.

Хлоп-Хлоп показал ему язык и упрыгал в зрительный зал.

Вокруг манежа стояла решётка, и Эдуард Иванович повторял со своими хищниками программу.

Мартыш поползал по столбам, покачался на тросике и вдруг увидел брезентовый шланг. Его провели сюда на случай, если звери взбунтуются.

Мартыш вдоль шланга выбежал на служебный дворик и оказался у столбика. А на столбике был ящик с открытой дверцей. А в ящике кран. И Хлоп-Хлоп недолго думая начал что было силёнок отвинчивать его.

Шланг на глазах как бы превращался в живую змею. Наполняясь водой, он шевелился и даже немного извивался.

Из мелких дырочек брызнули фонтанчики.

Ой, как весело!

Мартыш, как вы, конечно, догадались, сам себе зааплодировал и восторженно запищал: вот как обрадуются все, увидев это чудо — живой шланг!

И представляете, что началось? Вода ударила из брандспойта вверх, под купол, и дождём полилась на манеж, на львов, на укротителя, на рабочих.

Звери зарычали, заметались.

Эдуард Иванович дважды выстрелил из пистолета.

А Хлоп-Хлоп схватил брандспойт и направил его прямо за решётку — давай гонять львов!

Он радостно повизгивал и водил струей

то вверх,

то налево,

то направо,

то

в

н

и

з.

Ох уж как весело!

Ох до чего здорово!

К нему пытались подойти, чтобы отобрать шланг, а он думал, что с ним играют.

Люди смешно размахивали руками, отбиваясь от струи, закрывали лицо, прыгали по скамейкам.

В суматохе никто не догадался сбегать и завинтить кран.

А Хлоп-Хлоп уже предвкушал удовольствие от того, как все будут его ласкать, угощать сахаром, называть нежными именами. (Например, Хлоп-Хлопик.)

И тут он получил такой пинок, что взлетел в воздух.

Несколько раз перевернулся.

Перелетел через решётку.

И плюхнулся на арену прямо к ногам Эдуарда Ивановича.

От обиды и боли Хлоп-Хлоп ударил себя кулачком в грудь и захныкал.

Эдуард Иванович взял его за загривок и дал ему штук пять шлепков.

Никогда ещё он так больно не бил мартыша.

Тот изумлённо уставился на мокрого с головы до ног хозяина.

Но Эдуард Иванович бросил мартыша на опилки и крикнул:

— Вон с глаз моих!

А лев Цезарь, как говорится, ещё добавил — лапой вышвырнул мартыша обратно, туда, откуда он прилетел, — в зрительный зал.

Мартыш начал догадываться, что в чём-то виноват, но в чём именно, понять не мог.

Сидел и плакал.

И скоро стал таким мокрым, словно не он сам, а его самого поливали из шланга.

Тем временем Эдуард Иванович загнал зверей в клетки, потому что репетировать не было смысла, и ушёл переодеваться.

Рабочие, убравшие решётку, тоже переоделись в сухое и бросали сердитые взгляды в сторону мартыша.

А он, обиженный, мокрый, побитый, решил, что, если ему сегодня не дадут сахару, он убежит из цирка. Да, да, убежит!

Он вам не Чип, не поймаете.

Ему сразу стало весело. Он похлопал сам себе в ладошки и побежал дразнить Чипа.

И увидел Эдуарда Ивановича и с радостным писком бросился к нему.

Но хозяин даже не посмотрел на мартыша, словно они и знакомы не были.

Хлоп-Хлоп возмущённо заверещал, потянул хозяина за брюки, как бы говоря:

«Ты что? Ослеп? Или не узнаёшь меня? Что я такого тебе сделал? Это я на тебя обижаться должен. Дай-ка мне сахару — и будем друзьями дальше. Ладно уж, я тебя прощаю».

— Убирайся! — крикнул Эдуард Иванович. — Марш на место!

И прошёл мимо.

Но это было ещё полбеды.

Он уходил не один. Он вёл на поводке Чипа!

И мартыш схватил тигрёнка за хвост.

Чип взвыл, я бы сказал, не своим голосом.

Хлоп-Хлоп бросился наутёк. Он забрался в комнатку Эдуарда Ивановича, немного поскулил, попробовал всплакнуть и решил лечь спать.

Укладываясь, он подумал о том, как несправедлива жизнь, как ему не везёт, сколько вокруг злых людей...

Почесался и заснул.

Десятый номер нашей программы!

ЕДИНСТВЕННЫЙ

В МИРЕ АТТРАКЦИОН!

Спешите читать!

СУСАННА КОЛЬЧИКОВА

ДРЕССИРУЕТ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

И ИХ РОДИТЕЛЕЙ!

Спешите читать!

У Сусанны было две шишки.

Одна — спереди, на лбу, другая — сзади, на затылке.

И если передняя шишка служила как бы украшением и уже не болела, то вторую, то есть заднюю, не было видно под волосами, но зато она ныла.

А злая девчонка выла.

Чтобы представить себе её вой, соберитесь человек пять и писклявыми голосами тяните:

— И-и-и-и-и...

А когда охрипнете, смените звук:

— У-у-у-у-у-у...

И когда из ваших глоток пойдёт сплошное сипение, это будет примерно такой звук, какой Сусанна выдавливала из себя вот уже третий час.

Мама лежала с холодным компрессом на лбу и стонала.

Бабушки допивали третий флакончик валерьяновых капель.

Папа сидел в ногах единственного ребёнка и просил:

— Перестань, радость моя, перестань...

А Сусанна сменила звук. Он получился таким, что я его с помощью букв даже изобразить не могу. Примерно это А, Ы, Э, издаваемые одновременно, плюс немного писка и чуть-чуть хрипотцы.

— Перестань, радость моя, пере...ста... — папа тоже начал хрипеть.

Всё это, в общем, и не смешно нисколько. Грустно это очень. И я уже тридцать восемь раз пожалел, что решил рассказать вам о Сусанне, её родителях и бабушках. Мне ещё за это попадёт. Найдутся люди, которые обязательно спросят:

— Зачем в книге для детей показывать взрослых в смешном виде?

Да я бы рад всех показывать только в хорошем виде, но это будет неправда да и неверно. Я тогда буду, просто говоря, обманщиком.

Нет, встретятся на вашем пути и хорошие, и смешные, и плохие люди. И я хочу, чтобы вы были готовы ко всем встречам.

Если хотите знать, то, когда я пишу о плохом, мне самому плохо, так плохо, что даже чернила в авторучке вы...сых...ают.

(Вот, перешёл на карандаш.)

Вдруг Сусанна села на кро... (И карандаш сломался от злости. Перехожу на пишущую машинку. Авось она выдержит. Она ведь металлическая.)

Продолжаю.

Вдруг Сусанна села на кровати, прохрипела:

— Умираю... помогите...

Папа вскочил.

Мама вскочила, сбросила с головы холодный компресс, крикнула бабушкам:

— Она умирает!

Конечно, она и не собиралась умирать. И все знали, что она наверняка не умрёт. Не с чего!

Но ещё лучше все знали, что если её не послушаться, то она такое вытворит, что... лучше послушаться.

Вот тут мне придётся остановиться и растолковать вам, что же происходило в семье Кольчиковых.

(Только бы пишущая машинка выдержала! На всякий случай кладу рядом коробку карандашей.)

Я уже говорил, что ничего смешного тут нет. Грустно всё это.

Дело в том, что, едва родившись, Сусанна начала болеть, и это у неё здорово получалось. Болела она, можно сказать, не переставая и по-настоящему. Вот тогда смерть действительно грозила ей несколько раз. За пять лет девочка перенесла одиннадцать болезней. И конечно, её родители и их родители (то есть бабушки) боялись дышать на Сусанну. Стоило ей лишь пальчиком пошевелинуть, как четыре человека бросались к ней и, отталкивая друг друга, спрашивали:

— Что тебе, деточка?

— Что тебе, солнышко?

— Что тебе, кисанька?

— Что тебе, ягодка?

И деточка, солнышко, кисанька, ягодка требовала от родителей и бабушек чего только хотела!

И они её требования выполняли.

И винить их в этом нельзя. К больному человеку, слабому, а тем более к ребёнку, надо было быть очень внимательным.

Но никто не заметил, что Сусанна, став абсолютно здоровой, продолжала вести себя как больная.

Она привыкла, что каждое её слово ловят, что каждое её желание исполняется.

А отвыкнуть не могла.

И не хотела.

Петька не зря ей завидовал. Уж какой бы он ни был, но его хоть в магазин можно было послать.

А Сусанна ни разу сама даже не умывалась.

И если бы я составил список дел, которых она не умела делать, получилась бы толстая книга.

Неудобно писать об этом, но даже в одно заведение

Сусанна ходила только с бабушкой или даже сразу с двумя бабушками. Вот!

А раз родители и бабушки отдали ей столько сил, она и стала казаться им необыкновенным ребёнком.

А когда поверили, что она необыкновенная, то стоило Сусанне, например, чихнуть, как все умилялись:

— Ах!

То есть: даже чихает не как все, а необыкновенно.

И даже когда она набила себе шишки, бабушки заявили, что ни у кого ещё не видели таких необыкновенных шишек.

Стоило Сусанне один-единственный раз пропищать какую-то песенку, и на семейном совете было дружно решено:

— У ребёнка музыкальные способности.

Мама и папа отказались ехать отдыхать, продали кой-какие вещи, заняли денег у друзей и купили пианино.

Ребёнок с музыкальными способностями вымазал белые клавиши фиолетовыми чернилами, гвоздём выцарапал на крышке

ПЕТКАДУРАК

и предпочитал играть кулаками, а не пальцами.

И называл пианино пианинкой.

Сусанну не приняли ни в одну музыкальную школу города. Её водили к тридцати четырём преподавателям музыки, и тридцать три из них отказались заниматься со злой девчонкой. И только одна старушка согласилась, потому что была глухая и не слышала, что там играют её ученики. Но даже эта старушка через две недели сказала:

— У вас действительно необыкновенный ребёнок. Такого абсолютного отсутствия музыкального слуха я ещё не встречала. Это уникум! Берегите её! Как редкий экземпляр!

Короче говоря, в семье Кольчиковых получилось так, что не родители воспитывали дочь, не бабушки — внучку, а внучка воспитывала бабушек, а дочка — родителей.

И раз эта повесть связана с цирком, то вместо слова «воспитывала» следует говорить:

дрессировала.

Алле, оп! Дорогие родители, шагом марш исполнять желания любимого ребёнка! Бабушки, то же самое! Да пошевеливайтесь!

И чтобы доказать вам, что Сусанна была неплохой дрессировщицей, расскажу о её основном номере.

Номер этот она проделывала редко, не чаще двух раз в год. В чём он заключался?

Надо было довести мамуленьку, папуленьку, бабуленек до такого состояния, чтобы они... (Смалась пишущая машинка. Не выдержала. тск чила буква. П пр бую пр д лжать без неё. Нет, пл х п лучается. Беру карандаш.)

Надо было довести мамуленьку, папуленьку, бабуленек до такого состояния, чтобы они были готовы выполнить ЛЮБОЕ желание ребёнка. (Карандаш сломался. Беру следующий.)

Для этого Сусанна несколько раз подряд повторяла:

— Умираю... помогите...

И тогда её спрашивали:

— Что сделать, чтобы ты не умирала?

Наступала тишина.

Тишина наступала.

И в тишине звучал слабый голос:

— Пой... те...

И что бы вы думали?

Папа говорил:

— Это возмутительно! — И уходил на кухню.

Мама восклицала:

— За что нам такое наказание? — И шла за ним следом.

Бабушки брали в руки носовые платки, вытирали друг другу слёзы и начинали:

Эй, моряк, ты слишком долго плавал,
Я тебя успела позабыть!
Мне теперь морской по нраву дьявол,
Его хочу любить!

В глазах злой девчонки появлялся злой блеск.

— Громче! — сипела она. — Веселее!

И бабушки, утерев друг другу слёзы платками, продолжали, притопывая:

Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы
Всем на дно!
Там бы, там бы, там бы, там бы
Пить вино!

И пили валерьяновые капли.

А Сусанна закрывала глаза и звала:

— Моя милая мамочка!

— Что, детка? — ещё из кухни испуганным голосом спрашивала мама и бежала на зов любимого ребёнка.

— Мне плохо, мамочка.

— Что тебе нужно, миленькая моя?

— Не знаю.

— Ну скажи, золотце. Я всё для тебя сделаю.

— Не знаю.

— Ну вспомни, золотце...

— Не знаю.

— Помяукай! — шёпотом подсказывали бабушки. — Помяукай!

— Мяу... — неуверенно начинала мама. — Нет, не могу!

— Как мне плохо... — сипела Сусанна, сквозь опущенные веки внимательно следя за мамой.

— Мяукай! — сквозь зубы приказывали бабушки.

— Мяу... — неуверенно начинала мама, и губки злой девчонки вытягивались в улыбочку. — Мяу! — уже громче продолжала несчастная мама.

— А он пусть лает, — бабушки кивали на дверь в кухню, где спрятался папа.

Мама открывала дверь в кухню и грозным шёпотом произносила:

— Ребёнку, нашему ребёнку плохо, а ты ничего не хочешь сделать. Тебе трудно немного полаять?

— Но ведь это непедагогично, — шептал папа.

— А если ребёнок умрёт, это будет, по-твоему, педагогично? Лай!.. Мяу, мяу, деточка! Лай, если ты настоящий отец!

— Гав... гав... — покраснев от стыда и непедагогичности, тихо отвечал папа. — Гав... гав...

— Громче! Она не слышит!

— Гав! Гав! Гав!

— Мяу, мяу! Деточка, ты слышишь?

А деточка смеялась, крича радостно и хрипло:

— Ещё! Ещё! А где курочки? Где курочки?

— Здесь мы! — отвечали бабушки и начинали: — Куд-куда! Куд-куда!

— Мяу! Мяу!

— Гав! Гав!

(От злости я сломал уже несколько карандашей. Когда книгу будут печатать, попрошу, чтобы эти места напечатали разными шрифтами. Как карандаш сломается, так тут и сменят шрифт.)

— Ещё! Ещё! — приказывала Сусанна, хлопая в ладоши. — Теперь ты будешь собачкой, он — кошкой, а вы — поросятами!

Наступала тишина. Тишина наступала.

Взрослые смотрели друг на друга, словно спрашивали: «Неужели вынесем и это?»

И отвечали друг другу: «Не знаю».

Сусанна закрывала глаза и — хлоп на спину.

Первым не выдерживал папа, он кричал:

— Мяу! Мяу!

— Гав! Гав! — отвечала мама, а бабушки, обливаясь слезами и разливая валерьяновые капли, хрюкали.

И все смотрели на единственного, необыкновенного, с музыкальными способностями ребёнка и ждали, что будет.

А он — выпороть бы его хоть один раз! — лежал не двигаясь, всем своим видом говоря:

«И не стыдно вам? Не можете рассмешить больную! Разве так надо смешить? Докажите мне, что любите меня!»

— Ей опять плохо, — в страхе шептала мама и начинала: — Мяу! Гав! Мяу! Гав!

— Хрюмяу... — отзывался папа. — Хрюгав... Куд-хрю! Мяу-куд!

А бабушки, совсем растерявшись, запевали:

Эй, моряк, ты слишком долго хрюкал,
Я тебя успела куд-куда!

— Спасибо, спасибо, ой, спасибо! — заливаясь смехом, говорила наконец Сусанна. — Мне стало значительно легче. Дайте мне теперь поесть чего-нибудь вкусенького-вкусенького, сладенького-сладенького!

И не спорьте: необыкновенный ребёнок!

Приготовимся к следующему номеру!

А кто из вас брюки умеет гладить? А пуговицы кто пришивать может? В войну играете, носитесь как угорелые, «бах! бах!» кричите, а потом есть просите?

А вы по-настоящему поиграйте. Например, портянки выстирайте (или носки).

Да котелок сами вычистите (или тарелки вымойте).

А что? Как солдаты делают. У солдат домработниц нет, мамы, бабушки и жёны дома остались.

Солдат всё САМ УМЕЕТ делать.

Вот и поиграйте в таких солдат, в настоящих.

У них вот много той самой домашней работы, которую за вас дома мамы и бабушки делают. Или сестрёнки.

Примерно так рассуждала Лёлишна, готовя ужин и слыша за окном крики мальчишек.

Дедушке она сварила манной каши, а себе нажарила картошки и сделала салат.

После пережитых волнений дедушка всё ещё не мог успокоиться и ел торопливо, часто поглядывая на дверь.

— Ты что? — спросила Лёлишна.

— Да так, — ответил дедушка, — стыдно сказать, но побаиваюсь.

— Чего? Кого?

— Кого-то. И чего-то. — Дедушка снова взглянул на дверь и извиняющимся тоном проговорил: — Пуганая ворона куста боится. После того, как любимый ребёнок влетел сюда с воздуха, можно ожидать чего угодно.

— Ничего тебе не надо ожидать, — сказала Лёлишна. — Любимый ребёнок набил себе две шишки и сейчас со злости дрессирует родителей. И бабушек... Ещё дать каши?

— Дать. А кто-то всё равно придёт. И что-то случится. Вот увидишь. — И он шёпотом закончил: — Я предчувствую.

И раздался звонок, громкий, настойчивый, незнакомый.

— Это кто-нибудь из них, — прошептал дедушка, поспешно доедая кашу, — из тех, которые хотели меня положить в тюрьму или посадить в больницу.

— Главное, не бойся, — укоризненно сказала внучка. — Пока я с тобой рядом, некого тебе бояться и нечего. — И направилась к дверям.

— Стой! — слабым голосом крикнул дедушка. — Мысль! Не открывай!

— Почему?

— Позвонят и уйдут.

Звонок повторился — ещё более настойчивый.

— Не бойся, — уже строго сказала Лёлишна и вышла в коридор. Она открыла дверь и радостно пригласила: — Ой, проходите, проходите! Дедушка, дедушка, посмотри, кто к нам пришёл!

— Тигрёнка не пугайтесь, — сказал Эдуард Иванович, — он ручной.

— Да я знаю, знаю! — И Лёлишна тут же, в коридоре, рассказала о своём сегодняшнем знакомстве с Чипом. Войдя в комнату, она позвала дедушку.

В ответ — тишина.

— Дедушка, к нам гости!

Опять тишина.

Лёлишна заглянула на кухню, потом в другую комнату, недоуменно пожала плечами.

Вдруг кто-то тонко чихнул. Чип зарычал.

Эдуард Иванович глазами показал Лёлишне на шифоньер.

Она постучалась в дверцу.

— Войдите, — раздался из шифоньера жалобный голос.

Дверца распахнулась, и все увидели напуганного дедушку, который сидел в шифоньере, согнувшись в три погибели.

— Всё-таки испугался, — виноватым тоном произнёс он, — не вас, конечно, и даже не этого зверя, а других.

Но раз все опасения и недоразумения рассеялись, а Эдуард Иванович принёс с собой торт, то началось чаепитие. Чип лежал у ног дрессировщика и дремал.

Дедушка изредка опасливо посматривал на тигрёнка.

— И как это вы с ними? — спросил дедушка. — Они же звери. Почему они вас слушаются?

— Очень просто, — весело ответил Эдуард Иванович, — я их люблю. Я без них жить не могу. Я даже на пенсию уйду не один, а возьму с собой самого старого льва. Это будет первый в мире лев-пенсионер... Человек я одинокий. Жена и дети погибли в войну. Теперь моя семья — мои львы. Да вот Чип. И ещё есть у меня Хлоп-Хлоп, очаровательный мартыш. Мне его в Одессе подарили моряки.

— Конечно, ко всему можно привыкнуть, — заключил дедушка, — к одному только нельзя привыкнуть — к старости.

— Вот об этом я сейчас и думаю всё время, — оживлённо отозвался дрессировщик. — Мне нужно найти ученика. Чтобы передать ему знания, опыт и львов.

— Да любой мальчишка согласится стать вашим учеником! — воскликнула Лёлишна. — Только позовите.

— А мне нужен не любой, а... — тут Эдуард Иванович вздохнул, как бы хотел этим сказать, что найти нужного ему мальчишку почти невозможно. — Он должен быть смелым, любознательным, упорным.

— Найдёте вы себе ученика, — сказал дедушка, — или ученицу.

— Ученика, — твёрдо проговорил Эдуард Иванович.

— Найдёте, найдёте, — обиженно сказала Лёлишна, словно она собиралась стать дрессировщицей, а её не брали. — Но как же вы его учить будете, если вы всё время из города в город переезжаете? Его же родители не отпустят.

— Можно взять его вместе с родителями, — сказал дедушка.

— Трудно, конечно, найти родителей, которые согласятся отпустить ребёнка со мной, — грустно произнёс Эдуард Иванович. — А кого с удовольствием отпускают, из такого дрессировщика не получится. Пришла как-то ко мне одна мамаша и говорит: «Возьмите вы моего лоботряса, справиться с ним никто не может. Авось вам он пригодится. Подрессируйте его хоть немножко». Смех смехом, а найти ученика трудно.

— У нас есть смелые, любознательные, упорные мальчишки, — сказала Лёлишна.

— Очень хочу с ними познакомиться, — сказал Эдуард Иванович.

Когда улеглись спать, Лёлишна долго лежала с открытыми глазами, думала.

Конечно, она не собиралась стать дрессировщицей, но всё-таки обидно: почему Эдуард Иванович ищет ученика, а не ученицу?

*Продолжаем подготовку
к следующему номеру*

До чего же радостно было просыпаться Лёлишне утром на другой день!

Открыв глаза и вспомнив обо всём, она испугалась: а вдруг это ей просто приснилось?

Вдруг нет никакого Чипа и никакого Эдуарда Ивановича?

Она встала, быстро оделась — и на кухню. И вскоре уже напевала:

Будет каша кип-кип-кип,
Её будет кушать Чип,
Кушать, наедаться,
Прыгать и смеяться.
Кип-кип!
Чип, Чип!

Вдруг кто-то за её спиной громко чихнул.

— Будьте здоровы! — крикнула Лёлишна и рассмеялась оглянувшись: это был Чип. — Чем же мне тебя угостить?

Чип зевнул и потянулся, как кошка, выгнув спину. Лёлишна бросила ему кусок сахара. Чип благодарно помахал хвостом, похрустел сахаром, облизнулся и глазами попросил: «Давай ещё, не жадничай».

— Чип, ко мне! — раздался голос Эдуарда Ивановича.

«Давай, давай быстро! — просил взглядом тигрёнок. — Мне некогда! Угощай!»

Лёлишна отрицательно покачала головой.

«Смотри, пожалеешь», — и Чип утопал.

Может быть, он решил, что Лёлишна просто жадная. На самом деле она просто знала, что до завтрака детям сладкое давать нельзя. А тигрёнок — ребёнок.

Эдуард Иванович появился на кухне в зелёном с широкими чёрными полосами длинном халате. Седые волосы были гладко зачёсаны.

— Доброе утро, хозяйюшка! — сказал он. — Сколько кусков сахару удалось выпросить полосатому попрошайке?

— Всего-навсего один.

— И то зря. Сахар, хозяйюшка, надо сначала заработать. Готовить мы с тобой будем по очереди. А как-ни-

будь я устрою тебе выходной день. Самый настоящий. Трудно тебе?

— Ну и что? Я привыкла.

— Вижу. Молодец.

— И всё-таки вам требуется ученик, а не ученица.

— Потому что это мужское дело! — крикнул из комнаты дедушка. — Если обязательно необходимо, чтобы лвы кого-нибудь слопали, бросьте им меня.

— Не беспокойся, — ответила Лёлишна, — никто меня в укротительницы не берёт. А сейчас будем завтракать.

За столом дедушка был хмурым, не разговаривал и даже немного покапризничал. Каша показалась ему несоленой, он солил её, солил и до того досолил, что есть уже было нельзя. Но он ел.

Незаметно смахивал слезинки и ел, бедный.

Лёлишна знала: в таких случаях лучше помалкивать, делать вид, что ничего не случилось.

Недавно она водила дедушку в больницу, а на другой день зашла к врачу, и тот объяснил, что у дедушки больные нервы. А это значит, что его нельзя раздражать, нельзя волновать, да и сердце у него, как говорится, неважное.

Выпив чаю, дедушка чуть успокоился, почувствовал себя виноватым и пробормотал:

— Нервы у меня пошаливают.

— А у кого они не пошаливают? — весело отозвался Эдуард Иванович. — И у зверей, и у людей. Вот и я старею, и нервы сдают.

— Я, видимо, тоже старею, — дедушка вздохнул. — Внучке со мной тяжело.

— Неправда, — мягко возразила Лёлишна, — без тебя мне было бы в миллион раз тяжелей.

Уходя, Эдуард Иванович пригласил её на репетицию и попросил привести с собой одного из смелых, любознательных, упорных мальчишек.

**МАЛЬЧИК В КЛЕТКЕ
С ЖИВЫМ ЛЬВОМ!**

*Читателей со слабыми нервами
просят не читать!*

**МАЛЬЧИК В КЛЕТКЕ
С ЖИВЫМ ЛЬВОМ!**

Только в нашем цирке!

В пустом цирке неуютно и холодновато. Даже летом.

Ветер похлопывает брезентовым куполом.

Над ареной включено всего несколько ламп.

Балкончик для оркестра пуст.

На манеже работали трое акробатов. Четвёртый стоял в стороне и недовольно повторял:

— Темп! Темп!

Лёлишна с Виктором задержались в проходе, поёживаясь от холода.

Они взялись за руки, словно перед входом в сказку. И как во всякой сказке, здесь было и страшновато, и таинственно, и, главное, очень интересно.

Акробатов сменили жонглёры. Улыбаясь, они бросали друг в друга мячами, тарелками, булавами, кольцами.

И Лёлишна с Виктором радостно шептали:

— Темп! Темп! Темп!

Так они могли стоять и глазеть без конца, но тут один из жонглёров спросил:

— Вы к кому?

— К Эдуарду Ивановичу.

— Это вон туда, — жонглёр показал на вход, вернее на выход, под балкончиком для оркестра. — Там его и найдёте. Только рты закройте.

Лёлишна и Виктор посмотрели друг на друга: рты у них были широко раскрыты. Посмеявшись, ребята пошли к выходу на арену.

Тут, в коридоре, они снова остановились и снова широко раскрыли рты.

Здесь были клетки со львами, разные непонятные, дикие сооружения, сновали люди, два клоуна дрались бамбуковыми палками, один дяденька прыгал... на руке.

— В сторону, в сторону, не мешайте!

Ребята отскочили, пропуская рабочих, несущих огромные шесты.

— Брысь отсюда!

Они опять отскочили, чтобы не попасть под колёса какого-то невероятного сооружения.

— Сюда, ребятишки, сюда! — слышали они голос Эдуарда Ивановича.

Стены его маленькой комнатки были оклеены красочными афишами. Лёлишна видела их не впервые, но только сейчас обратила внимание, что на афишах укротитель выглядит моложе и волосы у него не седые, а чёрные.

— Когда-то я был таким, каким сейчас бываю только на рекламе, — грустно сказал Эдуард Иванович. Он уже облачился в голубые шаровары и красную куртку.

Откуда-то сверху на плечо к дрессировщику прыгнул мартыш и устоялся на гостей.

— Знакомьтесь, — проговорил Эдуард Иванович. — Хлоп-Хлоп, самый хитрый, самый обидчивый, самый недисциплинированный зверь в нашей труппе. Давно бы отдал его в зоопарк, но люблю.

Хлоп-Хлоп обнял хозяина за шею и пискнул: дескать, правильно. И немного поаплодировал сам себе.

— Спортом занимаешься? — спросил Виктора Эдуард Иванович.

— Он чемпион школы по лыжам, — ответила Лёлишна.

— А учишься как?

— Он отличник, — опять ответила она за Виктора, вздохнула и добавила: — А ещё он смелый.

— Я стараюсь быть смелым, — поправил Виктор, — но не всегда это получается. Например, я не представляю, как можно войти в клетку ко львам и не умереть от страха.

— Это не страшно. Надо просто знать их. Все повадки, привычки, характеры. Можно сказать, что укротитель, как и сапёр, ошибается один раз в жизни. И вот надо прожить жизнь так, — Эдуард Иванович улыбнулся, — чтобы ни разу не ошибиться. Ну, а сейчас идите в зрительный зал, после репетиции встретимся.

И ребята следом за Хлоп-Хлопом вышли в коридор и снова попали в суматоху.

Суматоха осложнялась ещё и тем, что к арене тянулся коридор из железных прутьев.

И уж как там случилось, никто потом толком и понять не мог.

А произошло примерно вот что и вот как.

Зазевавшись и ища глазами Хлоп-Хлопа, который убежал вперёд, Виктор шагнул в железный коридор.

Не заметил этого.

И продолжал шагать дальше.

Лёлишна смотрела по сторонам и шла, казалось, совсем рядом — их с Виктором разделяла только решётка.

В это время рабочие подкатили к железному коридору клетку.

Подняли дверцу.

И лев по знакомой дороге побежал на арену.

Только тут, сообразив, что произошло, Лёлишна завизжала.

Хлоп-Хлоп пронзительно заверещал.

Виктор резко обернулся и замер, раскинув руки, будто намеревался не пускать зверя на манеж.

Лев остановился. Рыкнул.

Тут подоспели рабочие, вооружённые шестами с железными наконечниками, преградили ими льву дорогу и пытались заставить его повернуть обратно.

Мальчик не шевелился.

Он даже дышать перестал.

Это озадачило зверя.

Если бы Виктор повернулся к нему спиной и побежал, лев бы стрелой бросился на него и...

Но мальчик не двигался.

И льву стало ясно: маленький человек его не боится.

— Витя, Витя, Витя... — шептала Лёлишна.

Взбешённый ударами, лев раскрыл пасть и зарычал так, что Лёлишна закрыла лицо руками.

Подбодрив себя рёвом, лев двинулся к Виктору.

Удары железными наконечниками только злили зверя, но не могли остановить.

Виктор не двигался.

И вдруг раздался повелительный голос:

— Цезарь, назад!

Это в железный коридор вбежал Эдуард Иванович.

Лев получил удар бичом, второй, третий...

И бросился на дрессировщика.

Тот закрыл собою мальчика.

В обезумевшего льва направили струю из шланга.

Он бросился назад, в клетку.

Опустилась дверца.

Эдуард Иванович обнял Виктора и глухо проговорил:

— Молодец, мальчик, молодец...

Репетицию, конечно, отложили: надо было выждать, пока успокоятся звери, поднявшие страшный рёв.

Виктор старался улыбнуться, но улыбка получалась слабой, жалкой даже.

На плече Эдуарда Ивановича оказался Хлоп-Хлоп. Он гладил хозяину волосы и возмущённо попискивал.

«Я им задам! — словно бы говорил он. — Они ещё у меня узнают! Не волнуйся, я рядом с тобой и не дам тебя в обиду».

А Лёлишна заплакала.

— Я так испугалась, я так испугалась, — сквозь слёзы бормотала она. — Меня до сих пор всю трясёт.

Виктор молчал.

«Струсил я или не струсил? — думал он. — Виктор я или не Виктор?»

Вот на этом — конец первого отделения нашей программы.

Сейчас объявляется

АНТРАКТ

*на несколько страниц,
во время которого
состоится более подробное знакомство
уважаемых читателей
с личностью по прозвищу Головешка*

Горшков, тот самый милиционер, который считал цирк пустой забавой, на время гастролей шапито был к нему прикреплён для дежурства.

И хотя в милиции дисциплина строгая и возражать начальству нельзя, Горшков сказал:

— Уж это не работа, товарищ капитан, а наказание.

— Правильно, Горшков, рассуждаешь, — ответил капитан, — для тебя это наказание. За то, что цирка не понимаешь. Постарайся понять, пока там будешь дежурить.

— Есть постараться понять, товарищ капитан! — грустно сказал Горшков. — Разрешите идти!

И пришёл в цирк, и сразу встретился с Григорием Васильевичем.

— Вы же говорили, что ноги вашей здесь не будет? — сказал фокусник.

— Говорил, говорил, — мрачно согласился милиционер. — Не по своей я воле здесь. По долгу службы. А как насчёт Головешки?

— Какой головешки?

— Того самого Головешки, — объяснил Горшков, — у которого совести мало, а руки золотые. Мозговая система работает не очень, а парень хороший. Очень мне хочется вас с ним познакомить. На предмет его исправления, может, приохотите его к фокусам-покусам. И у него кой-чему поучитесь.

— Прошу вас, — обиженно сказал Григорий Васильевич, — не приставать ко мне со всякими головешками. Надоело. Лучше верните мне мой портсигар.

— Какой портсигар?!

— Мой. Который вы себе в карман засунули. Вон в тот. Горшков сунул руку в карман своих брюк, вытащил портсигар, проговорил восхищённо:

— Чисто работаете. Но берегите свой портсигар. Головешка вам докажет, на что он способен. Только не обижаться.

— Договорились.

Головешку милиционер разыскал в кассовом зале панорамного кинотеатра.

Маленький, худенький, в старой ковбойке с продранными локтями, в штанах чуть не до подмышек, в огромных ботинках с загнутыми вверх носами, Головешка скалил зубы да посвистывал.

Увидев Горшкова, он улыбнулся ему, как самому дорогому другу, и приветствовал:

— Здравия желаем вам, товарищ дядя Горшков!

— Какой я тебе товарищ? — сердито отозвался милиционер. — Чего здесь делаешь?

— А они здесь чего делают? — Головешка показал на очереди у билетных касс.

— Они культурно расти пришли, — объяснил Горшков. — Купят билеты, кино посмотрят, умнее станут, образованнее. Ты давал слово, что больше не будешь грязными делишками заниматься?

— Моё слово — каменная стена, това... гражданин милиционер дядя Горшков. И я тоже пришёл культурно расти.

— А деньги на билет у тебя имеются?

— Пока нет.

— Значит, опять по карманам?

— Никак нет. На жалость бью и высокую сознательность. Подхожу к тётенке, выпрашиваю несколько копеечек. Глядишь, пошёл культурно подрасти.

— Беда мне с тобой, — грустно сказал Горшков. — У матери как здоровье?

— Обычно.

— Ну ладно. Сделаем ещё одну попытку в человека тебя превратить. Попрошайничать-то тоже ведь не положено. Пойдём-ка.

Головешка покорно двинулся следом.

Они пересекли улицу, вошли в городской сад и присели на спрятавшуюся в кустах скамейку.

— Ты, главное, пойми, — начал Горшков, — включи свою мозговую систему на полную мощность. Вникай в каждое моё слово и каждое моё слово постарайся понять. А если не поймёшь, так и заяви, не прикидывайся, будто понял. Вот слушай.

И Горшков рассказал о фокуснике Григории Васильевиче, который, по его твёрдому убеждению, мог заинтересовать непутёвого мальчишку, увлечь его так, что Головешка и думать забудет о своём карманном ремесле.

— Ты вникни, — убеждал Горшков, — навыки у вас вроде бы одинаковые. Только ты народу вред и горе приносишь своими навыками, а он — вроде бы пользу. Во всяком случае, вреда нет. Законом разрешается. Понравится ему твоя работа — он тебя в обучение возьмёт. Артистом будешь. А это всё-таки лучше, как ни крути, чем жуликом. И опять же законом разрешается. Понимает твоя мозговая система или нет, в чём тут дело?

— Система понимает, а я нет, — признался Головешка.

— Колония тебя, дурака, ждёт! — вскипел Горшков. — Это ты понимаешь? Сколько я ещё с тобой воспитательной работой заниматься должен? Включай мозговую систему снова!

И Головешка понял: он должен достать из кармана фокусника портсигар и тем самым доказать, как выразился Горшков, высокое качество своей подлой работы. Фокусник будет поражён ловкостью рук и начнёт учить Головешку цирковым фокусам. Тоже, конечно, обман, но законом, повторяю, разрешается.

Поехали к цирку.

Дождались, когда вышел Григорий Васильевич и направился к трамвайной остановке.

Головешка — за ним.

Сели в один вагон.

Головешка пристроился за спиной фокусника.

Когда на повороте трамвай затормозил и пассажиры повалились друг на друга, Головешка раз — и нащупал портсигар.

И потянул...

Не тянется.

Будто прилип к подкладке.

Пришлось убрать руку.

В таких случаях мозговая система Головешки работала на полную мощность.

Каждый мускул, каждая мышца, каждый нерв были включены. На носу даже выступили капельки пота.

Но ничего не мог понять Головешка.

И когда на остановке пассажиры снова повалились друг на друга, он снова сунул руку в уже знакомый карман, снова нащупал портсигар, потянул...

Не тянется.

Да что же это такое?

Головешка вытащил пустую руку, и тут Григорий Васильевич обернулся, взглянул на него насмешливо и вышел из вагона.

Обескураженный Головешка вернулся к цирку.

— Ну? — спросил Горшков.

— Включил всю свою мозговую систему на полную мощность — не понимаю. Вот этой самой, — Головешка протянул правую руку, — два раза цапался за портсигар, а вытащить не мог. Он у него как приклеенный.

— Эх! Один раз попросил тебя доброе дело сделать, и то...

— Завтра попробую.

— «Попробую, попробую», — почти передразнил милиционер, — а всё от твоей несознательности проистекает.

— Я тут ни при чём. Я работал качественно. Чего-то у него с этим портсигаром сделано. Устройство там.

— А ты должен перехитрить. И уст

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК!

ройство, и фокусника. Понимаешь? Обязан ты его перехитрить. Тогда, повторяю, в цирке работать будешь.

Конечно, поведение Горшкова может кого-то и удивить, и даже показаться неправильным. Кто знает — наверное, имелись и другие способы убедить Григория Васильевича заинтересоваться судьбой Головешки.

А Горшков придумал свой способ.

Ведь он относился к мальчику как к попавшему в беду человеку и старался ему помочь.

Жил Головешка без присмотра и в любой момент мог попасть в дурную компанию.

Так вот, на другое утро мальчишка сидел в сквере напротив гостиницы, ждал Григория Васильевича; дождался и вместе с ним сел в трамвай.

Но в трамвае было всего несколько человек. Действовать в подобных условиях почти невозможно, но, помня наказ милиционера, Головешка включил свою мозговую систему на сверхполную мощность.

Всего какое-то мгновение потребовалось ему, чтобы, проходя мимо фокусника, чуть задеть его плечом и...

Портсигар был в кармане Головешки.

Вот вам и фокусник!

На эт

ВТОРОЙ ЗВОНОК!

о и рассчитывал Горшков.

Увидя подходившего к цирку Григория Васильевича, он приложил руку к козырьку, улыбнулся во весь рот и приветствовал во весь голос на всю улицу:

— Здравия желаю, гражданин фокусник!

Григорий Васильевич поздоровался, тоже улыбнулся и прошёл мимо.

А Головешка приближался с важным видом, неторопливо, смотря по сторонам независимо.

— Ну? — нетерпеливо спросил Горшков.

Мальчишка отдал ему портсигар.

— Золотые руки, — растроганно проговорил милиционер, — научить бы их чему-нибудь хорошему. Можешь считать, что ты в цир

ТРЕТИЙ ЗВОНОК!

ке работаешь. Идём.

КОНЕЦ АНТРАКТА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

НАЧИНАЕМ ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НАШЕЙ ПРО

ГРАМ

МЫ

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

*Второе отделение нашего представления
открывают Горшков и Головешка.*

*В номере принимает участие
иллюзионист Григорий Ракитин!*

— Молодец, молодец, — сказал Горшков, — всегда я надеялся, что человеком ты станешь. — Он повертел портсигар в руках. — Хорошая вещица.

Горшков нажал кнопочку замка, крышка отскочила...

О
Г
Л
У
Ш
И
Р
З
Р
Ы
В
И
Л
Е
Т
Е
Л
О
П
А
З
Д
А
Л
С
Я
Т
Е
Л
Ь
Н
Ы
Й
Б
У
Л
К
Ы
М
Д
Ы
А

Головешка закричал.

Горшков, окутанный дымом, отскочил в сторону.

Хорошо ещё, что поблизости никого не было, — быть бы тогда переполоху.

С минуту, не меньше, смотрели они друг на друга.

Вдруг мальчишка хихикнул, пальцем показывая на милиционера.

Горшков спросил хриплым голосом:

— И я такой же?

— Как трубочист!

— Пошли отмываться.

У входа стоял Григорий Васильевич. Он удивлённо спросил:

— Что с вами такое? Трубы чистили?

— Проиграли один — ноль, — ответил Горшков, — на-те вашу машину. Точно сработала. — И отдал портсигар.

— Два — ноль вы проиграли, — поправил Григорий Васильевич, — вчера вот этот молодой человек чуть-чуть мне карман не оторвал. Золотые руки, да голова... не очень золотая.

— Это мы ещё проверим, — сказал Горшков. — А за такие шутки можно и к ответу призвать.

— У меня душа в ботинки залезла! — восхищённо признался Головешка.

— «Душа, душа, ботинки, ботинки»... — проворчал Горшков. — Вот у меня душа куда-то упрыгала, это понятно. Только сейчас вот обратно вернулась. А знаете, кто во всём виноват? Горшков. Так и его тоже надо понять, гражданин фокусник. Он, он, Горшков, во всём виноват. Ведь если бы не Горшков, тоже прошу учесть, пропал бы Головешка давным-давно. А Горшков жалеет его и вас его пожалеть просит.

— Идите умойтесь, — сказал Григорий Васильевич, — потом побеседуем.

Умывание длилось довольно долго, пришлось ведь ещё и одежду чистить.

Горшков всё это время говорил:

— Иногда человека воспитать легче лёгкого. Бывают люди — их и воспитывать не надо. Такими хорошими они и родились. А попадётся иной раз, так сказать, человек — наука перед ним в тупик встаёт, не то что милиция. Вот Головешка с виду человек, руки, ноги имеются. Говорит человеческим голосом, а сознательности — кот наплакал.

— Гражданин дядя Горшков! — взмолился Головешка. — Вы же знаете, что в последнее время сознательность у меня повысилась!

— Идём беседовать.

Войдя в зрительный зал, Головешка глаза вытаращил.

На арене работали акробаты-прыгуны. Чего они только не выделывали!

Они подбрасывали друг друга со специальных подкидных досок, переворачивались в воздухе. А опускались они не на арену, а на плечи товарищей.

— Вот это да! — прошептал Головешка. — Законно!

Но тут прыгуны упрыгали, а на манеж выпустили красивую белую лошадь.

В центре арены встал дяденька в чёрном пиджаке, белых галифе, с длинным хлыстом в руке.

Лошадь бежала ровно и сильно.

На барьере появилась маленькая девочка в розовой багетной пачке и чёрных чулках.

— Ух, какая куколка! — крикнул Головешка и сразу примолк, потому что куколка на полном скаку прыгнула лошади на круп и сделала стойку на руках.

— Вот тебе и куколка, — мрачно сказал Горшков, — покалечиться в любой момент может.

А девочка и не собиралась калечиться.

— Ап! — командовал дяденька, и она, перевернувшись в воздухе, ловко опускалась на бегущую лошадь.

Горшков тянул мальчишку за рукав, но Головешка не двигался.

В цирке он был впервые. Это оказалось для него интереснее любого кинофильма, даже панорамного.

— Законно... законно... — шептал Головешка.

Милиционер взял его за руку и повёл.

В комнатке Григория Васильевича стоял столик с трельяжем — тройным зеркалом.

Мальчишка сразу к нему и давай себе рожи строить. И хохотать.

Ещё бы: на него смотрели сразу трое Головешек — один в середине и два по бокам.

— Что ты умеешь делать? — спросил Григорий Васильевич.

— С картами три фокуса знаю, петухом кричать могу. Спичку с огнём во рту могу держать. Солдатиком нырять умею.

— Короче говоря, ничего не умеешь делать.

— А основная работа? — спросил Горшков. — Ловкость-то рук!

— Руки у него ловкие, — согласился фокусник. — Ну и что? Но он ничего не умеет ими делать. И мускулы у него слабые.

— Не могу с вами согласиться, — мрачно проговорил Горшков. — Просто поражаюсь вашему равнодушию к судьбе данного ребёнка. Пропадёт ведь он.

— Не знаю, — спокойно ответил Григорий Василье-

вич. — Брать его в ученики? Но через три месяца я уеду отсюда.

— За три месяца можно многому научиться.

— Давайте сделаем так, — предложил Григорий Васильевич, — пусть приходит на представление. А там будет видно. Я за это время подумаю.

— Вот правильно! — Горшков крепко, от всей души пожал фокуснику руку. — Так будет ближе к делу. Я, конечно, понимаю, что легче моржа там или бегемота с носорогом к работе приучить, чем Головешку. Но бросать его на произвол судьбы глупой мы права не имеем.

Двенадцатый номер нашей программы.

На арену действия проникает дедушка.

*Оркестр, сыграйте в таком случае
что-нибудь не очень весёлое. Прошу!*

С рынка Лёлишна вернулась усталая, до того усталая, что как села на табуретку, так и сидела.

Дедушка спросил:

— Что с тобой?

— Устала немного.

— Ничего себе немного! — возмутился дедушка. — Я вижу. Так вот, с завтрашнего дня я хожу на рынок, я хожу по магазинам!

— А сзади я на «Скорой помощи»?

— В этом не будет необходимости. Выдержу.

— Я тоже выдержу. Сейчас отдохну и начну готовить обед.

— А почему не я?

— Потому что у тебя обязательно что-нибудь сторит, убежит, уплывёт. А потом будет плохо с сердцем. А скоро вернётся Эдуард Иванович, его надо накормить.

— Нет, нет, так больше продолжаться не может! — разгорячился дедушка. — Я обязан о тебе заботиться, а не ты обо мне. Я старше. Отныне я всё беру на себя. И никаких «Скорых помощей»! Мне всего семьдесят шесть лет! — Он схватился за сердце.

И сел.

— Тебе нельзя волноваться, — сказала Лёлишна, —

а устала я оттого, что много пережила. Мы были в цирке на репетиции, и Виктор попал в клетку ко льву.

— Когда похороны? — прошептал дедушка.

— Всё окончилось хорошо. Но мне до сих пор страшно.

— Даже мне стало страшно. Со львами шутки плохи. Я, пожалуй, прилягу.

Лёлишна помогла ему прилечь и принялась готовить обед.

Работа всегда отвлекала её от грустных мыслей, но сейчас этого не случилось. Она всё вспоминала и вспоминала лицо Виктора, когда к нему приближался Цезарь...

— Хочется теперь тебе быть укротителем? — спросила Лёлишна, когда они вышли из цирка.

— Не знаю, — ответил Виктор.

«А вот мне захотелось стать укротительницей, — думала она, разжигая духовку, — захотелось, и всё! Мне не забыть, как ворвался в железный коридор Эдуард Иванович. Лев мог убить его одной лапой,

а... убежал!»

Эх, если бы она была мальчишкой!..

Она бы стала учеником

Эдуарда Ивановича!

СТАЛА БЫ!

И Лёлишна представила,
как она в ярком цирковом наряде,
с бичом в руке,
с пистолетами за кожаным поясом
под звуки марша выходит на манеж.

На тумбах сидят гордые львы и львицы.

Она их не боится нисколько.

Они слушаются её, как отличники учительницу.

Со всех сторон раздаются голоса:

— Да ведь это Лёлишна!

— Это у которой дедушка с больными нервами?

— Которая квартиру не может обменять?

— Она! Она!

— Вот это да!

И наступает главный номер, такой, какого ещё не было в цирках.

Лёлишна садится на самого большого льва и кричит:

— Но-о-о!

Лев скачет.

Она держится руками за его гриву.

Он бежит и рычит.

Рычит и бежит.

— Тпру! — останавливает его Лёлишна и под гром аплодисментов спрыгивает на арену.

Но вдруг один из львов бросается на маленькую дрессировщицу.

Она стреляет из обоих пистолетов.

Грохот.

Дым.

— Лёля! — слышит вдруг она голос дедушки. — Что там за дым? Что горит?

Дым шёл из духовки — горело мясо.

Лёлишна вытащила кастрюлю, раскрыла окно и полотенцем стала выгонять дым.

Такое с ней случилось впервые, и она, конечно, расстроилась.

Во-первых, просто жаль мяса, во-вторых, она вообще не любила, если что-нибудь получалось не так, как надо.

«Размечталась тут! — мысленно ругала себя Лёлишна. — Верхом на льве кататься вздумала!»

И ещё она вспомнила, что на днях рассердилась на дедушку за сгоревшую рыбу.

— Вот, — виновато произнесла внучка, когда он вышел на кухню, — размечталась и прозевала.

— Бывает, бывает, — улыбаясь, сказал дедушка и уточнил: — Со всеми бывает. О чём размечталась?

— Да так, — уклончиво отозвалась внучка, — о разных разностях.

Но дедушка не уходил. Он стоял в дверях, словно пришёл за чем-то, а за чем именно, забыл.

Лёлишна срезала с мяса горелую корку.

Помявшись, дедушка спросил:

— Видимо, этот случай с Виктором подействовал на тебя? Быть дрессировщиком — занятие, как ты поняла, не из безопасных? Ничего в нем привлекательного, конечно, нет?

— Что ты! — вырвалось у Лёлишны. — Это так здорово!

— Но ведь в перспективе — их обязательно едят. Укротитель ошибается один раз в жизни, ты ведь слышала? И потом... девочек-дрессировщиц не бывает.

— Не было, ты хотел сказать?

— И не будет. Кстати, — напомнил дедушка, — мне ведь нельзя волноваться, у меня, и ты это хорошо знаешь, больные нервы.

— Волнуешься ты напрасно. Ни в какие дрессировщицы никто меня не возьмёт, — грустно проговорила Лёлишна. — А нервы мы тебе вылечим.

— Ты должна дать мне честное слово, — раздражённо сказал дедушка, — что ты забудешь о всяких там хищниках вроде львов!.. Я жду!

— Я не могу дать такого слова, — тихо, но твёрдо сказала Лёлишна, — потому что я ещё ничего не знаю. Пока я ещё только думаю.

— Хо-ро-шо! — почти крикнул дедушка. — Поступай как хочешь! Но учти: я не пере-жи-ву! А если переживу, то с никуда не годными нервами. Налей мне валерьянки. Тридцать четыре капли — норму и сверх нормы еще... столько же. Я ложусь. Мне плохо.

И дедушка лёг на диван с таким видом, словно Лёлишну уже лев ел.

Дедушка даже слышал, как хрустели её косточки.

Продолжаем нашу программу.

Весь вечер на ковре Петька-Пара.

Он ставит рекорд сверхвизговой скорости

И задумал Петька убежать из дому.

Мысль эта забралась ему в голову совершенно неожиданно, как говорится, без всякой предварительной подготовки.

Шла, видимо, шла, наткнулась на Петькину голову, места свободного там много, вот мысль туда и забралась. А уж если она туда забралась, он вам её не отпустит: не так уж часто его мысли посещают.

Уловив эту мысль, Петька радостно сплюнул. Ему даже показалось, что он очень умный человек.

А вы должны знать, что стоит человеку поверить

в то, что он умный, как он тут же начинает делать глупости.

Петька одному лишь удивился: почему же раньше он не замечал, что является очень умным?

Всё сразу показалось простым.

И, сидя в ванной комнате, куда его закрыли за то, что он ходил в магазин целых полтора часа и вместо масла купил сыр, Петька обдумывал план побега.

Во-первых, куда бежать?

Во-вторых, когда бежать?

В-третьих, как?

Когда — это ясно. Сегодня.

Куда? Тоже ясно. Сначала в Москву, а там видно будет.

Как? А как придётся.

Лишь бы в поезд забраться. Всю дорогу он преспокойненько проспит, не привыкать спать подолгу, а проснётся уже в Москве.

Вот бы денег достать!

Тоже просто: надо продать учебники. Карандаши продать, ручки, перья, тетради...

Поступит он на работу и заживёт, как люди живут.

Эх, выпустили бы только!

— Живой? — спросил за дверью отец.

— Замёрз, — ответил сын, — выпустите. Пора уж.

Из ванной он вышел такой сияющий, что отец удовлетворённо сказал:

— Видать, подействовало. Учтём. Поди поешь.

За столом Петька набил полные карманы кусками хлеба и сахара.

Он тихонечко вынес в коридор портфель, куда сложил учебники и прочие вещи для продажи.

— Я бегать, — сказал он.

— Валяй, — отозвался отец, — только не до полночи.

На лестнице Петька остановился, вздрогнув, словно кто-то его резко окликнул.

«Попадёт, — пронеслось в голове, — так попадёт, что...»

Он сел на ступеньку.

И опять вздрогнул, словно опять кто-то его резко окликнул.

«Да смеешься ты, что ли? — мысленно сказал он себе. — Через два месяца в школу! А в Москве ты к этому

времени собственную благоустроенную отдельную квартиру будешь иметь. И зарплату. В кино каждый день ходить будешь. Телевизор купишь».

И он помчался по лестнице.

Выскочив на улицу, Петька увидел Сусанну.

Скромно опустив глазки, в нарядном платье, с огромным бантом в волосах, с чёлкой, прикрывающей шишку на лбу, она стояла, как кукла из магазина «Детский мир».

Все малыши, игравшие до её появления во дворе, разбежались.

в с н ю.

р
а ы у
с

п

Бабушки, сидевшие с вязаньем в руках, насторожённо следили за каждым её шагом.

А Сусанна посматривала по сторонам.

Выбирала жертву.

Интересной жертвы пока не было.

Одним прыжком Петька подскочил к Сусанне Кольчиковой.

Вдарил портфелем.

И — ног не видно — побежал, набирая скорость.

Он мчался так быстро, что даже Сусаннин виинииинизг не мог его догнать.

Значит — сверхвизговая скорость.

Рекорд!

До железнодорожного вокзала Петька добрался без всяких приключений, и хотя временами его охватывал страх, о возвращении домой он и не думал.

На запасных путях мальчишка разыскал состав, на каждом вагоне которого было написано, что он идет в Москву.

Петька радостно плюнул.

Все вагоны были закрыты, но в конце состава оказалось несколько товарных вагонов с открытыми дверями.

«А какая мне разница? — решил Петька. — Я могу и в товарном. Даже лучше».

Он забрался в вагон, на четвереньках прополз в угол,

лёг, подсунув под голову портфель, плюнул и стал ждать, когда состав переведут на главный путь, сделают посадку — и ту-ту-ту-у-у...

Он ещё раз плюнул.

И уснул.

*Представление продолжается.
Но перед началом следующего номера
автор ненадолго просит слова*

Вот мы и движемся потихоньку вперёд.

Стопка бумаги (исписанной) слева от меня растёт.

А стопка чистой бумаги справа — тает.

Уже вторая осень за окном, с тех пор как я сел писать эту повесть.

А закончу я её зимой, не раньше.

А надо вам сказать (может быть, вы этого не знаете), что рукопись книги всё равно что родной ребёнок. Иногда его (то есть её) хочется или приласкать, или отшлёпать, или похвалить, или в угол поставить (точнее говоря, положить).

Каждый родитель мечтает, чтобы его ребёнок вырос хорошим, добрым, полезным людям, верным.

Но как иногда дети бывают плохими, так и с книгами это случается.

И как родителей вызывают в школу, когда их дети ведут себя неважно, так и нас, авторов, призывают к ответу.

Мне кажется, что нам с вами надо потолковать о том, почему я стараюсь писать весело.

Думаю, что вы меня поймёте. Я очень хорошо помню, как я сам был маленьким. До того помню, что понимаю вас даже тогда, когда вы творите глупости.

А если я пишу смешные книжки, то это вовсе не значит, что меня с утра до вечера распирает смех.

Тем более это не значит, что от всех вас я всегда в восторге и не понимаю, что иногда из-за вас не смеяться, а плакать надо.

И всё-таки я посмеиваюсь над своими героями и не ставлю их в угол.

Почему?

Основная ваша ошибка заключается в том, что вы совершенно напрасно думаете, что взрослые вас не понимают.

Будто они оттого запрещают вам кое-что выделять, что до них, до взрослых, не доходит прелесть этого кое-чего.

Например, если вам не дают бегать до двенадцати часов ночи, то лишь потому, что не представляют, как это здорово.

Да не так всё это, не так!

Уж если вы решили, что взрослые не всегда вас понимают, то что делать взрослым, если вы их редко понимаете?

Вам надоело слушать, как вас учат, а взрослым учить вас надоело.

Отсюда и неприятности.

И вам плохо.

И взрослым не лучше.

Вот из-за этого я и решил схитрить, когда понял, что моя судьба — писать книжки для детей.

Никуда мне от этого не спрятаться.

Если я буду вас учить уму-разуму, втолковывать вам, что дважды два — четыре, ничего из этого может и не получиться. Зевнёте, отложите мою книжку в сторону и что-нибудь про шпионов читать будете (или бегать убежите).

Вот я и решил стать юмористическим писателем. А это значит: научился я быть весёлым, как бы грустно мне ни было.

Ведь каждой книжке хочется стать для вас умным другом.

А весёлый друг — он ещё обязательно и добр, и терпелив. Учит он незаметно.

Так и смешная книжка: смех-то смехом, а за ним всё — серьёзно.

Но заметит это только неглупый человек. На него я и рассчитываю.

Недаром говорят: смех — дело очень серьёзное.

А теперь...

Продолжаем нашу программу!

Из цирка Головешка вышел расстроенным. Не радовало даже приглашение прийти на открытие шапито.

Особенно расстроила мальчишку наездница Эмма, которую он сначала обозвал куколкой.

Посмотрел на неё, и стало ему завидно.

«На лошади скачет, видите ли! — рассуждал Головешка сам с собой. — А мне всю жизнь только в трамваи вскакивать, да? Прыг-скок? Скок-прыг — всю жизнь? Да если бы меня учили, да лошадь бы дали, да от школы освободили, да кормили бы... да я бы тогда...»

И, ещё более раздосадованный, он решил с кем-нибудь подраться, чтобы успокоиться. Он всегда дрался, когда у него было плохое настроение. Надаёт кому-нибудь — и сразу успокоится, будто доброе дело сделает.

Конечно, возникает вопрос: если он нападает на человека, значит, он, Головешка, смелый?

Значит, не боится?

Не смелый, а наглый.

И не боится потому, что наглецам редко дают сдачи. Причём чем наглее наглец, тем меньше у него опасения получить сдачу. Поэтому Головешка, как правило, выби-

рал жертву длиннее себя. И чем длиннее жертва, тем быстрее она улепётывала.

Да почему же?

Да потому, что многие уверены: если на тебя нападают, значит, сильнее тебя.

И с такими не связываются. Улепётывают.

Этому приёму Головешку научили жулики. Так и сказали:

«Сам убежать всегда успеешь. Сначала попробуй, чтоб от тебя убежали. Силы нет — бери нахальством. Нахальства нет — трудной жизнью жить будешь».

Раз попробовал Головешка — получилось.

Два — получилось.

Три.

Четыре.

Пя... — и не получилось. Головешка сам получил. (Если вы помните, это был случай с Виктором Мокроусовым, когда он учился побеждать.)

На некоторое время Головешка приутих.

Но вот сейчас, когда на душе было тяжело, он вспомнил, как можно улучшить настроение.

Впереди по скверу шёл мальчик.

Головешка

бац

ему

по спине!

Мальчик обернулся, да не один.

А вместе со своим кулаком.

И попал Головешке в ухо. И спросил:

— Ещё надо?

— В милицию за такие дела надо, — ответил Головешка и крикнул: — Опять ты, да?

Виктор тоже узнал его, сказал:

— Опять. А ты всё ещё на людей бросаешься?

— Иногда. С горя.

— А может, с глупости?

— Не-е. У меня мозговая система на полную мощность работает.

— А мощность у неё большая?

— Кто её знает? — Головешка пожал плечами. — А я в цирке был сейчас. Лошадь видел дрессированную. И ещё кое-кого. Меня туда работать берут. Фокусником.

А Виктор рассказал ему о том, как он побывал в цирке и в клетке со львом.

— Врёшь?! — с надеждой спросил Головешка.

— Зачем мне врать? А как ты в цирк попал?

Они присели на скамейку, и Головешка понемногу рассказал о себе всё. Разговорился. А потом даже разжаловался:

— В колонию меня собираются отправить. Как неподдающегося. А чему поддаваться-то? Учёбе? Нужна она мне. Как петуху тросточка. И мать мне бросать нельзя. Я — её единственная надежда.

— Никакая ты не надежда, — сказал Виктор, — а дурак.

— Почему? — искренне удивился Головешка.

— Да такого шампиньона, как ты...

— Шам... шпиона?

— Шампиньона. Гриб такой.

— Поганка?

— Нет. Едят. Маленькие такие грибочки, но на поганки чуть похожи.

— Так я и знал! — возмущённо воскликнул Головешка. — По уху съезжают да ещё обзовут! Ты, случайно, не отличник?

— Угадал.

— Круглый?

— Абсолютно.

— Значит, ты круглый отличник, а я, выходит, круглый дурак?

— Хватит ругаться, — предложил Виктор. — Не мужское это дело. Пойдём лучше к цирку, посмотрим чего-нибудь.

Но до цирка они не дошли.

Рассказ об этом —

В следующем номере нашей программы

ЛЕЛИШНА

собирается ремонтировать Головешку!

Друзей у Головешки не было. Поэтому он аж подпрыгивал, идя с Виктором, и без умолку болтал:

— Эммой её зовут. Маленькая. А лошадь большая.

Для неё эта девчонка будто муха. Бежит себе. А Эмма штучки разные выделывает. Законно! Мне бы дали такую конягу да из школы бы отпустили, я бы почище скакал да перекувыркывался.

— Девочка эта в школе учится, — сказал Виктор, — и жизнь у неё потяжелее, чем у нас с тобой. Вот у нас с тобой каникулы, а она работает. А зимой ещё и в школу ходить будет.

— Кто это тебе насочинял? — Головешка расхохотался. — Ну зачем ей в школу ходить? Семью семь учить? На лошади скачет, деньги получает, томатный сок хоть каждый день пьёт да ещё...

— Тебя как зовут? Меня Виктор. Мокроусов фамилия.

— А меня Головешка.

— А имя?

— Имя? — недоуменно переспросил Головешка, будто забыл его. — Владик. Фамилия Краснов.

— Вот что, Владик. Если хочешь дружить, давай не будем на каждом шагу болтать глупости. Не люблю. Видать, мощность у твоей мозговой системы маленькая. А сам ты уже не маленький. Пора бы тебе поумнеть.

— А как?

— Об этом подумаем вместе. Представляю, как матери с тобой трудно. Лежит она, больная, и ждёт, что вот-вот тебя милиция домой доставит.

— Этого она как раз и не боится. Милиция у нас дома часто бывает. Мать даже радуется.

Шли они, как вы помните, в цирк, а пришли в милицию.

Случилось это так. Когда впереди уже показался купол шапито, Виктора окликнули.

Обернувшись, он увидел Лёлишну.

Она бежала к нему через улицу и кричала:

— Петя ночью дома не ночевал! Милиция его ищет! — Она подбежала и спросила Головешку: — А ты чего чумазый такой? Витя, где ты такого подобрал?

— Из мусорной машины выпал, — пробурчал Головешка.

— А ты куда бежала? — спросил Виктор.

— Не знаю. Как услышала о Пете, так с испугу и побежала. Вот ведь какой дурной! Ждали его вчера, ждали, а ночью в милицию заявлять пошли.

— Никуда не денется, — авторитетно сказал Головешка, — найдут. Не таких ловили.

— А ты кто такой? — спросила Лёлишна.

— Я? В общем, гражданин. Ну, обыкновенный человек.

— Вот что, обыкновенный человек, — проговорила Лёлишна, — надо тебя отремонтировать. Привести тебя в порядок надо. Но сначала зайдём в милицию.

*Представление продолжается.
Выступает, как вы догадались,
уважаемые читатели,
беглец Петька-Пара*

Спал Петька крепко.

Но во сне он съел весь хлеб и сахар, которыми были у него набиты карманы.

Ещё сквозь сон он с удивлением почувствовал, что лежит не на раскладушке, а на жёстком полу, который стучит и подрагивает.

Открыл глаза — ничего не видно.

Туман?

Или пыль?

Заорал Петька нечеловеческим голосом.

А поезд набирал ход.

Пыль клубами влетала в открытые двери вагона.

Петька орал и чихал.

Чихал и орал.

Глаза он от страха зажмурил.

Весь он пропитался цементной пылью. Даже во рту был её привкус.

Когда Петька открыл глаза, пыль уже выдуло.

Сердце мальчишкино стучало громче, чем колёса.

Он вспомнил, что сбежал из дому, и в ужасе перестал не только кричать, но и дышать.

Дышать-то он, конечно, через некоторое время начал, но молчал.

Поезд шёл мимо незнакомого города.

Петька смотрел, боясь подойти к дверям, но тут вспомнил своё правило: тратить время на что угодно, только не на раздумья.

И он
прыг

нул.

И уже в воздухе пожалел об этом.

Потоком плотного встречного ветра его отбросило далеко назад.

И — олунреввереп

Тут уж ничего не оставалось делать, разве что мысленно попрощаться с родными и знакомыми, пожелать им счастливой жизни, успехов в труде и учёбе и пожалеть о собственной глупости.

Но и этого не успел сделать Петька.

Приземлился.

Не доставайте носовые платки, чтобы вытереть слёзы жалости.

Просто скажите:

— Вот везёт!

Насыпь вся была из галек, которые толстым слоем покрывали песчаное основание. И лишь в одном месте галек почти не было — только песок.

Вот именно на это место и приземлился Петька. Давно приземлился! Если и ушибся, то в данном случае это — пустяковые пустяки.

Лежал он лицом вниз,

растянувшись,

ничего не соображая.

И думать-то толком не мог: голову ему сильно встряхнуло.

Долго лежал, не мог поверить, что живой.

Затылок болел.

В ушах гудело.

Из носа текла кровь.

Но когда он увидел, что город совсем близко, вот тут, за неширокой полосой молодых берёзок, сразу сел.

Но сразу встать не решился: подумалось, что ноги не выдержат и подкосятся.

Но всё-таки уже не лежал, а сидел.

Окраина как окраина. Невысокие деревянные домики среди зелени.

А вот дальше — большой город.

«Куда это меня занесло? — подумал Петька со страхом и восхищением. — Великий я путешественник!»

«Есть хочу!» — вдруг кто-то сказал громко и резко.

Петька оглянулся по сторонам:

никого нет.

«Хочу есть!» — настойчиво и пронзительно повторил голос, и Петька понял, что это не голос, а требование голодного желудка, который привык в это время каждый день принимать немалое количество пищи.

«Бедненький ты, бедненький, — весело ответил ему его владелец, — потерпи немножко, сейчас пойдём с тобой в город, продадим учебники вместе с портфелем...»

И вспомнил: портфель-то вместе с учебниками — ту-у-у! — уехал.

И кепка уехала.

Это было для Петьки ударом посильнее, чем тот, который он испытал, когда выпрыгнул из вагона.

Это был, если вы знаете бокс, — нокдаун!

Петька лёг.

И вытянул ноги.

И уснул.

Спал он примерно с час. Проснувшись, сначала опять ничего не понял. Почему — ни бабушки, ни раскладушки?

Весь он был в цементной пыли, а руки — в крови.

Захныкал Петька, кулаком кому-то погрозил.

Встал.

Хлопнул по себе ладошками — пыль полетела.

Сообразил он, что в таком виде показываться в городе нельзя.

Пошёл Петька бродить среди берёзок, обливаясь горячими слезами.

Эх, домой бы сейчас, получить бы:

1) хорошую порку

и

2) хороший обед!

Увидев ручей, Петька сразу стал раздеваться.

Куртка полетела в воду.

За ней — рубашка.

И он принялся стирать штаны. Собственно, он их не стирал — не умел, а просто опускал в воду, поднимал, снова опускал — полоскал, одним словом.

А выжать не догадался.

Так и повесил штаны на ветви.

Куртку и рубашку пришлось искать ниже по течению, потому что они уплыли и затонули.

Через некоторое время Петька грелся на солнышке, а одежда висела в тени.

А он ещё удивлялся, чего это она и не собирается высушать.

Голодный желудок пронзительными выкриками и стонами требовал у хозяина пищи.

Слюны было столько, что Петька ставил рекорд за рекордом по дальности плевков.

Ух, как есть хотелось!

И в голову проникла мысль: а почему бы тебе сей же час не пойти в город? Авось что-нибудь где-нибудь и получится?

Вдруг буханку хлеба найдёшь или ещё что-то?

Петька бегом побежал.

Вбежав в улицу, он понюхал воздух.

Уловил какие-то съестные запахи.

Свернул на них.

Бежал и нюхал.

Снова свернул.

Ещё свернул.

И вдруг заметил, что ЗАПАХИ

Запахи

ЗАПАХИ

ЗАПАХИ

Запахи

ЗАПАХИ

Запахи

СО ВСЕХ СТОРОН ЗАПАХИ!

Хоть стой на одном месте, крутись и нюхай!

Ведь из каждого дома неслись запахи. А нюх у Петьки был до предела обострённый. Ведь впервые в жизни мальчишка, проснувшись, не поел!

За маленьким заборчиком увидел он невероятно толстого мальчика.

Тот сидел за вкопанным в землю столом и страдал.

А на столике перед ним — невероятно огромная миска и в ней — суп!

Ух, суп!

Эх!

Запах супа прямо-таки притянул Петьку, перетащил его через заборчик и посадил за стол.

И Петька спросил:

— Съем?

— Ешь, — лениво ответил невероятно толстый мальчик, брезгливо пододвигая к нему невероятно огромную тарелку.

Ложка в Петькиных руках превратилась в супомёт системы «ТНП» («Только не подавись»).

Проглотив суп, Петька спрятался в кусты.

Из дому вышла невероятно толстая тётя и воскликнула:

— Ты съел всё? О радость! Больше ты не будешь худеть и сохнуть на моих глазах! Ешь котлетки, я побежала за компотиком!

Невероятно толстая тётя скрылась в доме.

Петька выскочил из кустов и уставился на четыре большие котлеты и невероятно длинные макароны.

Невероятно толстый мальчик сказал:

— Ешь. Я и так закормленный.

Петька быстро всё сглотал. А мальчик сказал:

— Спасибо. Компотик я буду сам.

Петька с трудом перешагнул через заборчик.

Им овладела сытая истома.

Он еле передвигал ноги.

И искал местечка, где бы прилечь.

И спокойно переварить пищу.

Глаза закрывались сами собой.

Петька начал спот...ык...атьс...я...

Спать...

спать...

спа-а-а...

Несколько шагов он спал стоя.

Потом растянулся прямо у забора на травке.

Продолжаем нашу программу.
ВЫСТУПАЕТ ИЛЛЮЗИОНИСТКА
ЛЕЛИШНА ОХЛОПКОВА!

*Всего за два часа
она превращает Головешку
во Владика Краснова!
Ловкость рук и — забота о человеке!
Прощание с Головешкой*

Оркестр, вальс!

В милиции Горшков сказал ребятам:

— Найдём Пару. Не таких ловили. Вот недавно, помните, тигрёнок потерялся, было трудновато — его разыскать. А Пара никуда не денется, далеко не убежит. С любого поезда снимут и обратно отправят. В цирк вечером идёте?

— Конечно, — ответил Головешка, — приглашены.

— В таком-то виде пойдёшь? — спросила Лёлишна. — Вы посмотрите на него!

— А что? — недоуменно спросил Головешка. — Я вам не стилига какая-нибудь. Я всю свою жизнь в таком виде прожил.

— Что правда, то правда, — сумрачно проговорил Горшков, — нет у него другого вида. Условия жизни у него тяжёлые.

— Надо ему помочь, — всё так же спокойно сказала Лёлишна, — надо его вымыть, заштопать и перешить.

— Не смешите вы меня, — испуганно попросил Головешка. — Ни разу в жизни со мной такого не было. Разыгрываете меня, да? К штанам, придрались, да?

— Идём, Владик, — позвал Виктор, — нечего время зря терять.

— Не Владик я никакой! Понятно? Головешка я! Понятно? Неподдающийся! Понятно? Колония по мне плачет! Понятно?

— У тебя нервы больные, — устало сказала Лёлишна, а Горшков сказал:

— Не шуми, Голо... Владик. Слушайся умных людей. От них вреда не бывает.

— Надоело мне всех слушаться, — огрызнулся Головешка, — особенно умных. — Но пошёл следом за ребятами.

Всю дорогу молчали. Только Лёлишна тихонько напевала:

Вы все проказники,
Вы безобразники,
Вы хулиганщики,
Вы все обманщики!

У самого дома Головешка сказал:

— Никогда в жизни со мной такого не было.

Тут Лёлишна всплеснула руками, ойкнула: из подъезда выходил дедушка.

— Кто тебе разрешил? — жалобно спросила она. — Ведь вечером идти в цирк. А если ты поднимешься на пятый этаж, тебе ведь опять будет плохо. И никакого цирка мы не увидим!

— Не беспокойся, — гордо отозвался дедушка. — Я совершенно здоров. Могу даже в футбол играть. Все лекарства можешь вылить в раковину. Они мне больше не понадобятся. Не могу же я целыми днями сидеть в помещении? Мне нужно гулять, дышать свежим воздухом, общаться с людьми.

— Всё это так, — очень грустно произнесла Лёлишна, — но в цирке нам сегодня не бывать.

— Повторяю, — сказал дедушка, — я феноменально здоров.

— А Пара пропал! — радостно крикнула из окна Сусанна. — И найти не могут! А найдут — пороть будут! Ой, посмотреть бы!

Никто ей ничего не ответил, и она закричала ещё громче и ещё радостнее:

— Всем попадёт! Всех пороть будут!

Ребята скрылись в подъезде.

Сусанна от злости покрылась разноцветными пятнами и крикнула изо всех сил:

— И тебе, дед, попадёт!

Дедушка счёл за лучшее быстренько уйти.

А вслед ему раздалось:

— И тебя, дед, пороть будут!

Ребята поднялись на пятый этаж, вошли в квартиру.

— Сразу за дело, — скомандовала Лёлишна, — я сейчас найду выкройку, а ты, Владик, снимай одежду.

Сняв ковбойку и брюки, Головешка сел в угол на табурет и проговорил:

— Чудеса какие-то. Срежь бела дня раздели.

А когда Лёлишна бритвой стала распарывать брюки, он выхватил их и закричал:

— С ума спятила?!

Виктор сказал:

— Сиди ты и не чирикай!

А Головешка чуть не плакал: на его глазах его единственные брюки превращались в куски материи.

А Лёлишна с Виктором смеялись. Из старых газет они сделали выкройки, мелком перенесли контуры на материю и давай резать её.

— Такие хорошие штаны были! — жалобно воскликнул Головешка. — Чего они вам не понравились?

— Молчи, — весело отозвалась Лёлишна, — ещё спасибо скажешь. И брюки у тебя будут, и берет из остатков получится.

Короче говоря, скоро началась примерка.

Головешка подошёл к зеркалу, взглянул на себя...

И обнял Лёлишну.

И смутился.

И она смутилась.

И даже Виктор смутился.

— Ну что ты... — пробормотала Лёлишна. — Ещё рано благодарить, ещё сшить надо...

Она открыла швейную машину.

Головешка крутил ручку, а Виктор поддерживал материю.

Если бы вы видели, что творилось с Головешкой! Он крутил ручку, приплясывал и кричал петухом.

До того доукарекался, что охрип.

А когда он облачился в новые брюки, закричали все трое.

Лёлишна стала шить берет.

Виктор повёл своего нового знакомого в ванную.

Отмываться.

Вернее, отмывать.

И вот, чистый, причёсанный, заштопанный и перешитый, в берете, стоял Головешка перед зеркалом и шептал удивлённо:

— Какой я, оказывается, красивый... Вот ещё бы бо-

тинки подрезать... перешить бы их как-нибудь... Тогда бы все сказали: «Вот вам и Головешка!»

— Забудь ты про своё прозвище, — сказала Лёлишна, — забудь. Будто его и не было.

— Забуду, забуду, — согласился Головешка. — Очень уж я нарядный. Родная мать меня не узнает. Гражданин милиционер дядя Горшков меня не узнает. А я крикну: «Да это же я! Владик! Тот, который Головешкой ещё был!»

— Короче можно сказать так, — предложил Виктор, — прощай, Головешка!

— Прощай, Головешка! — сказала Лёлишна.

— Прощай, Головешка! — сказал Владик. Он подмигнул своему отражению в зеркале и добавил: — Вот теперь можно мне и в цирке работать. Там все такие красивые.

— Ой... — Лёлишна схватилась руками за голову. — Я совсем забыла про дедушку!

И бросилась из комнаты.

Продолжение Петьки-Париного выступления

Проснувшись под забором, Петька потянулся, хрустнул всеми своими косточками.

Сел.

И вместо бабушки увидел — кого?

Эдуарда Ивановича. Только не живого, а на афише.

А рядом с ним лев.

А пасть у льва оскалена.

А пасть огромная.

— С группой дрессированных львов! — крикнул Петька и захохотал почему-то, словно дома оказался.

Прохохотав, он почесал затылок.

Задумчиво сплюнул.

Откуда в чужом, далёком городе та самая афиша, которую он ещё вчера видел в своём родном городе? Ведь он ехал в поезде целую ночь...

И всё-таки первым делом надо сходить в цирк, а там видно будет, как жить дальше. Может, в цирке на работу возьмут. И квартиру дадут. И поесть, конечно, дадут. Можно у льва кусок мяса отобрать, изжарить и — кусай себе, а не льву, на здоровье.

Петька встал, опять потянулся, сладко зевнул, опять хрустнул всеми своими косточками.

И весело сплюнул.

Желудок пока не требовал пищи, и хозяин его мог даже соображать немного.

Он бодро зашагал

и

остановился.

А где штаны?

Куртка где?

Рубашка?

И побежал обратно.

Бежал, бежал, снова остановился: забыл ведь, где повесил одежду сушиться!

Забыл, забыл —

ничего вспомнить не мог.

Он погрозил кому-то кулаками и двинулся вдоль полосы берёзок.

Ни одной приметы не запомнил!

Ни одной!

К тому же раздался испугавший его шёпот:

— Есть хочу...

Шёпот был лёгкий, еле слышный, но Петька струсил и бросился обратно в город.

А люди думали: спортсмен, чемпион какой-нибудь бежит, тренируется.

Две собаченции за ним увязались.

Бежали, бежали, да отстали — вот как он мчался!

Увидел Петька трамвай — прыг в него.

— Абонементик закомпостируем? — спросил весёлый старичок.

— Какой тут может быть абонементик? — ответил Петька. — У человека ни штанов, ни рубахи, ни куртки, а вы — абонементик!

— А откуда ты такой взялся и куда ты едешь без штанов, рубахи и куртки? — Старичок сразу стал сердитым.

— В цирк еду, а сам я издалека, из другого города.

Тут все пассажиры рассмеялись.

А Петька начал реветь.

А старичок, который сначала был весёлым, потом — сердитым, стал грозным и безжалостно подтолкнул его к выходу да ещё крикнул:

— В следующий раз будешь иметь дело с милицией! Трамвай ушёл.

Петька побрёл вдоль трамвайной линии, не глядя по сторонам.

В желудке было легко, на душе — тяжело.

Трамвайная линия привела мальчишку в... родной город.

Стоял Петька.

Хлопал глазами.

Ведь он Уехал, а оказалось, что ПРИехал.

Как так?

Почему ПРИ, а не У?

А было так. Вагон, в котором он спал, ночью отцепили от состава, прицепили к другому, и только утром поезд тронулся в путь. А в этот момент Петька и проснулся. И выпрыгнул из вагона на окраине своего родного города. А раз он не бывал на окраине, то и не узнал её.

Но раздумывать сейчас было некогда, и Петька помчался к Лёлишне. Только бы незаметно проскочить в её квартиру!

Стрелой летел он по лестнице вверх. Коленки от страха дрожали. Сердце стучало где-то в затылке.

Лёлишну он чуть с ног не сбил — она бежала навстречу, ойкнула, спросила:

— Откуда ты?

— Спрячь меня, — умоляюще прошептал Петька, — быстро-быстренько. Без разговоров.

— Не могу. Дедушка куда-то ушёл.

— Ничего с твоим дедушкой не будет. А со мной знаешь что будет? Давай я у вас жить стану? Я смирный. Меня кормить побольше, а больше мне ничего не надо.

— Не болтай глупостей, — торопливо и сердито сказала Лёлишна. — Сейчас же, немедленно иди домой. Там же волнуются. Тебя милиция ищет. Вот что ты натворил, Пара несчастная!

— Не обзывайся!

— Первый раз обозвала! Потому что довёл всех!

— Ну и ладно! Я лучше в милицию пойду! Пусть судят. Пусть куда-нибудь садят. Хоть отосплюсь!

— Иди домой!

— Не пойду!

— Иди, тебе говорят!

— Не пойду!

— Так ведь попадёт же тебе!

— Вот именно! Поэтому и нету мне никакого смысла хорошие поступки делать! Одно мне в жизни осталось: спрятаться бы куда-нибудь и носа оттуда не высовывать!

— Петя, — почти ласково сказала Лёлишна, — иди. А вечером в цирк пойдём.

— Сейчас мне такой цирк будет, — прошептал Петя, — тут-то я и погибну. Прощай.

И он пошёл навстречу своей нелёгкой судьбе.

А Лёлишна побежала искать своего дедушку, который чувствовал себя феноменально здоровым.

Пятнадцатый, если не ошибаюсь,

номер нашей программы.

На арену действия

вновь прорывается дедушка

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ

ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ!

Номер заканчивается плачевно

Действительно, дедушка чувствовал себя настолько хорошо, что забыл обо всём, особенно о том, что ему нельзя волноваться и много двигаться.

Он погулял вокруг дома, поразмышлял о том, кто и за что будет его пороть, как обещала Сусанна, и пришёл к футбольному полю.

Сначала он следил за игрой довольно спокойно, но игра была настолько азартной, что дедушка незаметно для себя увлёкся, разволновался и вскочил со скамейки, на которой собирался отдохнуть с полчасика.

И — уже размахивал руками.

Подпрыгивал.

Кричал:

— Давай, давай!

Дедушка уже бегал вдоль поля вместе с командой, которая наступала, причём бегал так быстро, словно ему дали пасовку для удара по воротам.

Отобьют атаку, перейдут в наступление, и дедушка — обратно, с той же скоростью. В другую, конечно, сторону.

— Давай, давай!
И дедушка выбежал на поле.
И бросился к мячу.
И вдруг услышал:
— Давай, дедушка, давай!
И он

ка-а-ак
даст
по
мячу!!!

И, шатаясь, направился к скамейке.

«Всё ясно, — подумал он, — доигрался. Один — ноль в пользу «Скорой помощи».

А к нему уже бежала Лёлишна.

Стыдно стало дедушке за своё поведение.

Он держался рукой за сердце и старался дышать ровно.

— Ничего, ничего, — проговорил он, когда внучка подбежала, — сейчас пройдёт. Неудачно ударил и...

— Сиди, сиди, — попросила Лёлишна. — Ребята, сбегайте кто-нибудь к телефону, вызовите «Скорую помощь». Быстро!

Несколько мальчишек убежали, а остальные окружили скамейку.

На глазах Лёлишны были слёзы, но она говорила спокойно, укладывая дедушку:

— Полежи немного. Ничего особенного. Всё в порядке. Всё хорошо.

— Я не виноват, — прошептал дедушка, — я увлёкся.

— Он здорово болел! — восторженно подтвердили ребята. — Мы думали, что он футболист-пенсионер. Конечно, он промазал, с кем не бывает? Но болел правильно. Законно!

Машина «Скорой помощи» подъехала прямо к футбольному полю.

Врач знал дедушку и сразу скомандовал:

— Носилки!

Ребята помогли отнести дедушку домой.

Когда врач сделал всё, что требовалось, то позвал Лёлишну на кухню и спросил:

— Как же так получилось? Ведь ты прекрасно знаешь...

— Знаю я, знаю! — прошептала Лёлишна. — Первый раз я оставила его без присмотра. И он сразу сбежал. А потом я забыла. Я ведь тоже устаю.

— А я тебя и не ругаю. Была в домоуправлении?

— Несколько раз, — Лёлишна тяжело вздохнула. — Там сидит товарищ Сурков. — И призналась: — Я его боюсь. По-моему, его все боятся.

— Ничего, ничего, найдём управу и на товарища Суркова. Завтра я ещё раз схожу в горздравотдел. Вам обязательно нужно переехать на первый этаж.

Закрыв за врачом дверь, Лёлишна вернулась в комнату.

И увидела на столе бумажку. На ней было написано: «На два лица». Это был пропуск в цирк — для неё и для дедушки.

«Так я и знала, — горестно подумала Лёлишна. — Одно лицо будет лежать, а другое — за ним ухаживать».

— Ты обязательно пойдёшь в цирк, — сказал дедушка, словно угадав её мысли. — Пойдёшь, а я тебя здесь подожду. Спокойно подожду. И ты мне потом всё расскажешь.

— Ты мне дороже всякого цирка, — сказала внучка, — туда можно сходить и в другой раз.

— Да я же совершенно здоров. Ещё несколько минут, и я на своих двоих, то есть на ногах. И если ты не пойдёшь в цирк, у меня от огорчения опять что-нибудь случится.

— Вот что, — строго проговорила Лёлишна, — лежи и не рассуждай ни о каком цирке.

— Есть, — грустно отозвался дедушка, — есть лежать. И не рассуждать. Ни о каком цирке. А всё же я бы на твоём бы месте бы обязательно бы пошёл бы! В конце концов, ты просто ставишь меня в неловкое положение. Ведь ты не идёшь из-за меня?

— Я не иду не из-за тебя, а из-за твоего плохого здоровья.

— Но я виноват в том, что не слушался тебя!

— Ты виноват в том, что до сих пор не слушаешься меня.

Дедушка лежал с таким оскорблённым видом, словно по вине Лёлишны не смог сегодня пойти в цирк.

А она пошла на кухню варить ему манную кашу и тихонько напевала:

Не везёт, не везёт,
Это так ужасно,
А вот если бы везло,
Было бы прекрасно...

Думаю, что вы с этим согласитесь.

*Объявляем следующий номер —
самый короткий в нашей программе.
Погасите свет! Полная темнота!
Начали!*

Петьку посадили в чулан.

Если бы там можно было хотя бы повернуться, мальчишка бы изловчился и попрыгал от радости.

Но повернуться было нельзя, и он радовался неподвижно.

Ведь ему, можно сказать, не попало. Чего-то там ему наговорили, накормили и закрыли в чулан.

Вот и всё!

Кто другой на его месте и расстроился бы, а Петька — нет. Ни капельки!

Посидит-посидит, поспит-поспит — выпустят, а он в цирк убежит. И не поймаете!

Но радовался Петька недолго. Вернее, даже и не успел порадоваться.

Вдруг — ни с того ни с сего — радостное настроение улетучилось без остатка.

В сердце забрался страх!

«ПОЧЕМУ НЕ ПОПАЛО? — пронеслось в голове. — Почему даже не ругали толком? Почему даже по одному месту не наподдавали?»

И Петька понял: не попало, но ПОПАДЕТ, да ещё как!

Виктор мыл посуду.

Такой у них дома был порядок: посуду мыли все. По очереди. Кроме кота Паровоза. Он был освобождён от этого важного дела ввиду своей полной несознательности.

Не скоро Виктор привык к такому обычаю, но привык. А когда привык, то это дело для него особого труда уже не представляло. Конечно, мальчишки (да и девчонки) сначала дразнили, но потом тоже привыкли и перестали дразнить.

Зато и выгода от такого обычая была немалая. После того как ты сам, один, в порядке живой очереди, без напоминаний вымыл посуду, ты уже вроде бы как взрослый человек. И никто уже не скажет тебе вслед:

«Только не бегай, не дерись, носик вытирай платочком, переходя улицу, оглянись по сторонам, не обижай девочек...»

Нет, ты спокойно говоришь:

— Я пошёл.

И уходишь.

А если и спросят тебя, когда вернёшься, то ведь и папу об этом спрашивают.

Но Владик (то есть бывший Головешка) смотрел на Виктора как на чудо морское; не выдержал и спросил:

— За что это тебя они?

— Чего, чего? — не понял Виктор. — Кто — они? Что — за что?

— Так ведь позор! Посуду-то мыть!

— А, вот ты о чём. А у вас кто посуду моет?

— У нас тётя Нюра. Соседка.

— Ей, видно, делать больше нечего?

— Как — нечего? — возмутился Владик. — У них семья большая. Просто она мать жалеет.

— А ты?

— Чего — я?

— А ты мать жалеешь?

— Чего-то ты меня путаешь, — подозрительным тоном проговорил Владик. — Мать — это одно. Посуда — это другое. С чего это я, мужчина, посуду мыть буду? Засмеют.

— Дармоед ты, — спокойно сказал Виктор. — И всё

у тебя в голове перепуталось. Как говорится, мозги с картошкой. Или чернила с маслом.

— Обзываешься опять?

— Ты сам обязан о своей маме заботиться, а не тётя Нюра. Ты ведь единственный мужчина в семье...

— А ведь точно! — изумился Владик. — Единственный мужчина, — с гордостью повторил он. — Я матери скажу, вот обрадуется, вот...

— Мама у тебя в беду попала, а ты на чужую тётю надеешься.

— Не надеюсь я на неё! — с возмущением крикнул Владик. — Наоборот совсем. Уж лучше бы она к нам и не ходила. Она... она святая.

— Святых не бывает, — сказал Виктор.

— Конечно, не бывает. А она говорит, что она святая. Потому что о нас заботится. Говорит, что подвиг совершает.

— Эх, ты! — воскликнул Виктор. — Зачем же ты свой подвиг другому отдаёшь? Сам его совершай.

— Подожди, подожди, — попросил Владик, — подумать надо.

Он включил, сами понимаете, свою мозговую систему на полную мощность. Такой нагрузки она ещё никогда не испытывала.

Виктор мыл посуду и не мешал ему думать.

И пока он думает, я расскажу вам, что же с ним происходило.

Вы, конечно, знаете, что почти все люди — 9999 из 10 000 — прекрасно понимают, что такое хорошо и что такое плохо.

Но кое-кто (не будем считать, сколько) забывает, что такое хорошо и что такое плохо. Или делают вид, что забыли. Ну, к примеру, вряд ли найдётся человек, который считает, что руки мыть вредно. А ходить может с грязными руками.

А вот Владик был тот самый 1 из 10 000, который не всегда даже знал, что такое хорошо и что такое плохо. Ему ещё надо было всё объяснять да объяснять.

— Я, брат, не как некоторые, — гордо сказал он после молчания, — которые раз-два и сообразили. Мне суток трое надо.

— Думай, думай, никто тебя не торопит. Только учти,

что, пока ты думаешь, тётя Нюра все твои подвиги совершит. — Виктор кончил вытирать посуду. — Ни одного тебе подвига не оставит.

Опять Владик был вынужден включать мозговую систему: на такую мощность включил, что голова заболела.

*Выступает Хлоп-Хлоп!
В номере принимает участие
милиционер Горшков!*

Нельзя сказать, что дежурство в цирке доставляло Горшкову много хлопот.

Другой милиционер на его месте радовался бы.

Но так как Горшков цирка не любил, то пребывание в нём воспринимал как муку и наказание.

Здесь всё его раздражало и даже пугало. Горшков чувствовал, что почти на каждом шагу притаилось что-то.

Что?

Беда?

Опасность?

Или просто подвох?

Он не мог смотреть на очереди у касс. Зато все, кому не досталось билета на сегодня, с завистью поглядывали на Горшкова: вот, мол, счастливчик — он-то посмотрит представление.

И я не берусь описывать состояние бедного милиционера, когда он узнал, что сегодня в цирк придёт с супругой сам товарищ майор из уголовного розыска. Тут Горшков вспомнил все неудачи своей жизни и особенно то, что его не берут работать в уголовный розыск.

В шапито направили — на посмешище!

И Горшков решил ни в коем случае не показываться на глаза товарищу майору с его супругой.

Чтоб не видел товарищ майор его позора!

В довершение всего Хлоп-Хлоп стащил у Горшкова фуражку. Поймать мартыша не успели.

А он повесил фуражку под самым куполом, уселся на трапецию и даже там ухитрился сам себе поаплодировать.

Горшков яростно засвистел в свисток, но это только развеселило Хлоп-Хлопа. Он послал милиционеру воздуш-

ный поцелуй и напялил фуражку на свою голову, которую считал очень умной.

— Не обращайтесь на него внимания, — посоветовали рабочие, — поиграет и отдаст. Или случайно выронит.

Но милиционер без фуражки — не милиционер, и Горшков крикнул:

— Прекратить безобразие! Отдать мне головной убор!

Мартыш показал ему язык, и Горшков отправился к Эдуарду Ивановичу.

Тот посоветовал:

— Скажите ему: «Ай-я-яй». Ему станет стыдно, и...

— Вам должно быть стыдно, гражданин с группой дрессированных львов и мартышкой! — почти крикнул разгневанный Горшков. — Если мартышка не понимает, то вы-то должны понимать, что...

— Скажите ему «ай-я-яй», — спокойно посоветовал укротитель.

Мысленно ругая цирк, циркачей, всех зверей и всех укротителей, а может быть, и проклиная их, Горшков вернулся на манеж и прогремел:

— Ай-я-яй!

Мартыш виновато запищал и бросил фуражку вниз.

«Соображает, — подумал милиционер. — Животное, а сообразило!»

Он отряхнул фуражку, водрузил её на голову и немного успокоился. Однако про себя он отметил, что бдительность надо усилить раза в два с половиной, иначе любящая мартышка лишит твой мундир чести.

И только успел он об этом подумать, как сзади грохнул выстрел. Мгновенно пригнувшись, Горшков резко обернулся, чтобы броситься вперёд...

— Что-то у меня с пистолетом неладное, — сказал Григорий Васильевич, — осечки даёт. Не поможете?

— Помочь можно, — передохнув, ответил Горшков. — Но вы больше без предупреждения выстрелы не производите.

— Это ещё ничего. — Григорий Васильевич усмехнулся. — Во время своего номера я из пушки бабахаю. Смотреть придёте?

— Я здесь не фокусы смотреть поставлен, — ответил Горшков, — а охранять порядок. Одним глазом, конечно,

взгляну. Вы учтите, что сегодня на вас смотреть товарищ майор с супругой придут. Не подкачайте.

— Постараемся. Но если ещё и вы смотреть будете, то сил не пожалеем! — И, рассмеявшись, Григорий Васильевич ушёл.

А Горшков вышел на улицу и поморщился: у касс толпился народ.

*Представление продолжается.
Выступает Сусанна Кольчикова
в оригинальном, но нечестном жанре:
ненадолго превращается
в Лёлишну Охлопкову*

Чтобы не волновать дедушку, чтобы он не вспоминал о цирке, Лёлишна решила кому-нибудь отдать пропуск.

Она прибежала к Сусанне, обо всём ей рассказала.

Злая девчонка от радости завизжала.

— А отпустят тебя? — спросила Лёлишна.

— Меня? Ха-хи-хе! И ещё хо-хо! Ты спроси: разрешу ли я им не отпустить меня? А что значит «На два лица»? Можно вдвоём? Можно старое лицо взять? Тогда я прихвачу одну из бабушек. Самую послушную. Младшую. Она сегодня пенсию получила. Значит... — Сусанна захихикала, потирая ручки.

Медленно поднималась Лёлишна на свой пятый этаж. Сердце колотилось громко, не потому, что подъём был тяжёлый, а потому, что тяжело было даже подумать, что вместо неё и дедушки в цирк пойдёт Сусанна с младшей бабушкой, самой послушной.

Её чуть не сбил с ног Петька.

— А я тебя искал, — торопливо сообщил он, не ожидая вопроса. — Меня в чулан запирали, решили из дому не выпускать. Никогда. Ни за что. До конца моей жизни. Но я убежал. Ух и попадёт мне потом! А ты чего?

— Ничего, — ответила Лёлишна. — А ты зря убежал. Опять все будут волноваться. Нельзя же так!

— Конечно, нельзя, — согласился Петька. — Но меня тоже не понимают. Вот ты можешь дома сидеть, когда цирк выступает, а я не могу. Понимаешь, не могу. Не

потому, что я плохой такой немазанный, сухой, а потому, что не могу! Меня туда тянет. Будто там магнит, а я болванка железная! Смотри! — Он взмахнул руками и умчался вниз по лестнице,

прыгая
через
три
сту
пень
ки.

Лёлишна вернулась домой. Дедушке в это время надо было немного поспать, а он не мог заснуть.

Ему было очень грустно, хотя в руках у него была весёлая книжка.

Но Лёлишна знала, что нужно делать, чтобы дедушка заснул: нужно было спеть колыбельную песенку.

Её Лёлишна придумала сама. Она села перед кроватью, на которой лежал дедушка, и тихонько запела:

А в январе — январь,
В феврале — февраль,
В марте — тоже март,
В апреле — апрель,
В мае — тоже май,
В июне — июнь,
В июле — июль,
В августе — август,
В сентябре — сентябрь,
В октябре — октябрь,
В ноябре — ноябрь,
В декабре — декабрь...

И хотя в слове «август» ударение получалось неправильное, дедушка засыпал.

Оставим их. Пусть отдыхают, пока не настанет пора снова вступить в действие.

А Петька, выскочив из подъезда, увидел Сусанну.

И восхищённо сплюнул.

Злая девчонка была разодета так, что даже туфли на высоких каблуках у неё были!

— Куда это тебя приготовили? — спросил Петька.

— В цирк, — ответила Сусанна. — У меня пропуск на две физиономии.

— Иди ты своей дорогой, хулиганский мальчишка, —

сказала младшая бабушка. — И не приставай. А ты ему не отвечай, Сусанночка, солнышко моё драгоценное.

Петька зло сплюнул и двинулся за ними следом.

Бабушка через плечо косилась на него, не выдержала, остановилась и спросила:

— Почему ты нас преследуешь?

— Да нам по дороге просто. Вы в цирк, и я в цирк. Дважды два — четыре.

— Дважды два действительно четыре, но это не даёт тебе права преследовать нас. Иди своей дорогой. Я не уверена, что ты не выкинешь какой-нибудь безобразный или даже неприличный трюк.

Обиделся Петька до того, что хотел сказать старушке что следовало бы, да не стал.

Перешёл он на другую сторону улицы и зашагал себе, никому не мешая. Было ему, честно говоря, не так уж и весело. Забыть он не мог, ЧТО ждёт его сегодня дома. И жалеть уже начинал о своём поведении...

Да ещё надо было придумать, как проникнуть в цирк.

У шапито — будто праздник, так много народу.

Петька решил пристроиться за Сусанной: пока её будут разглядывать, он прошмыгнёт в зрительный зал какмышь.

Но то, что произошло дальше, повергло его в ярость и изумление.

Он остолбенел.

Едва только тётеньки-контролёрши увидели у Сусанны пропуск, как воскликнули:

— Проходите, проходите! Рады, ах, как мы рады вас видеть!

И даже публика чуть-чуть отступила от прохода.

— Какая хорошая девочка! — говорили тётеньки-контролёрши. — Какая замечательная девочка! А где твой дедушка?

— Здесь я, — ответила бабушка, — только я не дедушка, а наоборот.

Тётеньки-контролёрши удивились немного, но сказали:

— Проходите, пожалуйста, сюда, налево, первый ряд.

Петька упустил удачный момент, надо было искать другого случая проникнуть в зрительный зал.

Мальчишка стоял в стороне и возмущённо думал: «Ну что за жизнь? Сусанну встречают с почётом, а меня даже

без почёта не пускают! Когда же это кончится! Скоро эта килька томатная автографы раздавать будет!»

Чуть не зарыдал Петька, когда стало ясно, что без билета в цирк не проникнуть. Ни за что. Даже ни за какие. Если бы и деньги были, всё равно не проникнуть — билетов-то не было.

А тётеньки-билетёрши работали как милиционеры: мышонку мимо них не проскользнуть незамеченным.

Первый звонок.

Петька запереступал ногами.

Обежал вокруг шапито.

Снова вернулся к входу.

И решил, что нагнёт голову и бросится вперёд, как грозный зверь, и даже зарычит...

— Пара, ты откуда взялся?

Это подошёл Виктор с незнакомым мальчиком в берете.

— Из дому взялся, — ответил Петька. — Кончилось моё знаменитое путешествие. В чулане отсидел. Опять сбежал. А билета нет.

— А это видал? — И Виктор показал ему пропуск. — На три лица. Вот втроём и пройдем.

Петьку будто в холодильник сунули — дрожь его пробила, он спросил еле слышно:

— Да ну?

— Идём, идём.

Петька еле удержался, чтобы от страха не зажмурить глаза.

А вдруг...

Но — пропустили!

Пропустили!

Но это было ещё не всё счастье. Петька-то куда, по-вашему, сел?

Сел он в первом ряду, в первом!

Рядом со злой девчонкой!

— А ты как сюда попал? — спросила Сусанна.

— Законно, — ответил Петька нежным голосом, — по всем правилам.

— Ты разве тоже лицо?

Но Петька от счастья даже поперхнулся и не смог ответить, а только кивнул.

— А вот как ты сюда проникла? — спросил Виктор.

— Не разговаривай с ними, деточка, — сказала бабуш-

ка, — скоро их выведут. Они хулигански заняли чужие места.

Хотел Петька сказать ей что следует, но не сказал.

— Эскимо! Эскимо! Кому эскимо?

— Сюда! Сюда! Мне! Мне! — закричала Сусанна. — Две штуки! Две штуки! Бабусенька, покупай быстрее! Ты сегодня пенсию получила! Две штуки! Мне одной две штуки!

Бабушка сняла серебряные бумажки с обеих мороженок, а злая девчонка начала есть сразу две, гордо поглядывая на мальчишек.

И причмокивала на весь цирк.

Мальчишки отвернулись.

Второй звонок.

Они заёрзали и затолкались.

Вдруг подходит дяденька в цирковой форме и спрашивает у Сусанны:

— Тебя звать Лёля?

— Что вы! — возмущённо отозвалась бабушка. — Её зовут Сусанночка. И не спрашивайте, где дедушка. Я бабушка.

— А Лёлишна с дедом не придут, — весело сообщила Сусанна. — Он заболел, спасибо ему за это, и ей нельзя выходить из квартиры. Она меня послала. Законно. По всем правилам. Пропуск на две физиономии. Вот!

— Понятно, — сказал Виктор, — хулигански заняла чужое место.

— Так вот почему тебя с почётом встретили, — сказал Петька.

И тут — третий звонок.

И Петьку от удовольствия и счастья приподняло с сиденья.

И опустило обратно.

На мгновение почти погасли лампы и тут же ярко вспыхнули. Грянул оркестр.

Мальчишки в такт музыке притопывали ногами.

Началось цирковое представление.

*А в нашей программе
начинается следующий номер.*

Называется он

«СКОРОСТНАЯ ПОМОЩЬ».

*Исполняют его наездница Эмма
и Григорий Васильевич на лошади*

АРИЗОНА

Артисты — товарищи Эдуарда Ивановича — решили сделать всё, чтобы Лёлишна сегодня побывала в цирке.

Вызвать такси не удалось. Просьбу могли удовлетворить только часа через два.

И, как назло, шофёров цирковых автобусов отпустили до конца представления.

— Через полчаса девочка будет здесь, — сказала наездница Эмма. — Аризона свободна.

— Седлай Аризону, — приказал Эдуард Иванович. — А я пойду договорюсь с директором.

Аризона — старая цирковая лошадь. Она уже не выступала, была уже обыкновенной лошадью, на ней просто ездили.

И вот из ворот служебного дворика красиво выбежала серая, в тёмных пятнах-яблоках лошадь.

А на ней Григорий Васильевич и Эмма.

Копыта Аризоны звонко зацокали по асфальту в тот самый момент, когда прозвенел третий звонок.

Прохожие останавливались и глазели на всадников.

Милиционеры от удивления брали под козырёк.

Аризона бежала, как привыкла бегать по арене, — быстрым ровным шагом, лебедино выгнув шею.

У дома Лёлишны Эмма натянула поводья.

Аризона остановилась, словно сказочный конь. Казалось, что вот-вот из её трепетных ноздрей вылетит пламя. Она переступала ногами, как бы пробуя прочность асфальта.

Все жильцы смотрели во все глаза из всех окон.

Григорий Васильевич уже стучался в квартиру на пятом этаже.

Разгорячённая бегом, необычной обстановкой, чувствуя на себе десятки восторженных взглядов, Аризона, видимо,

вспомнила молодость — как она выступала в цирке. Она не могла стоять на месте — пританцовывала.

Изумлённая Лёлишна остановилась на крыльце.

— Садись! — коротко сказал Григорий Васильевич и помог ей взобраться на лошадь.

— Алле! — приказала Эмма.

Аризона зацокала копытами.

И все жильцы изо всех сил замахали всеми руками из всех окон.

Григорий Васильевич вернулся к дедушке.

Аризона красиво и гордо бежала по вечернему городу, и не она боялась автомобилей, автобусов, троллейбусов и трамваев, а шофёры, водители и вагоновожатые удивлённо тормозили, увидев маленьких всадниц.

Лёлишна крепко держалась за Эмму.

Было и страшно, и весело, и ещё как-то.

На одном из перекрёстков милиционер пропустил их даже на красный свет.

И конечно, откозырял.

А когда проезжали мимо большого кинотеатра, выходявшие из него зрители зааплодировали.

А старичок один помахал шляпой и крикнул:

— Брависсимо!

А дяденька один крикнул:

— Сила!

А другой дяденька от радости до того растерялся, что потребовал:

— Шай-бу! Шай-бу!

И опять, видимо вспомнив свою молодость, Аризона остановилась и опустилась перед зрителями на одно колено — спасибо вам!

И ни одна машина не объехала её.

Все шофёры затормозили и двинулись вперёд лишь вслед за необыкновенной лошадью.

На цирковом дворике девочек встретил взволнованный Эдуард Иванович. Он помог им слезть и обнял Лёлишну.

— Идём, идём, — позвал он. — А ты, Эмма, сразу после номера за Григорием Васильевичем.

— Не беспокойтесь, — сказала Эмма, — всё рассчитано.

Все зрители увидели, как в проходе появился седой человек в халате — а потом все узнали в нём укротителя

львов, — приставил к первому ряду стул и усадил на него обыкновенную девочку, с обыкновенными косичками, в обыкновенном ситцевом платице.

И все зрители, конечно, подумали: а кто же она такая, за что ей такой почёт?

И ещё — позавидовали.

А тут начался

**ОДИН ИЗ САМЫХ
ИНТЕРЕСНЕЙШИХ НОМЕРОВ
НАШЕЙ ПРОГРАММЫ!**

С участием Петьки-Пары,

Головешки, Горшкова

и злой девочки Сусанны Кольчиковой!

Эх, не зря боялся Горшков цирка, не зря усиливал бдительность, не зря почти на каждом шагу ждал подвоха!

Вот он осторожно вошёл в зрительный зал, чтобы случайно не попасть на глаза товарищу майору с супругой, а самому чтоб взглянуть: нравится им или нет?

Хорошо бы — если бы не нравилось! Тогда бы после представления подошёл бы Герцков и сказал бы:

«Теперь вы меня поймёте, товарищ майор. Каково мне здесь».

«Понял, Горшков, понял, — ответил бы товарищ майор. — Бросай ты этот цирк немедленно и приходи работать ко мне, в уголовный розыск. Ты человек серьёзный, и не к лицу тебе цирковые штучки».

Горшков улыбнулся своим мыслям, окинул взглядом зрительный зал и...

Протёр глаза.

«Задави меня грузовик, — подумал он, — если это не Головешка! Нет, не Головешка! Нет, Голове... нет... но...»

Но тут милиционер увидел Петьку. Того самого, который вчера исчез из дому и которого не могут найти. (Не знал он, что в милицию уже сообщили о возвращении Петьки домой.)

Кончился номер, следующий ещё не объявили.

Оркестр заиграл весёлую польку.

И Горшков шагнул через барьер.

На арену.

А Петька и Владик, вдруг увидев идущего прямо к ним милиционера, как люди, всегда в чём-нибудь виноватые, бросились бежать.

В разные стороны.

Вдоль барьера.

Горшков дунул в свисток так, что чуть не заглушил оркестр.

Публика дружно захохотала, подумав, что это — очередной клоунский номер. (Вы же помните, что Горшков был не меньше двух метров ростом, и его погоня за мальчишками никем всерьёз не воспринималась.)

Бежать между барьером и первым рядом — значит, бежать по ногам зрителей.

И мальчишки вспрыгнули на барьер.

Они мчались навстречу друг другу.

А милиционер уже расставил руки, намереваясь схватить обоих враз.

Если бы Петька и Владик стукнулись лбами, лбы у них треснули бы.

Поэтому мальчишки спрыгнули на арену и — два носа к одному — столкнулись с Горшковым.

И нырнули — проскочили у него между ногами.

Милиционер озирался: куда исчезли беглецы?

Публика хохотала так, что было слышно на другом конце города.

Тётеньки-контролёрши знали, что идёт не номер, а настоящая погоня.

И они стали помогать Горшкову: не давали мальчишкам убежать с арены.

А зрители подбадривали мальчишек возгласами.

Горшков трёхметровыми шагами носился за Петькой и Владиком.

То в одну сторону бросится, то

..югурд в

Цирк!

И неизвестно, сколько бы времени всё это продолжалось, если бы не Сусанна.

Сначала она просто кричала, визжала и подпрыгивала на сиденье, а потом не выдержала.

Перескочила через барьер.

И подставила Петьке ножку.

А Горшков поймал за шиворот Владика.

А Сусанна, восторженно хихикая, взяла за шиворот бедного Петьку.

Аплодисменты, как говорится, грянули.

А когда через барьер перелезла младшая бабушка, зрители подумали, что сегодня их решили ухотать.

Горшков увёл ребят за кулисы. Бабушка увела Сусанну на место. Публика ещё долго не могла успокоиться.

И Виктор с Лёлишной не могли успокоиться. Им не терпелось узнать, почему милиционер устроил погоню, которую зрители приняли за очень смешной номер.

*В цирке антракт,
но нам с вами, уважаемые читатели,
отдыхать некогда.
Нам надо узнать,
что происходит за кулисами,
куда милиционер увёл ребят*

Что же происходило за кулисами?

Там происходил смех.

Один Горшков стоял невозмутимый, скорбный, держа мальчишек обеими руками за плечи.

Между нами говоря, он до сих пор не знал, зачем он ловил Владика.

А Владик не знал, зачем он убегал.

— Вы прирождённый комик, — сквозь смех сказал Эдуард Иванович.

— Я прирождённый человек, — возразил Горшков, — по профессии милиционер. А вы из меня клоуна сделали.

Тут прибежали Лёлишна с Виктором, и все недоразумения были выяснены.

— В общем и целом, — мрачно произнёс Горшков, — здорово получилось. А в первом ряду товарищ майор с супругой сидит. Понимаете? Если меня уволят из милиции, — голос его дрогнул, — одна мне дорога осталась — в клоуны. И всё из-за вас!

— Вы ни в чём не виноваты, — сказала Лёлишна, — вы просто выполняли свой долг.

— И мы свой долг выполняли, — сказал Владик, —

убегали сколько могли. А то, что посмеялись над нами, не беда.

— Смех — дело полезное, — добавил Петька.

— Смотря для кого, — возразил милиционер. — При исполнении служебных обязанностей смеяться нельзя. Пойду товарища майора спрошу, какого он теперь обо мне мнения.

Когда он ушёл, ребята рассмеялись — не над ним, конечно, а просто так, весело им было потому что.

В клетках порывивали львы, будто волновались перед выступлением, как артисты.

Вереждали и пронзительно вскрикивали попугаи.

Мимо сновали артисты в ярких костюмах.

Рабочие проносили или катили какие-то диковинные сооружения, странные предметы.

Прибежала Эмма, протянула ребятам эскимо — каждому по штуке — и сказала:

— Это вам от Эдуарда Ивановича. Я выступаю сейчас первой, потом поеду сидеть с дедушкой, а Григорий Васильевич приедет сюда.

— Смотри с лошади не грохнись, — проговорил Владик и покраснел.

— Это исключено, — ответила Эмма и, помахав рукой, убежала.

Ребята пошли в зрительный зал, где и увидели

*Самый потрясающий номер
нашей программы!
Смертельный трюк! ЗАТРЕЩИНА!
Барабаны, дробь!*

— Противная бабка! Самая противная бабка на свете! Больше ни разу не возьму тебя с собой в цирк! — сквозь зубки цедила Сусанна.

А бедная младшая бабушка, самая послушная, вытирала слёзы.

Ребятам стало неловко и стыдно за злую девчонку.

— У тебя совесть есть? — спросил Виктор.

— А тебя не спрашивают! А тебя не спрашивают! Вам хорошо: вы мороженое едите! А эта противная бабка

больше мне не покупает! Денег жалеет! А сама пенсию сегодня получила! У-у-у, нисколько не люблю тебя, про-про-противная!

— Да, солнышко моё миленькое, нет у меня с собой больше денег...

— Жадина! Жадина! Жадина! Говядина!

И тут ребята протянули руки.

Виктор — на!

Лёлишна — на!

Владик — НА!

И даже Петька — НА, щука бесхвостая!

Все отдавали злой девчонке свои эскимо.

А она замахнулась...

И как ударит по Петькиному мороженому...

И не успел Петька ничего сделать, даже сообразить ничего не успел, как младшая бабушка, самая послушная, встала.

Ох, что сейчас будет...

Младшая бабушка, самая послушная, дала единственной, любимой, с музыкальными способностями внучке такую ЗАТРЕЩИНУ, что Сусанна втянула головку в плечики.

Да ещё закрыла глазки.

Да ещё прикрыла головку ручками.

Казалось, во всём цирке наступила тишина.

— Надоело, — сказала бабушка. — Всему, даже любви, есть предел. Марш за мной!

И бабушка направилась к выходу.

— Ба-ба-бабуленька... — всхлипнула злая девчонка и двинулась за ней следом.

— Наконец-то, — проговорил Петька, — за такое дело и эскимо не жалко.

Ребята по-братски разделили мороженое, заработали языками и ждали начала второго отделения.

А Лёлишна сказала:

— Кончилась у Сусанны счастливая жизнь. Сейчас её начнут воспитывать.

— Да пора бы уж, — сказал Петька. — Дрессировщика специального для неё нанять надо да кормить перестать.

— Что же сейчас с ней происходит? — весело спросил Виктор.

А на улице происходило следующее.

Бабушка шла не оглядываясь, не обращая внимания на просьбы внучки пожалеть, простить, не сердиться, хотя бы — остановиться.

Устав ковылять в туфлях на высоких каблуках, Сусанна сняла их и несла в руках — вот была картина!

Люди только диву давались, глядя на неё.

Хорошо ещё, что обескураженная Сусанна не орала на всю улицу, как обязательно сделала бы раньше.

К тому же она просто боялась идти домой, словно догадывалась, что младшая бабушка, бывшая самая послушная, задумала что-то ужасное.

Надо вам сказать, что я не случайно употребил слово **ЗАТРЕЩИНА**. Это был не какой-нибудь там шлепок или лёгкий подзатыльник, а настоящий удар.

Им бабушка словно отомстила злой внучке за все её капризы и издевательства сразу.

Сдаваться, между нами говоря, младшая бабушка не собиралась. И если бы сейчас Сусанна попробовала бы безобразничать, то получила бы удар ещё сильнее.

И внучка чувствовала это.

Она и не пыталась запугать бабушку, как обязательно сделала бы раньше.

Она пыталась разжалобить.

— Бабуленька, — слабым голосом позвала внучка, — я падаю. Ты слышишь? Падаю на твёрдый-твёрдый асфальт. Личиком вниз. Слышишь?

— Падай, падай, — не оборачиваясь, ответила бабушка, — падай сколько тебе угодно.

— Но я же разобьюсь!

— Разбивайся.

— Потечёт кровь!

— Пусть течёт.

— А как же ты будешь жить без меня?

— Замечательно.

Тогда Сусанна обогнала её, загородила дорогу и спросила самым жалобным тоном, на какой только была способна:

— Ты ведь любишь меня?

— Нет, — ответила бабушка и пошла дальше.

— Неправда! — крикнула Сусанна. — Ты сама говорила, что меня нельзя не любить! Ты сама говорила, что я осветила твою жизнь! Бабуленечка! Бабулюсенька! Са-

мая лучшая на свете! Тебя нельзя не любить! Ты осветила мою жизнь!

Бабушка не отзывалась.

И тут Сусанну

взяла

злость.

Она, то есть Сусанна,

пошла в последний

или, вернее, в предпоследний бой.

Злая девчонка села на асфальт, застучала по нему туфлями.

И завизжала.

Но бабушка не остановилась,

не оглянулась, а

шла себе дальше.

Сусанна за ней несколько шагов пробежала на четвереньках.

Потом вскочила на ноги.

Обогнала бабушку и помчалась вперёд, уверенная, что её окликнут.

Не окликнули.

Злая девчонка обернулась, швырнула бабушке под ноги туфли.

И помчалась дальше.

Ей надо было успеть домой раньше бабушки, чтобы той, младшей и послушной, досталось! Чтоб ей попало как следует!

А в это время в цирке закончилось выступление Эммы. Она быстро переоделась и вскочила на Аризону.

И поехала за Григорием Васильевичем.

*А мы с вами, уважаемые читатели,
вернёмся в цирк*

Здесь всё шло своим чередом.

Зрители то ахали, то не дышали, замирая, то аплодировали, то хохотали — всем было очень хорошо.

И ни один человек не знал, не подозревал, как страдает, сидя на пустом ящике во дворике, милиционер Горшков.

Он даже забыл, что находится на дежурстве, то есть при исполнении служебных обязанностей.

Сейчас он исполнял свои человеческие обязанности — переживал.

Ведь товарищ майор сказал ему:

— Хорош!

Как это понять? Ведь товарищ майор мог сказать прямо:

«Горшков, тебе после такого позорного клоунского выступления не место в рядах героической милиции».

Но он не сказал этого. Он сказал:

— Хорош!

Может быть, похвалил? Тогда он мог бы выразиться иначе, яснее, например, так:

«Горшков, ты выполнил свой долг. Не беда, что немного ошибся и попал в смешное положение. Хотя человек ты, безусловно, серьёзный, конечно, благодарности в приказе ты не заслужил, но твоё место, конечно, не в цирке, а в рядах героической милиции».

Во всём был виноват цирк. Тут серьёзному, нормальному человеку не место. А если судьба или служба забросила его сюда, надо усилить бдительность не в два с половиной раза, а в шесть-семь или даже восемь. Иначе такое с тобой случится, что хуже и не придумать.

Сейчас самое время объявить

У.М.С.С.

Следующий номер нашей программы

КОРОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

ГОРШКОВА!

Тут во дворике появился Григорий Васильевич.

— Почему не смотрите представление? — спросил он.

— А вас это, гражданин фокусник, не касается. Вам этого не понять.

— Зря переживаете. Ничего страшного не случилось. Все очень довольны. Всем очень понравилось. У вас есть просто артистические способности.

— Э-э-эх... — с укоризной произнёс Горшков. — Вас бы на моё место.

— Или вас на моё. — Григорий Васильевич улыбнулся и ушёл.

И ни он, ни Горшков не подозревали, конечно, что эти вот слова сбудутся.

И ещё не знал Горшков, что его несчастья, связанные с цирком, не кончились. Они только-только начались.

Самое

страшное

было впереди. Вот как

это получилось. Григорий

Васильевич появлялся на арене сле

дующим образом. Вставал за кулисами

на плоский пластмассовый круг. Помощники

включали специальное устройство. И круг

как бы сам собой плавно двигался вперёд,

на арену, — как бы плыл. И пока зрители гадали,

в чём тут дело, фокусник сходил с круга на ковёр.

А круг уплывал обратно. — Выступает Григорий Ра

китин! Фокусы и манипуляции! — Заиграл оркестр.

— Включайте! — приказал фокусник. И в это са

мое время стоявший рядом с кругом Горшков ре

шил посмотреть на товарища майора. Милиционер

шагнул. Споткнулся о край круга. Полетел впе

рёд. И столкнул фокусника с круга на пол. А

сам остался на круге, еле удержавшись на но

гах. А круг повёз его на манеж. Публика

увидела Горшкова и засмеялась. И заапло

дировала, как знакомому артисту. А он,

согнув ноги в коленях, боялся пошеве

литься. Всё тело словно застыло.

Тут Горшков увидел, что товарищ

майор встаёт. И уходит. А круг

на мгновение замер и поплыл

назад. Горшков стоял на нём

по стойке «смирно», смело

глядя перед собой, гото

вый мужественно встре

тить любую опасность,

любую превратность

судьбы, любой её

фокус. И если

бы сейчас

какая-то

неве

домая сила подбросила его вверх и ударила о землю, он бы несколько не удивился. Он перенёс бы и это.

Зрители опять же решили, что видели очередной смешной номер, с удовольствием похлопали в ладоши и стали ждать, что будет дальше.

А дальше — появился Григорий Васильевич и начал своё выступление.

Семнадцатый номер нашей программы.

*Им заканчивается второе отделение
нашего представления*

В антракте ребята вышли подышать свежим воздухом.

А впереди осталось ещё одно отделение — выступление Эдуарда Ивановича с его хищниками.

Ребятам было уже грустно: скоро конец.

Наверное, когда-нибудь придумают так, что цирковые представления будут длиться почти без конца. И будет в них не два и не три отделения, а... (впишите цифру — сколько вам надо).

— А когда я домой приду, — сказал Петька, — там у меня будет «представление продолжается». Больше меня из дому не выпустят. До первого сентября. А потом станут только в школу выпускать. Цепь для меня купят. Буду сидеть на цепи, как барбос.

— Сам ведь виноват, — сказала Лёлишна. — Вот если бы ты сегодня не сбежал в цирк, завтра тебя уже выпустили бы.

— Он что, тоже неподдающийся? — спросил Владик.

— Вроде этого, — ответил Виктор.

— Тогда его надо на поруки взять.

— Это как? — спросили ребята.

— Очень просто, — начал объяснять Владик. — Пойти к нему домой и сказать, что вы за него ручаетесь.

— Это как? — спросил Петька.

— Отвечать они за тебя будут. Не одного тебя ругать станут, а вместе с ними. Со мной несколько раз так делали.

— И помогает? — удивилась Лёлишна.

— Помогать-то, конечно, не помогает, — честно признался Владик, — но зато удобно. Тебя, к примеру, из шко-

лы исключать надо, а класс тебя на поруки берёт. Значит, в школе остаёшься. Стоишь себе на собрании, краснеешь немножечко, но домой идти не страшно. А дальше ещё лучше. Натворишь чего-нибудь, а отличники на собрании говорят: мы недоглядели, мы чего-то там не проявили, упустили, не сумели куда-то подойти.

— Я не против! — радостно заявил Петька. — Берите, берите меня на поруки эти самые! Ни капельки не возражаю!

Виктор воскликнул:

— Он не возражает! Ты сначала нас спроси, согласны ли мы за тебя ручаться. А если ты нас подведёшь? Тогда что?

— Закопайте меня живьём в могилу! — Петька шесть раз ударил себя кулаком в грудь. — Под трамвай киньте! Троллейбусом на меня наезжайте! Грузовиком раздавите! Электросваркой на кусочки разрежьте, если я вас подведу!

— Не кричи, — остановила его Лёлишна. — Я бы с удовольствием взяла тебя на поруки. Но мне тебя на поруки не отдадут, да и ни к чему они. Ничего с тобой особенного не будет. Накормят и спать уложат.

— Так и вам ничего не будет, — сказал Владик. — Раз, два — и взяли на поруки. А дальше — каяться только. Вот и всё.

Петька взмолился:

— Возьмите! Поручитесь!

— Как же за тебя ручаться, — спросил Виктор, — когда ты без царя в голове живёшь?

— А с чего это у меня в голове царь должен быть? — возмутился Петька. — Смейтесь, смейтесь, — угрожающе произнёс он. — Вот попадёте в беду, я тогда тоже ухохочусь.

Лёлишна возмутилась:

— Да какая у тебя беда? Наоборот. Захотел — из дому убежал. Захотел — в цирк пошёл. Мороженое ел. Хохотал. Теперь немножко попадёт. И правильно.

— Последний раз спрашиваю, — грозно проговорил Петька, — берёте меня на поруки или нет? Друзья вы мне или просто так, понарошку?

— Досмотрим представление, — предложила Лёлишна, — и решим, что с тобой делать.

НА ЭТОМ
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НАШЕЙ ПРОГРАММЫ.
ОБЪЯВЛЯЕТСЯ

*Антракт
на несколько страниц,
при чтении которых вы увидите
милиционера Горшкова
в схватке с крупным преступником
по кличке Сом*

Не успел Горшков как следует погоревать о своём втором появлении перед зрителями, как рядом оказался работник уголовного розыска и сказал:

— К майору. Я с машиной.

Ни жив ни мёртв сел Горшков в «газик».

Он был уже абсолютно уверен, что сейчас его попросят удалиться из рядов героической милиции. Иначе не стал бы товарищ майор вызывать его, да ещё в такое позднее время.

И скажет ему товарищ майор:

«Горшков! Я, конечно, не являюсь твоим непосредственным начальником. Но считаю своим долгом вот сейчас, почти ночью, высказать тебе своё презрение. Как старый боец заявляю, что руки тебе не подам, встретив, а перейду на противоположную сторону улицы».

«И правильно! — чуть не крикнул Горшков, сидя в «газике», где ему пришлось согнуться в три погибели. — Весь вечер у ковра бывший милиционер, ныне клоун, — гражданин Горшков! Позор! Спешите видеть! Позор! Следите за рекламой!»

В кабинет он входил готовый понести самое суровое наказание. Любое из них он считал справедливым.

— Устал? — спросил майор.

Горшков не мог произнести ни звука, только отрицательно покачал головой.

— Дело тут одно есть, — продолжал майор, — я сам

поеду... Хотелось бы тебя с собой взять. Как ты на это смотришь?.. Да что с тобой?

— Я... всегда... го... тов... — с трудом выговорил милиционер. — Я... вам...

— Болен ты, что ли?

— Здоров, товарищ майор! — наконец-то смог выговорить Горшков. — Готов к выполнению любого задания! Рад стараться! — так громко гаркнул он, что от движения воздуха закачалась открытая форточка.

— Ну, ну! — удивился майор. — Здесь, брат, тебе не цирк.

— Виноват. Вырвалось. Больше не повторится.

— Садись и слушай. Помнишь, лет пять назад, а точнее, пять лет назад, был у нас с визитом этот подлец по кличке Сом?

— Хорошо помню, товарищ майор. Как он тогда улизнул.

— Вот-вот. Пять лет Сом не действовал. Так сказать, отдыхал. Слонялся по разным южным городам, запутывал следы. Взять его не удавалось. Что его к нам сюда обратно занесло, не понимаю. Видно, решил, что работа у нас неважно поставлена и он опять нас вокруг пальца обведёт. Сегодня выходит на дело. Понимаешь?

— Ясно! — радостно выдохнул Горшков.

— Рисковать не хочется, — продолжал майор. — Работники у нас всё молодые. А Сом опытен и очень опасен. Брать его надо наверняка. Мы с тобой рисковать будем. Согласен?

— Зачем обижать меня, товарищ майор? Зачем такие вопросы задаёте? Уж если я в цирке добросовестно службу несусь, то чего мне Сома бояться?

— Зря обижаешься. Сердце подсказывает, что трудно нам сегодня придётся. Стар Сом, нахален до невозможности. Работает грубо. И опасно. Будь готов ко всему.

Горшков встал, ответил:

— Служу Советскому Союзу.

— Надеюсь на тебя, как на себя, — сказал майор. — Иди переодевайся, там всё готово.

Скоро Горшков возвратился в кабинет переодетый в штатское. Одежда была лёгкая, удобная.

Майор сменил пиджак на спортивную куртку и шляпу на кепку.

— Посидим перед дорогой, — предложил он. — А в цирке ты меня насмешил. До слёз. Невезучий ты человек, Горшков. А цирк хорош. Жаль, не удалось досмотреть — вызвали... Ну, двинулись.

В таких случаях говорят: гора с плеч свалилась. И если эту поговорку применить к Горшкову, то у него целый горный хребет с плеч свалился.

Они вышли на улицу, свернули за угол и через несколько кварталов остановились.

Подкатило такси. Майор с Горшковым сели на заднее сиденье.

— Пятый сообщил, — чуть повернув голову в их сторону, сказал шофёр, — что все на своих местах.

— Как связь?

— Нормально.

— Довезёшь нас до поворота, а сам обратно.

— Слушаюсь.

Когда Горшкову случалось выходить на службу ночью, он всегда думал об одном и том же: какая у него замечательная профессия. И чем ему труднее, тем легче будет людям. Они иногда и не подозревают, что им угрожает опасность. Вон идут себе любуются яркими огнями...

— Горшков, — прервал его размышления майор. — Слушай. Я уже говорил, что Сом нахал страшный. Действует напролом. Наглость плюс наглость. И помощники у него — ерунда. Одного мы сегодня взяли. План у них примерно такой. Строительство завода на окраине города. Помещение бухгалтерии — деревяшка. Сейф — рухлядь. Охраны толковой пока нет. Сегодня не успели выдать всю зарплату. Сом едет один, в такси. Берёт деньги — и обратно в такси. Мы его караулим где только можно. Но боюсь — обойдёт всех. Последний пункт наш с тобой — сейф.

Они уже выехали за город.

Машина летела по шоссе в полной темноте.

— Ночь-то какая, — сказал майор, — повезло Сому... Но ничего...

Остальную часть дороги промолчали.

Машина остановилась.

— Счастливо, — сказал шофёр.

— Спасибо, — ответил майор.

Они с Горшковым вышли, дождались, когда машина развернулась и уехала, и зашагали в темноту.

Под ногами было поле.

Долго шли.

Остановились у высокого деревянного забора.

Из темноты кто-то спросил:

— Гуляете или по делу?

— Гуляем, — ответил майор, — но по делу.

— Сюда, — позвал голос, и они увидели фигуру человека. Он раздвинул в заборе две доски.

Майор пролез в отверстие легко, а Горшков с трудом.

Огней на территории строительства было мало, да и их майор обходил стороной.

Вот они подошли к невысокому деревянному зданию, похожему на барак.

Все окна были темны.

Даже вход не освещался.

Майор достал ключ, нащупал замочную скважину.

Два по

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК!

ворота — два щёлканья.

Не включая карманных фонариков, Горшков с майором вошли, спрятались за шкаф, стоявший у дверей.

В большое продолговатое окно лился мутный лунный свет. На окне была решётка, и её тень лежала на полу и на стенах.

Когда глаза привыкли к темноте, Горшков внимательно изучил обстановку.

Два сейфа стояли в дальнем углу. Пять столов, стулья, огромный диван. Бороться тут трудно — негде.

— Будем надеяться, что его возьмут по дороге, — шепнул майор.

В наиболее опасные моменты жизни человек, как известно, против своей воли начинает думать о пустяках или о том, что сейчас уже не имеет значения. Вот и Горшков думал о цирке, о неудачных своих выступлениях и о том, как хорошо теперь выглядит Владик, так хорошо, что Голловешкой его уже и не назовёшь.

Нестерпимо зачесался кончик левого уха.

Потом зачесалось под правой лопаткой.

Туго ползло время.

И вдруг чуткий слух уловил дальние звуки шагов.

Сразу стало ясно, что идёт Сом.

Он шёл походкой осторожного, напуганного зверя.

Почти неслышно.

Услышать такого зверя может только очень опытный охотник.

Майор тихонько тронул за плечо товарища: приготовились.

Горшков машинально расстегнул кобуру и, уже готовый к схватке, подумал: «Как же удалось Сому пройти все засады?»

Дважды щёлкнул замок.

Скрипнула дверь.

Сом дышал громко и прерывисто. Значит, устал и боится.

Дверь он закрывал, повернувшись к ней не лицом, а спиной.

Постоял, привыкая к темноте.

Вот Сом двинулся вперёд.

И Горшков едва не крикнул от восхищения: какая походка! Не походка, а походочка! Большой, грузный, а идёт легче балерины. Кошка! Кошечка!

Горшков широко раскрыл пересохший рот: стало трудно дышать от волнения.

Майор тронул его за локоть.

Вспыхнули два фонарика, направленные в затылок преступника.

Сом нырнул

ВТОРОЙ ЗВОНОК!

л под стол.

Пригнувшись, Горшков бросился к нему.

Выстрел.

Тут же фонарик майора погас.

Свой фонарик Горшков отбросил.

И что было сил пнул под стол.

— А-а-а! — дико закричал Сом.

Опять выстрел.

Горшков нырнул под стол, весь сжавшись, упал на Сому, схватив его руку с пистолетом.

И придавил к полу — не вырваться, не пошевелиться.

— Товарищ майор! — позвал Горшков. — Как вы?

— Живой...

Вспыхнула лампочка под потолком.

Майор стоял, с трудом держась на ногах. Лицо и грудь были в крови.

— Оглушило, — сказал он, — и лоб царапнуло.

Горшков проверил карманы, всю одежду и обувь Сомы, положил на стол пистолет и инструменты для взламывания сейфа.

Сом лежал не двигаясь, не открывая глаз, держась рукой за бок.

— Это я, «Первый», — сказал майор в телефон, — всё в порядке. Ждём. Вызовите врача.

А Горшков смотрел на этих людей — оба седые, оба усталые, оба раненые. Один всю жизнь истратил на то, чтобы приносить людям зло, другой — добро.

— Ловко, — прохрипел Сом и, морщась, сел, прислонился спиной к дивану. — Хорошие у вас кадры-кадрики.

— Да, — ответил майор, — не то что у вас. А помнишь, лет этак тридцать назад, я тебя в первый раз взял?

— А помнишь, лет этак пять назад, я от тебя ушёл? — спросил Сом.

— И пулю мне в ногу оставил. Помню. И вот наша с тобой последняя встреча. Больше тебе на волю не выйти, старик.

— Знаю, знаю, — хрипло проговорил Сом, — на поруки меня никто не возьмёт. — Он усмехнулся и спросил: — Что за чертовщина?! Я ведь сейчас в цирке был. Там этого долгоязого чудака видел. Как он здесь оказался?

— Фо

ТРЕТИЙ ЗВОНОК!

кус-покус, — ответил Горшков.

КОНЕЦ АНТРАКТА.

ПРОДОЛЖАЕМ НАШУ ПРОГРАММУ.

НАЧИНАЕМ ТРЕТЬЕ —

ПОСЛЕДНЕЕ —

ОТДЕЛЕ-
НИЕ!

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

*Отделение третье мы начинаем с описания
выступления Эдуарда Ивановича
с группой дрессированных львов
и первого появления перед публикой
Хлоп-Хлопа*

Выступление Эдуарда Ивановича со львами занимало всё третье отделение.

Ребятам оно очень понравилось.

Им было и жутко, и весело. Совсем рядом — рукой подать! — свирепые львы и коварные львицы. Можно было разглядеть каждый волосок в огромных гривах. А когда звери раскрывали пасти, видно было каждый зубище.

Но Виктор переживал, пожалуй, больше всех. И если зрители видели, что с лица дрессировщика не сходит улыбка, то мальчик видел, что улыбаются у него только губы.

Публика ахала и охала.

Охала и ахала.

То замирала от страха, удивления и восхищения, то восторженно шумела.

Львы, конечно, слушались укротителя, но со злобой и неохотой. Казалось, что вот-вот кто-нибудь из них взрёт и бросится на Эдуарда Ивановича.

Бросались.

Замахивались лапой.

И — исполняли то, что он от них требовал.

Когда же на арене появился Хлоп-Хлоп, поднялся такой хохот, что его, этого хохота, мартыш испугался больше, чем диких зверей.

Ведь сегодня Хлоп-Хлоп впервые в своей жизни появился перед зрителями.

Он быстро забрался на плечо к хозяину, обнял его (то есть вцепился) и зажмурил глаза.

Львы уже привыкли к мартышу на репетициях и почти не обращали на него внимания. Он был для них всё равно что для нас, например, воробей. А некоторые львы его даже побаивались, зная, на какие хитрости и обидные проделки он способен.

Хлоп-Хлоп, как я уже сказал, боялся не зверей, а зрителей. Но боялся он так уморительно, что вызывал не жалость, а смех.

Эдуард Иванович и выпустил его сегодня только с одной целью — чтобы он постепенно привык к публике. А когда привыкнет, можно будет думать и о том, что ему делать на манеже среди львов.

И в заключение Эдуард Иванович уложил своих хищников, сделал из них этаким живой ковёр и прилёг на него отдохнуть.

Тут Хлоп-Хлоп едва не испортил номер. Сидя на плече хозяина, он немножко освоился и раз-раз — дёрнул Цезаря за гриву.

Лев уже раскрыл пасть, но Эдуард Иванович ласково потрепал его по густой шевелюре: дескать, не стоит обращать внимания.

Оркестр заиграл прощальный марш, укротитель стал раскланиваться с публикой. (Ребятам он поклонился отдельно, положив руку на сердце.)

Жалко было уходить отсюда!

Взяли бы артисты да и повторили всё сначала!

Но погасла половина ламп, и хотя вышли не все зрители, а цирк уже напоминал пустой дом, из которого уходят не только гости, но и хозяева.

Ребята выходили последними.

На улице они остановились, чтобы подождать Эдуарда Ивановича. Ушёл только Владик: мать просила его прийти пораньше.

— Как насчёт порук? — спросил Петька.

— Подожди, — отмахнулся Виктор. — Попасть бы в ученики к Эдуарду Ивановичу!

— Мне было страшно, — сказала Лёлишна, — я всё про тебя вспоминала.

— Ну, а поруки? — не унимался Петька. — Обещали ведь решить этот вопрос. Вам-то что? Пришли домой, поели хорошенько — и спать. А меня знаете что? Ждут. Уж если львов и мартышек дрессировать можно, то почему же я считаюсь неподдающимся? Вон Эдуард Иванович львов на поруки взял, а вы меня, человека, не хотите!

— Ладно, ладно! — резко произнёс Виктор. — Расхныкался. Любишь кататься — люби и саночки возить. Поможем тебе на этот раз саночки везти. Но учти: если подве-

дёшь, пощады не будет! Уж не знаю, что я с тобой сделаю, но — берегись!

— Берегусь, берегусь! — радостно воскликнул Петька, а Лёлишна сказала:

— Я вот ему ни капельки не верю. В любой момент подведёт и не заметит. Поверим ему в самый распоследний раз.

Из цирка вышли Эдуард Иванович и Григорий Васильевич, были они усталые и весёлые.

Ребята радостно загалдели, перебивая друг друга.

— Спасибо вам за всё, — смущённо проговорила Лёлишна. — От меня особенно спасибо.

— Вот уж не за что, так не за что, — ответил Эдуард Иванович. — Мы всё делали с удовольствием. Мне, правда, немного попало от директора, но ничего.

— Милиционера только жаль, — добавил Григорий Васильевич и рассмеялся. — Хороший он человек, но почему-то не любит цирка. Даже конца представления не дождался. Пошли, товарищи. Мне ещё Эмму надо домой проводить.

*Следующий номер нашей программы
можно назвать*

«ПАЛКА О ДВУХ КОНЦАХ».

*Это последнее крупное
выступление Петьки-Пары!*

Пословица утверждает, что у палки два конца, и если одним концом кого-нибудь ударишь, то вполне вероятно, что второй конец стукнет по тебе.

Применима ли эта пословица к тому, о чём сейчас прочтёте, судите сами. Или другие пословицы подберите.

Вот Петька постучал в дверь своей квартиры — постучал спокойно, с достоинством, как стучит человек, который ни в чём не виноват. А если и виноват, то его, между прочим, на поруки берут. Значит, не совсем уж он конечный человек.

За дверью — тишина.

Постучал Виктор.

Опять — тишина.

— Чего это они? — испуганно прошептал Петька.

— А вот так тебя всегда будят, — сказала Лёлишна. И тоже постучала.

Долго, громко стучала.

— Да что же это такое? — жалобно спросил Петька. — Чего они дрыхнут так? — И застучал обеими руками.

Как говорится, ни ответа ни привета.

— Идём спать к нам, — предложила Лёлишна.

— Ну да! Я домой попасть не смог, а кому попадёт? Будьте уверены — мне.

— Не стоять же нам здесь с тобой до утра, — сказал Виктор. — А если они спят, как ты, надо ломать замок.

— Я ещё попробую. — И Эдуард Иванович постучал так, что выглянули соседи из всех дверей.

— Я — домой, — сказал Виктор, — а то и мне попадёт.

И ушёл.

— Ладно уж, — весело проговорил Григорий Васильевич, — помогу, так и быть.

Он достал перочинный ножичек, раскрыл его и склонился над замком.

— Ой, до чего боюсь... — прошептал Петька. — Прямо хоть в Африку убегай. Не знаю только, как туда добираться.

— Сам ты, Петя, виноват, — сказала Лёлишна не с упреком, а с жалостью. — Вытерпи ты сегодня всё, а завтра возьмём тебя на поруки. И уж больше не дури.

И дверь открылась.

— Прошу, — предложил Григорий Васильевич, — замок цел. Только никому не рассказывайте о моих способностях.

Петька в знак благодарности и прощания помотал головой и скрылся за дверью.

В квартире никого не было.

Он заглянул в чулан, в ванную, в оба шкафа, даже под кровати заглянул.

Ни-ко-го.

Сел.

Куда все исчезли?

Почему не предупредили?

Так вот и сиди всю ночь?

А в голову разные страшные мысли лезут.

Вдруг на поезде уехали, а поезд — под откос?

Вдруг ВСЕХ ТРОИХ трамваем переехало?

Автобусом задавило?

Троллейбусом стукнуло?

А вдруг?

А вдруг?..

А ВДРУГ???

Петька забегал по комнатам.

— Мама! — жалобно крикнул он. — Папа! Бабушка! — и остановился, прислушиваясь; до того шею вытягивал, что голова чуть не оторвалась.

Страшно было за себя, за родных и вообще — страшно. Петька забыл даже о том, что голоден. Не до еды было.

«Бросили! Бросили! — думал он. — Покинули! И никому до меня, бедного, дела нет. Где вы?»

И от жалости к самому себе он взрыднул.

Всего он ожидал, к любому наказанию был готов. Но не к такому. Это было, по его мнению, не наказание, а издевательство.

Главное — ничего не известно!

Почему, когда хочется плакать, кажется, что слёзы собираются в носу?

Петька заплакал тихо, но изо всех сил. Ещё ни разу из него не выбегало столько слёз. Даже рубашка на груди промокла.

И впервые в жизни ему не хотелось спать — ночью! Вот какой он был несчастный!

Горели все лампочки, даже настольная, — семь штук. И всё равно казалось, что в соседней комнате есть кто-то. Чудились голоса.

Шаги.

Смех.

Музыка.

Шорохи.

СТУКИ.

Будто Петьку окружали со всех сторон.

И вот совершенно отчётливо он услышал, что на кухне кто-то ходит и разговаривает.

Он бросился в другую комнату, захлопнул дверь, навалился на неё плечом.

И услышал, что теперь разговаривают в комнате, откуда он только что выскочил.

— Кто там? — пискнул Петька.

«ВОры, — подумал он, — шПИоны, жулИки, убиЙцы, разБОЙники, пиратЫ. Узнали, что я один, и пришли ограБИТЬ, СжЕЧЬ, связать, избить, УБИТЬ!»

Осторожно, как бы отрывая марлю со свежей раны, потянул он дверь и одним глазом глянул в щёлку — никого.

Вытянув шею — ухо вперёд, он подошёл к кухне, заглянул — никого и, вместо того чтобы обрадоваться, сказал:

— Дурак!

Ведь это внизу, этажом ниже, и за соседними стенами разговаривали! Вот и сейчас слышно.

— Красота! Красота! Кислая капуста! — спел Петька и даже ногами потопал — вроде бы сплясал.

Но — есть неохота, спать неохота — что же делать?

Он лёг.

Лежал, лежал...

Встал.

Да где же это видано, да где же это слыхано, чтобы родители и бабушка из дому убегали?

Размышляя об этом, Петька машинально кончиком ножа провертел в столё ямку.

В новом-то столе!

Отшвырнул нож, сплюнул.

Опять в сердце забрался страх. Где они? А вдруг их в больницу отвезли?

Газом отравились!

Или объелись чем-нибудь?

В милицию надо бежать — сообщить!

Петька выскочил на лестничную площадку.

Сзади хлопнула дверь.

Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь... лампочек забыл он выключить и — кулаками застучал по перилам, будто они были виноваты.

И направился в милицию.

Да по дороге устал.

Присел в сквере на скамейку.

И уснул.

Крепко-крепко уснул, бедный.

Продолжаем нашу программу.

Следующий номер — утро

Лёлишна, конечно, увидела во сне цирк.

Такой смешной сон получился, что, проснувшись, она улыбалась.

А приснилось ей, что она укротительница. Только не львов, а...

На тумбах сидели:

СУСАННА

ВЛАДИК ДЕДУШКА

ПЕТЬКА

БАБУШКА (младшая).

А Виктор сидел верхом на льве.

Лев встал на дыбы (вернее, на задние лапы), прыгнул к Петьке, зубами взял его за шиворот, а Сусанна бросилась на хищника...

Тут Лёлишна и проснулась.

Кто это на кухне?

Лёлишна взглянула на будильник: половина десятого!

Почему же он не прозвенел в половине восьмого? Никогда ещё они с бабушкой не спали так долго!

Лёлишна оделась — и на кухню.

— Доброе утро, хозяйюшка! — приветствовал её Эдуард Иванович не оборачиваясь. — Как спалось? Какой сон после вчерашнего представления приснился?

— Что вы делаете?! — поразилась Лёлишна, словно не услышав вопросов.

— Готовлю завтрак. Я уже съездил на рынок. Дедушке будет манная каша, а нам с тобой...

— Ой, как нехорошо получилось! Я первый раз проспала! Никогда...

— Потому что я перевёл стрелку будильника на десять. И — не возражать. Извольте меня слушаться.

— Слушаюсь, — Лёлишна улыбнулась. — Что нужно делать?

— Умываться. А больше ничего. Уходите отсюда, не мешайте. Мы, домашние хозяйки, не любим, если стоят у нас над душой, когда мы стоим над плитой.

Лёлишна ушла умываться, а когда вернулась в комнату, дедушка уже сидел в постели.

Лицо у него грустное и виноватое.

— Стыдно вспомнить вчерашнее, — сказал он, — я плохо вёл себя. Феноменально плохо.

— Плохо вело себя твоё здоровье, а не ты.

— Сначала — оно, потом — я. Вернее, сначала всё-таки я, а потом — оно. И не надо меня утешать. Такие замечательные люди вчера из-за меня... Нет, нет, стыд и позор! Меня надо наказать. Жестоко, беспощадно.

— Ты абсолютно неправ, — сказала Лёлишна. — Виноват ты лишь в том, что без разрешения вышел погулять и играл в футбол.

— Нет-нет, я всё равно буду переживать. Долго. Мучительно.

— Вот как раз переживать тебе и нельзя. Иди лучше умойся.

— И всё равно буду переживать. Даже умытый.

— И добьёшься, что тебя положат в больницу.

— За что?! — ужаснулся дедушка.

— Чтобы лечить. Если не удаётся вылечить тебя дома, я отправлю тебя в больницу. Нельзя переживать с утра до вечера по любому поводу.

— Хорошо, — угрюмо согласился дедушка. — Я постараюсь выполнить твои указания. Но без переживаний жить ещё труднее, чем с переживаниями.

Как только сели завтракать, явился Петька.

Вид у него был помятый и растерянный.

Когда мальчишка рассказал, что его покинули родители, а вместе с ними и бабушка, все рассмеялись.

Пока все смеялись, Петька расправился со всей яичницей.

А пока смеялись над тем, как он уснул по дороге в милицию и проспал до утра, Петька доел что-то со сковородки (а что — не успел разобрать).

— Это всё ерунда, — задумчиво сказал он. — Вот лампочки, семь штук, забыл выключить, ямку в новом столе провертел — вот это хуже. Взяли бы вы меня к себе, дядя дрессировщик!

— Зачем?

— Да хоть зачем! Не может ведь быть, чтоб я хуже мартышки оказался. Да чтоб польза от меня была, хочу! — жалобно воскликнул Петька. — А то вред один! Самому надоело!

— Ну, раз надоело, — сказал Эдуард Иванович, — зна-

чит, соображать уже начал. А раз соображать уже начал, значит, со временем поумнеешь. А то ведёшь себя как грудной младенец. Ешь, спишь, делишки разные вытворяешь.

— Плюёшься, — добавил дедушка.

— Хватит тебе младенцем быть, — продолжал Эдуард Иванович.

— Грудным, — весело добавил дедушка.

— Ладно, ладно! — угрожающе проговорил Петька. — Вы меня ещё узнаете. Я таким замечательным буду, что меня когда-нибудь вывесят! Видали на Ленинской улице доска Почёта «Лучшие люди города»? Там я буду!

— Всё может быть, — сказала Лёлишна. — А на поруки тебя брать?

— А ну их, эти поруки! Сам я себе — порука.

Лёлишна с Эдуардом Ивановичем пошли мыть посуду, а Петька вышел на балкон.

— Переживаешь? — спросил, подойдя, дедушка. — Я тебе завидую. Тебе можно переживать. А мне запретили. Категорически. А это было моим любимым занятием.

— Я переживать не буду, — твёрдо ответил Петька. — Хватит. Буду себе какое-нибудь дело искать.

И тут он увидел своего отца и бабушку. Они выходили из-за угла дома.

— Папа! — не своим от радости голосом закричал Петька. — Бабушка! Я тут! Я здесь! Я к вам!

И умчался.

*Продолжаем нашу программу.
ПРОЩАНИЕ ЗЛОЙ ДЕВЧОНКИ
СУСАННЫ КОЛЬЧИКОВОЙ с читателями!
Читайте о её последнем выступлении
в нашей программе!*

Пробегая от подъезда к подъезду, Петька увидел невероятную картину.

До того невероятную, что не мог не остановиться.

Ему навстречу шла Сусанна Кольчикова с небольшим чемоданчиком в руке и с авоськой — в другой.

Шла одна, опустив голову.

Одна!

— Ты куда это? — прямо-таки обалдело спросил Петька.

Сусанна подняла заплаканные глазки, всхлипнула и ответила:

— Мы больше не увидимся. Прощай навсегда.

— Прощай, конечно, — сказал Петька, — тем более что навсегда. А куда ты?

Но злая девчонка больше не сказала ни слова.

Ушла, всхлипывая тонко и жалобно.

Её отправили в пионерский лагерь, потому-то она и брела опустив голову.

А вот почему она шла одна, сама несла (сама!) чемоданчик и авоську, это следует объяснить.

Вчера, прибежав из цирка без туфель и бабушки, Сусанна плюхнулась на диван и закрыла глазки.

И пронзительнейше застонала.

— ЕЩЁ ЧТО? — грозно спросил папа. — ОПЯТЬ ЧТО-НИБУДЬ?

— Где туфли? — спросила мама.

— Где бабушка? — спросила старшая бабушка.

— Она ИЗБИЛА меня, — со стоном ответила злая девчонка. — В цирке. При всех. Дала мне ЗАТРЕЩИНУ. И бросила на улице. Ой... как мне страшно ужасно...

— Довели, — мрачно заключил папа.

— Я петь больше для неё не буду, — сказала старшая бабушка. — И хрюкать не буду. И мяукать не буду. И куд-кудакать не буду. И вообще я уезжаю. К брату. В Калугу.

У Сусанны было такое ощущение, словно она ехала в трамвае по знакомому-знакомому маршруту, а приехала, например, на Луну.

Сквозь полуопущенные веки злая девчонка следила за тем, что происходило вокруг, и ничего не понимала.

Ей становилось ясно: происходило что-то непонятное, невиданное, страшное, что впоследствии будет ещё непонятнее, ещё невиданнее, ещё страшнее.

Родители и бабушки почему-то вроде бы перестают её слушаться. Были такие добрые, такие послушные...

— Ну... лад-но!

Она дёрнулась всем телом, затем подёргала левой и правой ногами попеременно.

— Это мне надо дёргаться! — крикнул папа уже обыч-

ным голосом. — Это ты нас издёргала! Нас сегодня вызывали в домовый комитет! И правильно! И смеялись над нами! И правильно!

— Посмотри, она всё ещё дёргается, — прошептала мама.

— ПУСТЫ! — отрезал папа. — Не боюсь нисколько. Завтра она поедет в пионерский лагерь, будет жить как все. Пусть попробует там дёргаться.

Тогда Сусанна стала хрипеть.

— Ей плохо, — прошептала мама.

— Пусть, — сказала старшая бабушка.

— Ни в какой пионерский лагерь я не поеду, — дрожащим голосом проговорила Сусанна. — Там для меня смерть. Я простыну, умру, утону, сломаю ногу или руку, отравлюсь недоброкачественно приготовленной пищей.

— Это мои слова, — грустно призналась старшая бабушка, — я отрекаюсь от них.

— Там за мной не будет надлежащего присмотра и ухода, — постанывая и похрипывая, продолжала Сусанна. — Мне, которая привыкла к заботе, ласке, трудно будет среди сотни невоспитанных сорванцов и сорванок.

— Последнего слова я не говорила! — воскликнула мама.

— А про клещей вы забыли? — спросила Сусанна. — Пусть тот отправляет детей в пионерлагерь, кто не может обеспечить им другой, более комфортабельный вид отдыха.

— Отказываюсь от своих слов! — крикнул папа. — Поедешь в лагерь! Там тебя отучат дёргаться и мучить взрослых! Там ты сама станешь человеком!

— А мои музыкальные способности?

— Нет у тебя никаких музыкальных способностей!

Пришла младшая бабушка, с порога заявила:

— Всему есть мера. Моя бывшая внучка довела меня до того, что я дала ей ЗАТРЕЩИНУ. В цирке. При всех. До сих пор рука болит. Свои новые туфли она оставила на улице.

— А ты не могла их поднять? — крикнула Сусанна. — Тебе трудно было нагнуться, да?

— МАРШ ЗА ТУФЛЯМИ! — И папа приподнял дочь с дивана и толкнул к дверям.

— И вообще я уезжаю, — сказала младшая бабушка, — к сестре. В Воронеж. Хочь отдохнуть.

Если бы я был злой человек, я бы всему этому порадовался. Но, честно говоря, мне чуть-чуть жаль Сусанну. Не одна же она виновата, что выросла злой девчонкой.

Туфель она не нашла — утащили собаки.

Села Сусанна на диван и заплакала. Заплакала она по-настоящему, с горя.

Никто к ней не подходил.

Бабушки собирали вещи, так как решение уехать оказалось бесповоротным.

Никто не подходил к Сусанне.

Только мама несколько раз вставала, но каждый раз садилась обратно.

Утром Сусанна спросила:

— Я ведь никуда не поеду, правда?

— Поедешь, — спокойно, но твёрдо ответил папа, — в пионерский лагерь «Рассвет».

— Кто проводит меня?

Папа ответил тем же тоном:

— Дорогу ты знаешь. Возьми вещи и иди. Счастливого тебе отдохнуть.

О том, как ей жилось в пионерском лагере, догадайтесь сами.

Представление продолжается.

Выступают тигрёнок Чип,

мартыш Хлоп-Хлоп и домоуправляющий —

ГРОЗНЫЙ ТОВАРИЩ СУРКОВ

В домоуправление, где сидел грозный товарищ Сурков, которого все боялись, вместе с Лёлишной пошёл Эдуард Иванович, сказав:

— Сначала заглянем в цирк, возьмём с собой помощников.

Помощниками оказались Чип и Хлоп-Хлоп. Как они обрадовались, увидев хозяина!

Мартыш даже полез целоваться, но Эдуард Иванович отвернулся. Хлоп-Хлоп обиженно пискнул, но чмокнул-таки его в щёку.

А Чип тёрся о ноги хозяина и урчал-урчал-мурлыкал.

— Вот что, друзья, — сказал Эдуард Иванович. — На

нашу долю выпала ответственная задача. Надо помочь Лёлишне и её дедушке обменять квартиру. Несколько раз она обращалась в райжилуправление, откуда заявления пересылали в домоуправление к грозному товарищу Суркову, которого все боятся. Грозный товарищ Сурков говорит: не имеем возможности, но постараемся. На самом же деле он имеет возможность, но не старается. Наша задача заключается в том, чтобы заставить товарища Суркова перестать быть грозным и быстрее помочь Лёлишне. Ясно? Вопросов нет? В путь!

Лёлишна вела Чипа на поводке, а Хлоп-Хлоп устроился на руках у хозяина.

Сами понимаете, что за ними увязалась целая толпа мальчишек, которым Хлоп-Хлоп показывал язык, кулак и корчил рожицы.

И мальчишки показывали ему язык и строили рожицы, но кулаками не махали.

Вот такой толпой и явились к домоуправлению.

Служащие этой важной конторы всполошились.

А когда в комнату к ним втопал, скаля зубы, Чип, служащие (а это были женщины) вскочили из-за своих столов и спрятались за самый большой стол, за которым восседал сам грозный товарищ Сурков.

Надо сказать, что когда-то, не очень-то уж и давно, грозный товарищ Сурков был немаленьким начальником, но очень плохим человеком. Стал он из-за этого начальником поменьше, а каким он стал человеком, судите сами. Пора вам во всём этом уже самим разбираться.

Внешне в нём ничего грозного не было. Невысокого роста, с лохматой шевелюрой, с недобрый взглядом чёрных маленьких глаз, он, чтобы выглядеть выше ростом, носил шляпу.

Её он не имел обыкновения снимать даже в конторе.

Увидев тигрёнка, Эдуарда Ивановича, Хлоп-Хлопа и Лёлишну, товарищ Сурков спросил:

— Как прикажете это понимать? Адреса зверинца не знаете?

— Здравствуйте, — сказал Эдуард Иванович.

А мартыш молниеносным прыжком соскочил на стол, сорвал с управляющего шляпу, возмущённо погрозил ему пальцем, сам себе поаплодировал и снова влез на плечо к своему хозяину.

Товарищ Сурков на приветствие не ответил и, стараясь выглядеть невозмутимым, спросил:

— Охлопкова, где тигра взяла? Зачем сюда появилась? Почему без намордника? Мартышке кто тут скакать разрешил? — И платком вытер крупные капли пота на носу.

— Я насчёт заявления, — сказала Лёлишна. — Дедушке тяжело подниматься... врач сказал... тигрёнок из цирка... вы обещали... дедушка...

— Ну, обещал! Дальше?

— Выполняйте своё обещание, — сказал Эдуард Иванович.

А Чип, как бы полностью поддерживая просьбу хозяина, зарычал, широко раскрыв пасть.

Женщины завизжали.

Мальчишки, облепившие подоконники, захохотали и тоже порычали и повизжали.

— Я милицию вызову, — сказал, сразу став не очень грозным, управляющий домами. — Вы нарушаете общественный порядок. Мешаете работе государственного учреждения. Хулиганите. Нервируете аппарат, то есть моих сотрудников.

— А вы не хотите помочь девочке, — спокойно возразил Эдуард Иванович. — Вы же знаете, как ей трудно жить, имея на руках больного дедушку.

— Я всё знаю! — тихо крикнул товарищ Сурков, снова вытирая пот на носу. — Надоела мне ваша девочка с вашим дедушкой! Из горздрава два раза звонили. А у меня нет...

— Есть, — испуганно возразила одна служащая, — мы ещё вчера напоминали вам о заявлении Охлопковой...

— О! — произнёс товарищ Сурков. — Чередь! Желающих спуститься с верхних этажей в нижние путём обмена жилплощади много. У одного — дедушка, у другого — бабушка, третий сам плохо дышит. Но это всё ерунда. Другое дело — мотоцикл, мотороллер. Дедушки-бабушки-инвалиды всякие и дома посидеть могут, нечего им взад-вперёд на пятый этаж бегать. А попробуй-ка на себе мотоцикл, да ещё с коляской, таскать. Мотороллер попробуй на себе таскать. А?

Мартыш показал ему язык.

И мальчишки показали ему языки.

А Эдуард Иванович твёрдо сказал:

— Мы не уйдём отсюда, пока вы не дадите...

— Не дам! — крикнул товарищ Сурков. — Не дам!

И мальчишки закричали:

— Не дам! Не дам! Не дам! Не дам!

— А я не могу, — гордо и даже торжественно произнёс товарищ Сурков, — не могу думать и руководить в такой обстановке.

Тут все служащие стали упрашивать его подписать заявление Охлопковой, называли номер дома и номер квартиры, жильцам которой не нравится первый этаж.

— Пусть придёт в другой раз, — упрямылся товарищ Сурков. — А то можно подумать, что я тигрёнка или мартишки, видите ли, испугался. Или попал под их влияние. Смешно. Нет, нет, пусть Охлопкова ещё несколько разиков придёт.

— И в каждый другой разик, — насмешливо сказал Эдуард Иванович, — я буду приходить с ней. И возьму с собой уже не тигрёнка, а льва.

— Льва-а-а? — хором спросили мальчишки и служащие.

— самого настоящего. И тоже без намордника. Могу и двух львов привести. И трёх.

— Безобразие, одним словом, — еле выговорил товарищ Сурков, теперь уже совсем негрозный. — Отвечать будете. Какая там у нас квартира на обмен согласна?

Короче говоря, завтра же Лёлишна могла переезжать на первый этаж в соседнем доме.

Следующим номером нашей программы —

ЖИВЫЕ ТАРЕЛКИ.

*Исполняет единственный мужчина
в своей семье*

Владик Краснов, бывший Головешка.

В действие вступает ТЕТЯ НЮРА,

КОТОРАЯ СЧИТАЕТ СЕБЯ

СВЯТОЙ

Владик мыл посуду. То есть не мыл, а бил.

Потому что тарелки оказались живыми.

Первая же тарелка выскользнула из его рук в раковину. И конечно, разбилась.

— Эх, ты, — сказал ей (вернее, её осколкам) Владик, — совести у тебя нету.

Со второй тарелкой он держался насторожённо и даже сумел донести её до струи воды из крана.

И тут она (то есть тарелка) выскользнула из его рук на пол.

И разбилась.

«Ну погодите! — возмущённо подумал Владик. — Не хотел я с вами связываться, а придётся. Не забудьте, что руки у меня золотые. Так сам гражданин милиционер дядя Горшков считает. Мозговая система у меня имеется. И вы из себя много-то не воображайте. Тем более, что я — единственный мужчина в нашей семье».

И тут третья тарелка — вдребезги.

Сел Владик.

Задумался.

Пустяковое вроде бы дело, а — не получается. В цирке вон тарелки на палках крутят, в воздух бросают и чего только с ними не делают, а тут...

Он встал.

Взял тарелку обеими руками.

И — поднёс к раковине.

Но нужна ещё одна рука, чтобы открыть кран.

Владик отнёс тарелку обратно на стол, открыл кран, взял тарелку обеими руками и подставил под струю.

Брызги во все стороны бросились.

Даже глаза пришлось зажмурить.

Вымок Владик до пояса.

Зато и тарелка немного вымылась.

К следующей — пятой — тарелке он отнёсся уже увереннее, да и она, видимо, почувствовала, что имеет дело с человеком, который кое-что в мытье посуды уже понимает.

И облился он на этот раз меньше.

Маленькая работа, а — работа. И когда сделаешь её, приятно.

— Чего тут стряслось? — услышал он напуганный и возмущённый голос тёти Нюры.

— Да вот посуду мыл, — небрежным тоном ответил Владик. — Я ведь единственный мужчина в семье.

— Единственный ты лоботряс в семье! — сказала тётя Нюра. — Кто тебя просил? Вот натворил дел! Подожди,

упекут тебя в колонию, сто раз пожалеешь, что не слушался добрых людей.

Ругалась тётя Нюра равнодушно, и раньше Владик не обращал внимания на такие слова, но сегодня ответил:

— С утра до вечера вы меня без передыха ругаете. Зря. Если человеку всё время втолковывать, что он лоботряс, то он лоботрясом и будет.

Они с тётей Нюрой собрали осколки, а она принялась вытирать пол, говоря:

— Тебя не ругать нельзя. Потому как хвалить тебя не за что. Ты вот телевизор не смотришь. А каких там мальчиков показывают иногда! Чистенькие, умненькие, рассуждают ровно взрослые. Советы дают, учат. И все из нашего города. Местные. Сердце не нарадуется. Вот тебе бы с них пример взять.

— У нас телевизора нет.

— И никогда не будет! — И тут тётя Нюра заметила на нём новые брюки, всплеснула руками: — Кто это тебя?

— Знакомые одни.

— До чего же ладно подогнано! Только ботинки всё портят. Ботинки бы сменить! — сокрушалась тётя Нюра. — Уж больно они у тебя длинноносые. Погоди, погоди, я сейчас. — Она быстро ушла, почти убежала, и скоро вернулась, держа в руках сандалии. — Примерь-ка. Если подойдут, будешь ты парень хоть куда. И меня добрым словом вспомнишь. Мол, есть на свете тётя Нюра — святой человек. Ведь с какой стати, собственно, я о тебе забочусь? Да потому что добрая, отзывчивая я... Не жмут? Носи на здоровье.

— Спасибо. — Владик даже потопал от радости.

— Покажись-ка матери.

Владик убежал.

Ксения Андреевна, как всегда, полулежала на кровати.

— Мам, смотри!

— Балуешь ты нас, — растроганно сказала она вошедшей в комнату тёте Нюре. — Спасибо тебе. Весь он в обновлениях. Прямо и не узнать, до чего хорош парень.

— Не хвали ты его раньше времени, — ворчливо посоветовала тётя Нюра. — Посмотреть ещё надо, как он дальше расти будет. Пока похвастаться ему нечем.

— Когда хвалят, на него больше действует, — виновато сказала Ксения Андреевна.

— Всем нам охота, чтоб нас хвалили, — усмехнулась тётя Нюра. — А к ругани надо привыкать. Легче жить будет. А то знаешь как он себя величать начал? — Она хихикнула. — Единственный, мол, мужчина в семье! — Она расхохоталась. — А я ему говорю: единственный ты, мол, лоботряс в семье.

— Ничего смешного нет, — хмуро сказал Владик.

— Три тарелки он тебе расколлот. Помощничек!

— И пусть, — радостно сказала Ксения Андреевна. — Научится. Лиха беда — начало.

— Ничему он не научится! — почти крикнула тётя Нюра. — Одному пока только и научился — за чужой счёт жить. Да кабы не моя доброта...

— Берите свою доброту обратно, — вдруг сказал Владик.

Снял сандалии. И отодвинул их от себя.

— Чего ты?! — возмутилась тётя Нюра. — Подумаешь, обиделся! К тебе по-людски, а ты...

— Может, и меня когда-нибудь по телевизору покажут, — пробормотал Владик. — И нечего меня на каждом шагу ругать. Ругаться легко! Телевизор смотреть легко! А вы попробуйте жить, как мы живём, как нам с мамкой...

— Прости ты меня тогда, — насмешливо перебила тётя Нюра. — Только запомни: добрая я, отзывчивая. Жалею тебя. Возьми сандальки.

— Спасибо, не надо, — твёрдо отказался Владик. — И жалеть меня не надо. Может, сам справлюсь.

— Вот что! — тётя Нюра встала. — Ты словами-то не кидайся! И не гордись! Нечем тебе гордиться! Не задирай нос-от! Рассуждатель!

— За что ты так? — растерянno спросила Ксения Андреевна. — Маленький ведь он ещё.

— Маленький, да удаленький. Сердце кровью обливается, когда об вас думаю. Чего бы вы делали, кабы не я? Вы мне спасибо говорить должны не переставая. А он физиономию от меня воротит! Возьми сандальки! — крикнула тётя Нюра.

— Не возьму, — ответил Владик. — И не нужна мне ваша помощь больше. И пол мыть научусь! — с отчаянием продолжал он. — И суп кипятить научусь! И чай варить! И по магазинам ходить буду!

— Да кто тебе деньги-то доверит?

— Я, — сказала Ксения Андреевна. — За великую помощь тебе, Нюра, великое спасибо. Никогда не забуду. Но прав Владик — больше не надо.

— Да ты... Да ты что, Ксения? Я над собой ни смеяться, ни издеваться не позволю! Никому, не то что тебе с твоей Головешкой! Да вы меня не обижать, а обожать должны!

— Мы с тобой потом обо всём поговорим. — Ксения Андреевна достала из-под подушки книгу, протянула сыну. — Вот здесь все наши с тобой деньги, квитанции всякие. Положи на комод. Надо будет — бери.

— Можно подумать, — оскорблённо пробормотала тётя Нюра, — что я не пользую, а вред делала.

— Тебе куда-то надо, Владик? Так ты иди, иди. Часикам к двум возвращайся, сбегает в столовую за обедом. Были бы у меня ноги живые — я бы на месте не сидела. Иди, иди, сынок.

Когда Владик ушёл, так и оставив сандалии, тётя Нюра заговорила громко и пронзительно:

— Чего это вы? На кого надеетесь? Думаете, ещё такую дуру, как я, найдёте? Ты поверила, что Головешка образумилась? Да накатило просто на него. Хлебнёшь ты с ним ещё горя! Тыщу раз ещё меня вспомнишь!

— Добра твоего я никогда, Нюра, не забуду. А какая мать без горя прожила? — тихо спросила Ксения Андреевна. — За помощь, говорю, великое тебе спасибо. Только в одной руке ты, оказалось, помощь протягиваешь, а другой — по сердцу бьёшь.

— Да чего вы без меня делать будете? Да ты знаешь, что умные люди про меня говорят? Святая ты, Нюра, говорят! Куда вы без меня?

— Жить будем. Свет не без добрых людей. К осени меня — в больницу, а Владика — в детдом. Может, и вылечат меня. На юг куда-то увезут. К морю.

Мне придётся прервать на этом их разговор. Думаю, что суть его вы поняли.

*А перед началом следующего номера
автор просит уважаемых читателей
разрешить ему сказать несколько слов,
которые он считает очень необходимыми*

Вот мы и приближаемся к окончанию нашей программы.

Начались уже заключительные выступления.

И жалко мне расставаться с моими героями — моими друзьями-приятелями, ведь расстаюсь я с ними навсегда.

И в то же время мне радостно, потому что работа близится к завершению.

И с вами мне расставаться жалко. Пока вы читали книгу, мы с вами как будто беседовали по душам.

Конечно, я надеюсь, что мы с вами встретимся ещё не один раз, но всякое в жизни бывает. Недаром писатель старается каждую книгу писать так, словно она — последняя. И старается вложить в неё всё, что ему хочется сказать людям.

Но какой бы ни была книга толстой, у неё обязательно есть конец.

Решил я ещё раз — последний! — ненадолго остановить действие повести, чтобы сказать вам несколько слов, которые кажутся мне очень необходимыми.

Решил я сказать их именно в этой книжке, не откладывая до следующей.

Потому что когда я напишу следующую книжку, вы уже станете совсем большими, вам будет не до детских книжек.

Если вы закроете «Лёлишну» и быстро забудете о том, что в ней написано, то — полбеды. Значит, либо я плохо написал, либо вы прочитали невнимательно.

Но вот вопрос: неужели вы умеете глотать книги?! Ам — и прочитали?

И забыли.

Тогда — для чего читать? Чтобы только провести время до начала, предположим, телевизионной постановки о шпионах?

Авторы пишут, стараются, переписывают рукописи по несколько раз; в типографии огромные машины печатают, переплетают книги — для чего?

Если бы вы не боялись слова «учебник», я бы сказал, что даже смешные книги — это учебники.

Да, да, учебники! По ним можно учиться жить.

Если, конечно, есть желание.

Говорят:

— Скажи мне, ЧТО ты читаешь, и я скажу, КТО ты.

Но есть ещё одна, по-моему, более важная поговорка:

— Скажи мне, КАК ты читаешь, и я скажу, КТО ты.

Вы — люди понятливые, и я не буду вам всё растолковывать до конца. Сами поймёте.

*Продолжаем нашу программу.
Сейчас номер разговорного жанра.
Выступают Лёлишна, дедушка и Владик*

Когда Владик рассказал Лёлишне о том, что случилось с ним утром, — об истории с тарелками и тётей Нюрой, то, к радости своей, услышал в ответ:

— Ты поступил правильно. Как настоящий мужчина.

— Да ну? — удивился Владик. — Я — единственный мужчина в семье, и ещё оказалось, что я — настоящий мужчина. Два мужчины во мне получилось?

— Один мужчина — хорошо, а два — лучше, — сказал дедушка. — Я, правда, всего-навсего единственный дедушка в семье, толку от меня не очень уж много.

— До чего вы мне все надоели, — весело сказала Лёлишна, — честное слово. Ну, хватит, дедушка.

— Я вот о чём думаю, — сказал Владик. — А дальше? Я ведь ничего не умею делать. Две тарелки всего осталось. Вымою их — черепки соберу. А суп из чего есть? Из стаканов? Так я их тоже поломаю. В другой раз.

— Надо учиться, — сказал дедушка. — Вот я из пяти тарелок разбиваю лишь одну. Потому что у меня есть опыт. А у тебя его нет.

— Я уже, когда к вам шёл, пожалел, — признался Владик, — зря, может, сандальки не взял? А потом включил мозговую систему: нет, не зря. Сами подумайте: во мне двое мужчин, сообразим мы вдвоём что-нибудь путное или не сообразим?

— Всё может быть, — как-то очень серьёзно сказал дедушка. — К счастью, я умею советовать. Если бы не плохое здоровье, я бы мог работать в горСОВЕТЕ. И вот сейчас я вам дам совет. Если что не поймёте, спрашивайте. Я охотно объясню. Даю совет: Владику нужно помочь.

— А как? — спросила Лёлишна.

— Как — я не знаю. Моё дело — дать совет.

— За совет спасибо, — сказала Лёлишна. — Будем ему помогать. Только ты, Владик, должен дать слово, что не отступишь.

— Куда?

— Назад.

— Куда назад?

— Раз ты решил стать главой семьи...

— Головой? — испугался Владик. — Это как? Это что?

— Главным в семье, — объяснил дедушка. — Вот как в нашей семье моя внучка.

— Ты должен всё делать без тёти Нюры, — сказала Лёлишна.

— Ничего у меня не получится! — Владик махнул рукой. — Какая я голова семьи? Я рот семьи!

— Вот ты уже и отступаешь.

Владик вскочил, пробежал по комнате, затараторил:

— Зачем я вас только встретил? Жил бы себе как жил! А тут мысли всякие в голове крутятся! Мозговая система скрипит, пыхтит, тарыхтит! Тарелки бить начал! Водой весь облился! Сандайки отдал! Трудно ведь всё это, да? На что мне это надо, а? Ещё одним мужчиной быть — ладно, а двумя-то зачем?

— А ну сядь, — приказала Лёлишна, и Владик сел. — Распрыгался! «Зачем, зачем»! — передразнила она. — Затем, затем! Если ты не отступишь, знаешь, что будет? Мама твоя выздоровеет!

— Да ну?

— А ты как думал? Конечно, выздоровеет. Не чужие руки ей будут пищу подавать, а твои. Не чужие люди ей будут помогать, а ты, сын.

— Честное слово, она феноменально права! — воскликнул дедушка. — Я давно бы умер, если бы не она. — Он погладил внучку по голове. — Я ведь рано просыпаюсь. Только вид делаю, что сплю. Иначе она тоже будет совсем рано вставать. Проснусь и каждое утро несколько часов думаю. Лежу и думаю. Думаю и лежу. Грустно мне этим заниматься. И тяжело. Не получилось из меня пенсионера. Какой я пенсионер? Больной. Дома сижу. А настоящие пенсионеры — как милиционеры! Они следят за порядком, борются с нарушителями всех возрастов — от младенцев до своего брата — пенсионера. Пенсионеры — как пионеры! Всегда готовы! А я... — Дедушка протяжно вздохнул. — Нет, никакой я не пенсионер... Не будь Лёли, я бы совсем...

— Вот ты опять начал переживать, — сказала Лёлишна, — а мы договорились, что ты этим заниматься не будешь.

— Переживать я всё равно буду, — виновато, но твёр-

до произнёс дедушка. — Но буду знать меру. Понемножку каждый день. А ты контролируй меня. И всё будет в ажуре.

— Всё будет в абажуре, — задумчиво сказал Вадик. — Тяжёлое это дело — быть главой-головой. Тут голова нужна. Сильная мозговая система.

— Идём, — сказала Лёлишна, — хватит рассуждать, надо делами заниматься. Дедусь, я приду скоро. Веди себя хорошо.

— Не сомневайся, — заверил дедушка. — Всё будет в ажуре-абажуре. Я ведь отчётливо сознаю, что вы — серьёзные люди. И у вас очень серьёзные дела. Не буду вам мешать.

*Читайте
о последнем выступлении Горшкова
в нашей программе!*

Горшкову дали несколько дней отпуска — отдохнуть.

Чего-чего, а отдыхать он не умел. Просто понятия не имел, как это делается.

И пошёл он гулять.

Настроение у него было — поднимите большой палец правой руки — во!

Он побывал в больнице. Товарищ майор чувствовал себя хорошо и пообещал Горшкову взять его на работу в уголовный розыск.

А когда исполняется твоё самое заветное мечтание, тебе хочется, чтобы всем было хорошо, как тебе. Ты готов забыть и простить все обиды, помириться с теми, с кем был в ссоре.

И Горшков почувствовал, что ноги его сами идут к цирку, и понял, что он нисколько не сердится на шапито и артистов.

И даже на мартыша!

В таком, как говорится, радужном настроении и явился милиционер в цирк.

На арене стоял Григорий Васильевич и...

И горел!

Горел он изнутри: дышал широко раскрытым ртом, из которого вылетало яркое пламя с дымом.

Горшков прыжком через барьер и к фокуснику — помочь!

А тот как ду-у-у-у-унет пламенем!

И милиционер отскочил, чтобы не опалиться.

«Куда только пожарники смотрят?» — возмущённо подумал Горшков, садясь на скамейку.

В это время фокусник кончил гореть, выдохнул из себя остатки дыма и спросил:

— Как впечатление!

— Горите вполне естественно, — ответил Горшков. — Не понимаю, однако, к чему? Зачем? А разрешение пожарной охраны имеете?

— Имею, имею, — успокоил его Григорий Васильевич. — А почему вчера ушли с представления?

— Вызвали на задание. Теперь буду работать в уголовном розыске. Вот пришёл попрощаться.

— Жаль. Мы к вам привыкли.

— Я нельзя сказать, что привык, — проговорил Горшков немного виновато, — но верю, что и от вас иногда может быть польза.

— И за это спасибо, — весело сказал Григорий Васильевич. — А вы на нас не сердитесь, пожалуйста.

— Да уж вроде бы и не сержусь. А пришёл я к вам, гражданин фокусник, опять из-за Головешки, то есть Владика Краснова. Обязаны вы ему помочь. Не отстану от вас ни за что. Обязаны вы людям помогать. Я так считаю! — Горшков вдруг разволновался и даже взял Григория Васильевича за руку. — Бегом бежать, чтоб помогать, надо! Вот сходите к нему домой, своими собственными глазами на жизнь его посмотрите. А как увидите его жизнь, так и не успокоитесь, пока не поможете.

— Упрямый вы человек, — с уважением сказал Григорий Васильевич. — Идёмте к вашему Головешке.

— Когда?

— Да сейчас. Я свободен до вечера.

Надо ли говорить, как обрадовался Горшков?

*Следующим номером нашей программы —
Владик Краснов сам себя ранит
в неравном бою*

Ксения Андреевна не расплакалась, как с ней обычно бывало в радостных случаях.

Она только без конца благодарила Лёлишну, называла её доченькой.

А Лёлишна вспоминала свою маму и еле сдерживала слёзы.

Так сидели они и разговаривали.

— До чего же мне теперь хорошо, доченька, — сказала Ксения Андреевна. — А всё оттого, что мы с тобой встречались. Теперь-то мой Владик когда из дому уйдёт бегать, переживать не буду. Смучилась ведь я с ним. Виду не показывала, а тяжело было. И не во мне дело. Я-то всё перетерплю, лишь бы он хорошим человеком вырос.

— Конечно, хорошим человеком вырастет, — сказала Лёлишна. — Можете даже и не сомневаться. А вам мы помогать будем не хуже тёти Нюры. У нас в классе есть девочки, которым дома не разрешают помогать по хозяйству. А им очень хочется домашним хозяйством заниматься. Вот они и ищут семьи, где много работы по дому. И помогают. И все довольны... Пойду посмотрю, что там Владик делает.

А Владик там — то есть на кухне — делал суп.

На мальчишке был передник, который ему подарила Лёлишна.

Рукава рубашки засучены.

А руки — в крови.

???

Во всяком бою бывают раны. А он вёл бой — с картошкой, свёклой, луком, капустой, морковью...

Видите, как много врагов?

А он один!

А его руки, которые милиционер гражданин дядя Горшков считал золотыми, оказались деревянными — ничего они не умели делать.

Только резались — словно нарочно лезли прямо под остриё ножа.

И странно было Владiku всем этим заниматься. Ещё

вчера был он беззаботным человеком, слонялся себе по улицам, делал что хотел (то есть ничего не делал)...

И вдруг...

Суп. Передник... И все руки в крови.

— Ой! — вскрикнула Лёлишна, войдя на кухню. — Эх ты, неумейка!

— Только не ругаться, — предупредил Владик, — надоело. Лучше похвали. Или молчи.

— Конечно, ты молодец. В общем. Йод у вас есть?

Вскоре Владик сидел в углу на табуретке, разглядывая свои руки, покрытые тёмно-коричневыми пятнами, а Лёлишна ловко чистила овощи.

— Ничего я не понимаю, — вдруг сказал Владик, — жил я, жил, не тужил — и вот тебе...

— В том-то и беда, что не тужил. А тебе надо тужить, обязательно надо.

— Почему?

— Сам должен понять почему.

— Включаю мозговую систему на полную мощность, — сказал Владик. — Думаю. Но — не понимаю.

— Ещё подумай.

Владик осторожно склонил голову набок, словно прислушиваясь к тому, что в ней происходит, поморщился и сказал:

— Плохо моя мозговая система действует.

— А ты не торопись, — посоветовала Лёлишна.

Через несколько минут Владик обрадованно крикнул:

— Есть! Я единственный мужчина в семье. Это раз. Я настоящий мужчина. Это два. Значит, я должен тужить? А ты кто? А тебе надо тужить? Ты единственная женщина в семье? Настоящая женщина, да? Здорово моя мозговая система работает, а?

— Не знаю. На вопрос ты не ответил.

— Отвечу когда-нибудь. Когда подумаю побольше. Тяжело всё это. — Владик вздохнул. — И ничего уж не поделишь. — Он опять вздохнул, ещё громче. — Зато и в колонию не попаду. В общем, буду жить и тужить на полную мощность.

Сказал он это таким жалобным тоном, что Лёлишна чуть не рассмеялась.

— Тебе хорошо, — завистливым тоном проговорил Владик, — ты девчонка. Ты всё умеешь. Ты тужить умеешь.

Выступает Григорий Ракигин!
Он задумывает номер,
какого ещё никогда не было
ни в одном цирке мира!

Горшков шёл торжественно.

Он был абсолютно уверен, что Григорий Васильевич, увидя, как живёт Владик, близко к сердцу примет его судьбу.

И поможет.

И тогда и ему, Горшкову, станет легко и радостно.

— Я ведь Владика ровно родного сына жалею, — сказал Горшков, — просто подумать боюсь, что опять парень со шпаной свяжется.

Но не знал Горшков, что теперь он уже не один заботится о судьбе бывшего Головешки.

Увидев неожиданных гостей, Ксения Андреевна посмотрела на них испуганно.

— Ничего, ничего не случилось, — сразу успокоил её Горшков. — Вот привёл к вам на предмет знакомства гражданина артиста-фокусника. Может, он вашим Владиком подзаймётся.

— Спасибо вам, — растроганно сказала Ксения Андреевна, — только не понимаю я... Народ у нас с утра до вечера теперь. Суп вот сварили. Давно я домашнего не ела. Одежду Владiku переделали. Тут вот вы пришли.

— Всё идёт правильно, — удовлетворённо произнёс Горшков. — Так и должно быть. Давно я об этом мечтал.

Григорий Васильевич сидел задумчивый, молчал, а потом вдруг спросил:

— А вы бывали в цирке, Ксения Андреевна?

— Была когда-то. А когда, уж и не помню. Владик вот недавно ходил, так рассказывал. Особенно про львов и про фокусы.

— Работать буду, телевизор купим, — сказал Владик. — Там тебе и цирк, и футбол, и кино с концертами.

— Ну, ждать, когда ты работать будешь, долго, — сказал Григорий Васильевич, — а цирк вы, Ксения Андреевна, скоро увидите.

— Ходить-то ведь я не могу.

— Организуем, — загадочно произнёс Григорий Ва-

сильевич. — Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе.

И, церемонно откланявшись, он ушёл.

И слышно было, как, закрыв за собой дверь, засвистел весёлую песенку.

— Магомет, — задумчиво проговорил Горшков, — гора. Магомет не идёт, гора идёт. Ничего не понимаю.

— Это пословица такая, — сказала Ксения Андреевна, — я по радио слышала. Это значит: если кто-то к кому-то не идёт, так тот сам прийти должен.

— Почти понятно. Только — почему бы прямо не сказать? Всё у них, у артистов, с выкрутасами. Но будем надеяться, что не подведут. Ни горы, ни магометы.

А Владику было и радостно, и тревожно. Почему радостно, это вы, конечно, понимаете.

А тревожно ему было оттого, что жизнь его менялась. И менялась резко. А резко менять привычную жизнь так же трудно, как на большой скорости резко сворачивать в сторону. Вдруг навернёшься?

Словно догадываясь о состоянии Владика, Горшков сказал:

— Конечно, враз-то трудно по-новому жить начинать. Но постепенно привыкнешь. Если Магомет к горе не пойдёт, она на него обвалится.

Случайно взгляд его упал на окно, и Горшков встал и начал внимательно следить за тем, что происходило во дворе.

И Владик встал рядом.

Увидели они нечто непонятное.

Григорий Васильевич разгуливал по двору, словно измеряя его шагами, останавливался, оглядывался.

— Дом, что ли, он тут строить собирается? — спросил Владик.

— Или деревья сажать? — спросил Горшков.

Но Григорий Васильевич ни дом строить, ни деревья сажать не собирался.

Он задумал номер, какого ещё никогда не было ни в одном цирке мира.

*Следующий номер нашей программы
называется ПЕРЕНОС!*

Это был самый весёлый из всех переездов, какие я только видел в своей жизни.

А видел я их немало: и как заселялись восьмидесятиквартирные дома, и стоквартирные, и такие, в которых число квартир и сосчитать на глаз невозможно.

А однажды я видел, как заселялся сразу целый квартал.

Но переезд Лёлишны с дедушкой — это всем переездам переезд!

На помощь пришли цирковые артисты, и рабочие, и даже музыканты.

Да ещё ребят собралось видимо-невидимо.

Да Горшков явился с двумя милиционерами.

— Безобразие, феноменальное безобразие, — сказал дедушка. — Сколько людей тратит время и силы на меня и на тебя. Получается, что мы сплошные тунеядцы. Потрясающие лодыри. Что мне нести?

— Ничего, — ответила Лёлишна.

— Опять? — возмутился дедушка. — Опять ты меня считаешь законченным инвалидом?

— Тогда носи свои лекарства. Я их сложила в одну коробку. Только не урони.

— Я бы ни за что не уронил их, — раздражённо проговорил дедушка, — если бы ты не напомнила о такой возможности. А сейчас я всё время буду думать о том, чтобы не уронить их. И обязательно, видимо, уроню.

— Роняй. Купим новые. Главное — переживать не надо, — посоветовала Лёлишна.

К дверям в квартиру выстроилась длинная очередь желающих помочь.

На всех лестничных площадках открылись все двери, из-за которых выглядывали любопытные.

Музыканты с инструментами в руках стояли у крыльца. Эдуард Иванович спросил:

— Все готовы?

— Все!

И он скомандовал:

— Раз-два, взяли! И — шагом марш!

Первым в дорогу двинулся шифоньер. Его несли сило-

вые акробаты. Шифоньер для таких богатырей — всё равно что для нас с вами табурет. Они даже не почувствовали, что, кроме шифоньера, несут ещё...

Что бы вы думали?

А?

Не что, а — кого?

Да Петька спрятался в шифоньере, хотел всех напугать или рассмешить, но заснул.

Затем в дорогу двинулись кровати. Их несли воздушные гимнасты. Им такие ноши — нечего и разговаривать!

И оттоманка двинулась в путь, и письменный стол, и круглый стол, и стулья...

И когда на крыльце показался шифоньер, грянул оркестр.

Откуда ни возьмись, появился сам грозный товарищ Сурков.

Рот разинул от удивления.

Ничего понять не мог.

А мальчишки сбежались чуть ли не со всего города! Лишь бы только вещей хватило — кому что нести. Тут уж поступали честно: делили поровну — кому ножик достался, кому вилка, да и чайная ложка — тоже вещь!

И всем хотелось, чтобы вещей было много-много.

Таскать бы да таскать!

Под музыку!

Да хоть целый день!

Весёлое настроение людей передалось даже мебели.

Шифоньер пританцовывал.

Письменный стол приплясывал.

Стулья как бы кружились в вальсе.

Тарелки летали по воздуху от жонглёра к жонглёру.

Сам грозный товарищ Сурков крикнул:

— Что тут происходит?

И мальчишки хором под музыку пропели:

— Лёлишну перевозим! Лёлишну перевозим! С дедушкой перевозим! С дедушкой перевозим! С пятого на первый!

И рот у грозного товарища Суркова опять раскрылся.

И не мог товарищ Сурков никак его закрыть.

И сказать ничего не мог — до того удивился. Не привык он, чтобы человеку оказывали так много внимания.

Так с незакрытым ртом и ушёл.

А переезд продолжался.

Хлоп-Хлоп сидел на плече у Эдуарда Ивановича, одной рукой держался за него, а другой помогал Лёлишне с дедушкой переезжать — нёс карандаш.

Карандаш этот доверили Хлоп-Хлопу совершенно напрасно.

Когда Эдуард Иванович спускался с пятого этажа, мартыш вёл грифелем по стене и прочертил линию до первого этажа. (В суматохе никто этого не заметил, а потом весь подъезд долго гадал: кто же из мальчишек мог так набезобразничать? И попало, конечно, Петьке, хотя он спал в шифоньере.)

А раз я вспомнил о Петьке, то надо рассказать, что он там, бедный, в шифоньере, переживал.

Проснулся он оттого, что его покачивало и играла музыка.

Темнота.

Несут.

«Помер я, что ли? — испуганно подумал Петька. — А чего тогда музыка весёлая? Радуются, что ли, что одним хорошим человеком на земле меньше стало?»

И, чтобы убедиться, что он жив, Петька плюнул.

Живёхонек!

И сразу обо всём вспомнил и захихикал — пусть несут! Это ему за все его несчастья — первое в жизни удовольствие.

Когда из квартиры вынесли всё, девочки помогли Лёлишне вымыть полы.

Она вручила ключи новым хозяевам квартиры.

А они отдали ей ключи от своей квартиры.

Теперь мебель запританцовывала, заприплясывала в обратном направлении.

Снова грянул оркестр — помогали переехать и тем, с кем Лёлишна обменялась квартирой.

Правда, подниматься на пятый этаж труднее, чем спускаться, но — всё равно весело.

Когда все помогают всем — всегда весело.

С музыкой-то тем более!

И всем жильцам обоих домов захотелось сейчас обменяться квартирами.

— Это не переезд, — сказал дедушка, — а перенос.

Он был очень горд, потому что не уронил коробку с ле-

карствами: сам перенёс её на новую квартиру и осторожно опустил на табурет.

— Вот и с новосельем вас, — сказал Эдуард Иванович.

— И вас тоже, — ответил дедушка, — ведь вы у нас живёте. Значит, и у вас новоселье. Лёля, срочно валерьянки! Феноменально срочно! Я очень разволновался. От радости. Я не переносу, когда вижу так много доброты. Сердце не выдерживает.

— Не давать ему валерьянки! — вдруг строго приказал Эдуард Иванович. — Радостные волнения полезны любому организму.

— Да, но я привык к валерьянке, я...

— Вот именно, — тем же строгим, даже грозным тоном перебил Эдуард Иванович. — Вы привыкли. Надо отвыкать.

— Как? — упавшим голосом спросил дедушка.

— Очень просто, — ответила Лёлишна, — отвыкай — и всё. Держи себя в руках. Будь мужественным.

— Трудно это. И неинтересно. Я однажды целый день был мужественным и — очень устал. Разрешите мне хотя бы изредка тяжело что-нибудь переживать?

Эдуард Иванович с Лёлишной переглянулись, и она ответила:

— Не разрешаем.

Дедушка совсем растерялся.

Сел.

На коробку с лекарствами.

— Ну вот, — удовлетворённо сказал он, — вот вам и результат.

— Ты встань, — предложила Лёлишна.

— Мне теперь всё равно, — сказал дедушка и встал.

Лёлишна расправила смятую коробку и сказала:

— А теперь будем наводить порядок.

— Эй! — раздался из шифоньера знакомый голос. — Откройте! Задохнусь, чего доброго.

Открыли.

— Привет, — сказал Петька, — хотел вам помочь, да уснул.

Мог бы и сейчас помочь, нашлась бы работа, да разыгрался с Хлоп-Хлопом.

Сидели они друг против друга и дразнились.

Петька сам себе аплодировал.

А мартыш плевался.

Наша программа подходит к концу.

Начинаем очередной номер

Лёг спать дедушка.

Привязанный цепочкой к батарее центрального отопления, спал на подстилке Хлоп-Хлоп.

В соседней комнате растянулся на ковровой дорожке Чип.

Дедушка видел во сне, что ему снова разрешили переживать с утра до вечера.

Хлоп-Хлопу снился Петька — будто они с ним соревнуются, кто дальше плюнет.

Чипу пригрезилось: бегают он по лесу, а под каждым кустом или деревом лежит или кусочек сахара или кусочек мяса.

А на кухне горел свет.

А за окном давным-давно была ночь.

На кухне за столом сидели Эдаурд Иванович и Лёлишна.

Они шептались.

Прыгала крышка на давным-давно закипевшем чайнике.

А они давным-давно шептались, склоняясь головами над столом.

Заскулил Хлоп-Хлоп: ему нужно было в туалет.

А его не слышали.

Он заскулил громче.

Проснулся Чип и зарычал.

Дедушка проснулся, испугался и с головой спрятался под одеяло.

А двое на кухне ничего не слышали.

Шептались.

Чип пожалел мартыша, подошёл к нему и спросил (конечно, на зверином языке):

— Чего раскричался?

— «Чего, чего»! — хныча, передразнил мартыш. — Неужели не понимаешь?

— Нет, — признался Чип.

— Я хочу, — стыдливо опустил глазки, произнёс Хлоп-Хлоп, — туда. Иди скажи им.

Чип лбом толкнул дверь в кухню, вошёл и с упрёком посмотрел на Эдуарда Ивановича.

Тот сразу всё понял, отвязал мартыша, и вскоре Хлоп-Хлоп снова спал.

И Чип спал.

А дедушка притворялся, что спит.

Когда двое на кухне снова зашептались, он тихонько вылез из-под одеяла, всунул ноги в тапочки.

И неслышно подошёл к дверям в кухню.

Но от напряжения и некоторого количества страха не мог ничего расслышать.

Сквозь стекло он видел затылок Эдуарда Ивановича и покрасневшее лицо внучки, но ничего не мог расслышать.

Но чувствовал, что разговор касается его.

А он ничего не слышит!

И вдруг услышал, что они замолчали.

— Входи, дедушка, — сказала Лёлишна.

— Как ты меня обнаружила? — виновато спросил он, входя.

— Очень просто, — ответила внучка, — в двери стекло, а стекло просвечивает.

— Представляю, как глупо я выглядел. — Дедушка вздохнул. — Но это из-за вас. Ваши звери, Эдуард Иванович, испугали и разбудили меня. А ваш разговор с Лёлишной растревожил меня. Прошу, вернее, требую валерьянки.

Лёлишна переглянувшись с Эдуардом Ивановичем и ответила:

— Садись, дедушка. Валерьянки ты не получишь.

— Справедливое решение, — сказал Эдуард Иванович. — Выпейте лучше стакан чаю с сахаром.

— Так, так, — продолжая стоять, произнёс дедушка. Вы против меня. Вдвоём. Понятно. О чём вы шептались? Отвечайте честно.

Опять переглянувшись с Лёлишной, Эдуард Иванович сказал:

— Отвечаю честно. Я убеждал Лёлю стать моей ученицей.

Дедушка сел.

— За несколько дней я хорошо изучил её, — продолжал Эдуард Иванович, — мне нравится...

— Феноменально! — перебил дедушка. — Вы специально приехали сюда на гастроли, чтобы увезти мою внучку! Сломать мне жизнь! Один вопрос: в какую больницу вы

собираетесь меня посадить, чтобы я не мешал вам? — Он вскочил. — А может быть, сделать проще? Бросить меня в клетку к вашим долгогривым? Они не будут меня долго мучить. В отличие от вас.

— Спать ты сейчас, конечно, не будешь, — сказала Лёлишна. — Тогда поговорим. Откровенно. Как взрослые люди. Милый дедушка, ты знаешь, как я тебя люблю. Люблю, — повторила она, когда он попытался что-то возразить. — И я никогда тебя не брошу. И ты это знаешь. Но...

— Не надо «но»! — взмолился дедушка. — Давай жить без этого «но»!

— Но я ещё не успела ничего сказать!

— И не надо! — радостно посоветовал дедушка. — Не надо ничего говорить. Идёмте спать... Почему вы оба молчите? Почему вы, Эдуард Иванович, молчите?

— Я собираюсь идти спать, — ответил Эдуард Иванович, — завтра у меня утренняя репетиция. А о нашем разговоре Лёля расскажет вам сама. Спокойной ночи.

И он ушёл.

— Может быть, и мы пойдём спать? — спросила Лёлишна.

— Что ты! — со вздохом отозвался дедушка. — В таком состоянии... Что ты задумала? И почему ушёл Эдуард Иванович? А! — Дедушка хлопнул себя ладонью по лбу. — Ему стыдно смотреть мне в глаза! Да?

— Пожалуйста, не стучай себя так сильно, — сказала Лёлишна, — голова заболит. Эдуард Иванович ушёл потому, что считает меня взрослой. И ещё самостоятельной. Он говорит, что я сама могу решать сложные жизненные вопросы.

— Понятно, понятно, — дедушка попытался усмехнуться. — Ты само**СТОЯТЕЛЬНАЯ**, а я, выходит, само**ЛЕЖАТЕЛЬНЫЙ**?

— Извини, несколько неостроумно. Тебе надо сначала успокоиться, дедушка. А потом мы с тобой поговорим.

В конце концов дедушка согласился лечь в постель. И не успел он снова начать разговор, как Лёлишна тихонько запела:

А в январе — январь,
В феврале — февраль,
В марте — тоже март,
В апреле — апрель...

И где-то в ноябре дедушка заснул.

А Лёлишна ушла на кухню, села у окна.

Уже начинало светать.

Да, Эдуард Иванович сказал, что она уже — не по годам — взрослая, самостоятельная, может решать сложные жизненные вопросы.

И предложил

ей

стать

его

ученицей.

Совмещает же Эмма учёбу и работу в цирке!

Но — дедушка. Он не может переезжать из города в город.

А в ушах Лёлишны звучал цирковой марш; стоило закрыть глаза, как она видела залитую ослепительным светом арену...

И если Лёлишна сейчас заплакала, то никто не видел.

И вот выдающийся фокус

Григория Ракитина!

ТАКОГО ЕЩЕ

НИКОГДА НИГДЕ НЕ БЫЛО!

Предпоследний номер нашей программы!

Во дворе дома, где жили Владик с Ксенией Андреевной, с утра появились незнакомые люди.

Они приехали на нескольких грузовиках и автобусах.

А в кузовах были всякие диковинные вещи: какие-то мачты, колёса, разноцветные бочки, разноцветные доски...

— Что такое? — спросила Ксения Андреевна.

— Не знаю, — сказал Владик, хотя и знал, в чём тут дело, но обещал до поры до времени ничего не рассказывать маме.

А я вам сразу объясню.

Незнакомые люди протянули через двор огромное полотно.

На нём было написано:

СЕГОДНЯ
ЦИРК ШАПИТО
ДАЁТ В ЭТОМ ДВОРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
В ДВУХ
ОТДЕЛЕНИЯХ
ДЛЯ
КСЕНИИ АНДРЕЕВНЫ КРАСНОВОЙ
Начало в 17 часов
Приглашаются все!

Придумал это, как вы уже догадались, Григорий Васильевич. Он рассказал своим друзьям-артистам о Ксении Андреевне, и они согласились участвовать в представлении.

Сами понимаете, что народу собралось видимо-невидимо.

Сидели даже на крышах.

Заполнили все балконы.

И дело не в том, что представление было бесплатным. Дело в том, что оно было необычным.

Конечно, не все номера удалось показать. Например, никак нельзя было привезти львов. Но всё остальное — почти как в настоящем цирке, а может, ещё и интереснее.

Вместо звонка — колокол.

Бом!

Бом!

Бом!

Оркестр заиграл марш.

Вышел ведущий и сказал:

— Сегодня мы выступаем в необычной обстановке. Необычен сегодня и повод для нашего выступления. Представление мы посвящаем Ксении Андреевне Красновой, которую многие из вас, вероятно, знают. Из-за болезни она не смогла прийти к нам в цирк. Мы пришли к ней!

Тут вышли все участники программы и хором сказали:

— Салют, Ксения Андреевна!

— Ура! — закричали все зрители.

Ксения Андреевна сидела в кресле, которое вынесли на балкон.

— Итак, — сказал ведущий, — первым номером нашей программы...

И началось представление.

Почти каждый номер приходилось повторять — так здорово аплодировали зрители.

А после представления устроили танцы.

А мальчишек и девчонок катали на Аризоне.

Весело было! Всегда бы так!

И вот —

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР НАШЕЙ ПРОГРАММЫ!

Вечерами, когда Эдуард Иванович был в цирке, ребята собирались у Лёлишны. Они играли в лото и домино, в «морской бой», а больше — спорили.

То есть не спорили, а ругали Лёлишну.

— Обзывать нельзя! — негодовал Виктор. — А то бы я тебя обозвал знаешь как?

— От такого дела отказываться, — вторил Владик. — Да если бы меня он взял! Я бы от радости выше дома подпрыгнул!

— Мне вот дрессировщиком быть нельзя, — мрачно говорил Петька, — я и на арене уснуть могу. Да и самого меня ещё несколько лет дрессировать надо.

А дедушка сидел весёлый-весёлый, изредка произносил:

— Ничего, ничего, всё будет в ажуре-абажуре.

Вечером пришёл Горшков.

Сначала ребята его даже не узнали: он был в штатском.

Настроение у него было мрачное и чуть-чуть злое.

— Ерундистика получается, — сказал он, молча выпив четыре стакана чаю без сахара. — Сплошное безобразие.

— А что? — спросили ребята и дедушка.

— Феноменальный ужас, — ответил Горшков и залпом выпил пятый стакан чаю без сахара. — Стыдно сказать, но почти каждый вечер в цирк хожу. Добровольно.

— Да ну?! — поразились ребята и дедушка.

— Добровольно, почти каждый вечер, — повторил Горшков. — А вернее, каждый свободный от работы вечер. Тянет меня туда. Понял я, в чём дело. Отдыхать в цирк

народ ходит. Сил набираться для завтрашнего трудового дня. Сидит зритель, смотрит на Эдуарда Ивановича и думает: силен, значит, человек! Вон львов не боится, а я хулигана позавчера испугался. Тоже вроде бы воспитательная работа получается.

— Эх, вы! — с укором и сожалением бросил дедушка. — А я разлюбил цирк. Он чуть не разлучил меня с внучкой. Хорошо, что у неё высокая сознательность, а то бы... — Он махнул рукой.

— Поясните обстановку, — попросил Горшков.

И тут ребята заговорили все разом. Вот что услышал Горшков:

— Эдуард, а она Иванович берёт отказывается к себе а мы в ученицы говорим да мне бы соображать ей такое пред надо ложили радовать а она ся что отказывается надо...

— Молчать! — приказал Горшков. — Пусть она сама расскажет.

— Вы представляете... — начала Лёлишна.

— Да, да, вы представляете — цирк! Горят все огни. Оркестр играет марш, от которого трудно усидеть на месте. На арене клетка из железных прутьев. Выходит ведущий и говорит:

«Выступает с группой дрессированных львов единственная в мире девочка-укротительница Лёлишна Охлопкова!»

— А она отказывается, — сказал Владик.

— Понятно, — сказал Горшков. — Тебе бы, Лёлишна, в милиции работать. Там такие люди очень нужны.

— Какие такие? — спросил Петька с завистью, но зевая.

— Такие, — гордо сказал Горшков, — которые как она... Вы уж меня извините, а я в цирк.

После его ухода ребята долго молчали.

— Ничего я не понимаю, — заговорил Петька. — Чего её все без конца хвалят? Девчонка она, конечно, ничего. Ну, а чего особенного-то?

— Она единственная женщина в семье, — ответил Владик, — и настоящая женщина.

— Особенного, может быть, ничего в ней и нет, — сказал Виктор, — но ей, а не мне, тебе или ему предложил Эдуард Иванович стать ученицей.

— Я, конечно, понимаю мою отрицательную роль в этой истории, — виновато сказал дедушка. — Но что поделаешь?

— Ничего, — ответила Лёлишна. — Всё равно я буду дрессировщицей. Когда-нибудь.

— И никогда не будешь на меня сердиться? — спросил дедушка.

— Никогда, — ответила Лёлишна, — можешь не беспокоиться.

Вот и всё, уважаемые читатели.

Даже у самых толстых книг бывает

КОНЕЦ.

И мы с вами добрались

до конца

«Лёлишны».

Мне осталось пожелать вам

счастливой жизни,

написать пос

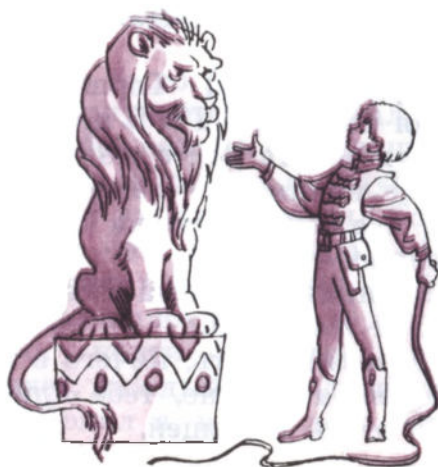
леднее

слово

КОНЕЦ

и поста

вить

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Друзья мои, приятели

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

5

ДЕНЬ ВТОРОЙ

15

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

22

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

26

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

33

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

40

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

46

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

49

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

51

**Многотрудная,
полная невзгод и
опасностей жизнь
Ивана Семёнова,
второклассника и
второгодника**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

57

ГЛАВА ВТОРАЯ

67

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

78

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

88

ГЛАВА ПЯТАЯ

96

ГЛАВА ШЕСТАЯ

110

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

121

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

130

Лёлишна

из третьего подъезда

ПАРАД УЧАСТНИКОВ

143

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

159

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

218

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

270

Для младшего школьного
возраста

Лев Иванович Давыдычев

ДРУЗЬЯ МОИ, ПРИЯТЕЛИ

ИБ № 3981

Ответственный редактор

Р. Н. Ефремова

Художественный редактор

Н. И. Комарова

Технический редактор

Е. М. Захарова

Корректоры

Т. В. Беспалая и Э. Л. Лофенфельд

Сдано в набор 05.12.80. Подписано к печати 27.07.81. Формат 70×100/16. Бум. офсет. № 1. Шрифт школьный. Печать офс. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 17,2. Усл. кр.-отт. 27,79. Тираж 100 000 экз. Заказ № 629. Цена 90 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Давыдычев Л. И.

Д13 Друзья мои, приятели: Юмористические по-
вести/Рис. Г. Валька. — М.: Дет. лит., 1981. —
318 с., ил.

В пер.: 90 к.

В книгу вошли три весёлые повести о детях: «Друзья мои, приятели»,
«Жизнь Ивана Семёнова» и «Лёлишка из третьего подъезда».

Д 70802—457
М101(03)81 180—81

Р2

90 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»